

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Центр корейских исследований



ИРКУТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

KOREA **KF**
FOUNDATION

РОССИЯ И КОРЕЯ: ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ – 2021

Тезисы и доклады
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 9–10 октября 2021 г.



УДК 327(470:519)
ББК Ф4(2)9(5Ко)
Р76

*Издано при финансовой поддержке
Корейского Фонда
(Korea Foundation) в рамках проекта
«Российско-корейские отношения в
контексте новых
социально-экономических вызовов
в постковидную эпоху:
восстановление экономических
связей и проблема трансграничной
миграции»*

*This work was supported by
the Korea Foundation within the
framework of the grant project
“Russian-Korean relations in the
context of new socio-economic
challenges in the post-COVID era:
restoration of economic ties and
problem of cross-border migration”*

Ответственный редактор
К. В. Иванов

Р76

Россия и Корея: взгляд из Сибири – 2021 : тезисы и доклады Международной научно-практической конференции. Иркутск, 9–10 октября 2021 г. / [отв. ред. К. В. Иванов] ; ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 196 с.

ISBN 978-5-9624-1965-7

В докладах рассмотрены актуальные проблемы российско-корейских отношений, проблемы политики, экономики, истории и культуры Кореи.

Предназначено для специалистов, интересующихся проблемами развития корееведения в России, студентов, аспирантов и широкого круга читателей.

УДК 327(470:519)
ББК Ф4(2)9(5Ко)

Научное издание

РОССИЯ И КОРЕЯ: ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ – 2021

*Материалы публикуются в авторской редакции
Дизайн обложки: П. О. Еришов*

Подписано в печать 07.10.2021. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 10,7. Усл. печ. л. 12,1. Тираж 100 экз. Заказ 133

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

ISBN 978-5-9624-1965-7

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКА

Акуленко В. С. Российско-корейское сотрудничество в области рыбного хозяйства	14
Захарова Л. В. Российско-северокорейские отношения в условиях пандемии	18
Иванов К. В. Перспективы сотрудничества России и Республики Корея по плану «Девяти мостов 2.0» в условиях постковидной реальности	22
Лексюткина Я. В. Сотрудничество России и Республики Корея в вопросах хозяйственного освоения Арктики	28
Ли Е. В. Иркутская область и провинция Кёнсан-Пукто: 25 лет побратимских отношений. Итоги и перспективы сотрудничества	33
Олейников И. В. Конструируя сотрудничество: опыт и реалии взаимодействия регионов Сибири и Республики Корея	39
Павлов Д. А. Взгляд представителей научных кругов Республики Корея на активизацию восточного вектора внешней политики России	43
Самович Ю. В. Российско-корейские отношения в свете проблемы безопасности Корейского полуострова	49
Толстокулаков И. А., Хан Чжихи. Государственная политика Республики Корея в сфере въездного культурного туризма	53
Han Jong-Man. The Survival Strategy of Russia and Korea focused on Siberia & Arctic	60
Хрусталеv В. В. Вооруженные конфликты 2020–2021 гг. – новые балансы для Корейского полуострова	67

СЕКЦИЯ 2. ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Асмолов К. В. Деятельность южнокорейских маргинальных религиозных движений на территории РФ	70
Seo Seunghyun. Endangered Turkic Languages of the Minorities in Russian Arctic Circle: Focusing on Dolgan and Yakut Languages	76
Цой И. В., Зайнуллина П. И. Сравнительный аспект государственной молодежной политики в России и Республике Корея: законы, принципы, приоритеты	84
Шорников Д. В. Опыт перевода Коммерческого кодекса Республики Корея	91

СЕКЦИЯ 3. ИСТОРИЯ

Алкин С. В. Почему сибирским археологам важно знать археологию Корейского полуострова?	96
Бурдин Е. С. Оформление правового положения корейских мигрантов в России в 80-х гг. XIX века	100
Дацышен В. Г. Проблемы русско-корейских отношений на примере межнациональных отношений в Красной Армии во второй половине 1920-х гг.	107
Иванов А. Ю. Роль корейских переселенцев в освоении и развитии российского Дальнего Востока во 2-й половине XIX – начале XX в.	112
Ким Ен Ун. Эволюция корейской политики России: от абсолютной монархии, диктатуры пролетариата до буржуазной демократической республики	117
Ли Джехёк. Корейская миграция на Сахалин	128
Матвеева Н. И. Экономическое развитие Северной Кореи и эволюция советско-северокорейских отношений в 1950-х гг.	136
Овчинникова Л. В. Революционные события в России и активизация антияпонской борьбы в Корее в конце 10–20-х гг. XX в. (по страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства)	140
Синиченко В. В. Корейская диаспора Приморья в политической борьбе России, Китая и Японии начала XX в. ё	145

СЕКЦИЯ 4. КУЛЬТУРА

Ден А. Импорт образовательных услуг из Республики Корея в Российскую Федерацию (из опыта сотрудничества с преподавателями – носителями языка)	152
Зименко Т. В. Дом как локус пространства повседневности Южной Кореи	157
Ким Чжаён. «Корейская волна» в России: текущее состояние и перспективы	164
Колодина Е. А. Корпоративная культура Кореи и ее трансформация в эпоху пандемии	170
Кондратьева Е. Н. Русские заимствования в корейском языке	177
Ракова О. В. Траектории дизайна как индикатор социально-политических изменений южнокорейского общества	179
Строганова И. Б. Изменения в корпоративной культуре Республики Корея на примере дискуссии об отмене <i>хвесик</i>	186
Хохлова Е. А. Ширма Кёмчжэ Чон Сона (1676–1759) в Кунсткамере: вопрос атрибуции	193

CONTENTS

SECTION 1 “INTERNATIONAL RELATIONS AND POLITICS”

Akulenko V. Russian-Korean Cooperation in the Field of Fisheries	14
Zakharova L. Russia-North Korea Relations amid COVID-19 Pandemic	18
Ivanov K. Prospects for Cooperation between Russia and the Republic of Korea on the 9-BRIDGE Strategy 2.0 plan in the post-COVID-19 Reality	22
Leksyutina Y. Russia’s Cooperation with the Republic of Korea in the Commercial Development of the Arctic	28
Li E. Irkutsk Region and Gyeongsangbuk-do Province: 25 Years of Cooperation: Results and Prospects of Partnership	33
Oleynikov I. Constructing Cooperation: Experience and Realities of Interaction between the Regions of Siberia and the Republic of Korea	39
Pavlov D. The South Korean Scientific Community View on the Intensification of the Russian's Foreign Policy Eastern Vector	43
Samovich Y. Russian-Korean Relations in the Light of the Security Problem of the Korean Peninsula	49
Tolstokulakov I., Han Jihee. South Korean State Policy in the Scope of Entry Cultural Tourism	53
Han Jong-Man. The Survival Strategy of Russia and Korea focused on Siberia & Arctic	60
Khrustalev V. Armed Conflicts of 2020–2021 – New Balances for Korean Peninsula	67

SECTION 2 “POLITICS AND SOCIETY”

Asmolov K. Activities of South Korean Marginal Religious Movements on the Territory of the Russian Federation	70
Seo Seunghyun. Endangered Turkic Languages of the Minorities in Russian Arctic Circle: Focusing on Dolgan and Yakut Languages	76
Tsoy I., Zaynullina P. Comparative Aspect of State Youth Policy in Russia and the Republic of Korea: Laws, Principles, Priorities	84
Shornikov D. Experience in translating the Commercial Code of the Republic of Korea	91

SECTION 3 “HISTORY”

Alkin S. Why is Knowing the Archeology of the Korean Peninsula Important for Siberian Archaeologists?	96
--	----

Burdin E. Registration of the Legal Status of Korean Migrants in Russia in the 80s of the 19 th century	100
Datsyshen V. Problems of Russian-Korean Relations in the Red Army in the Second Half of the 1920s	107
Ivanov A. The role of Korean Settlers in the Exploration and Development of the Russian Far East in the 2nd Half of the 19 th – early 20 th Centuries	112
En Un Kim. Evolution of Korean Politics in Russia: From Absolute Monarchy, Dictatorship of the Proletariat to Bourgeois Democratic Republic	117
Yi Jae-Hyuk. Korean Migration to Sakhalin	128
Matveeva N. North Korean Economic Development and the Evolution of the North Korean-Soviet Alliance in the 1950s	136
Ovchinnikova L. Russian Revolution and Korean Resistance to Japanese Colonial Rule Reflected in Documents of Japanese Administration (10-s & 20-s of the 20 th Century)	140
Sinichenko V. V. The Korean Diaspora of Primorye in the Political Struggle of Russia, China and Japan in the early 20 th century	145

SECTION 4 “CULTURE”

Den A. The Educational Services from the Republic of Korea to Russian Federation (the Experience of Cooperation with Korean Native Speakers)	152
Zimenko T. Home/House as a Space of Everyday Culture in South Korea	157
Kim Ja-Young. The Korean Wave in Russia: Current State and Prospects	164
Kolodina E. Korean Corporate Culture and Its Transformation in the Era of a Pandemic	170
Kondratyeva E. Russian Loanwords in the Korean Language	177
Rakova O. Trajectories of the Design Industry as Indicators of Socio-Political Changes in South Korean Society	179
Stroganova I. Changes in the Corporate Culture of the Republic of Korea on the Discussion on the hwesik’s Abolition	186
Khokhlova E. Folding-Screen of Kyomjae Jeong Seon in the Collection of the Kunstkamera (Saint-Petersburg): Question of Attribution	193

ПРОГРАММА

Международной научно-практической конференции «РОССИЯ И КОРЕЯ: ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ – 2021»

9–10 октября 2021 г.

**Иркутский государственный университет
Центр корейских исследований
при содействии Корейского Фонда (KF)**

Организаторы конференции:

Центр корейских исследований Иркутского государственного университета

Спонсор конференции:

Корейский Фонд (Korea Foundation), Республика Корея

Место проведения:

Россия, г. Иркутск, Иркутский государственный университет

Время проведения:

9–10 октября 2021 г.

Организационный комитет:

Иванов Константин Владимирович, руководитель Центра корейских исследований ИГУ, начальник НИЧ ИГУ, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического ф-та ИГУ.

Колодина Евгения Анатольевна, заведующая кафедрой восточных языков МИЭЛ ИГУ

Ли Екатерина Вадимовна, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ

Олейников Илья Васильевич, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения исторического ф-та ИГУ

Шорников Дмитрий Владимирович, директор НИИ правовой охраны Байкала ИГУ, зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения Юридического института ИГУ

8 октября (пятница)

Заезд участников конференции

9 октября (суббота)

9.00–9.30 Регистрация участников

9.30–10.00 Открытие семинара

Приветственное слово:

ГРИГОРИЧЕВ Константин Вадимович, проректор по научной работе
и международной деятельности ИГУ

г-н **КИМ Се Ун**, Генеральный Консул Республики Корея в г. Иркутске

г-н **ИМ Чхоль У**, Директор Московского офиса Корейского Фонда

ИВАНОВ Константин Владимирович, руководитель
Центра корейских исследований ИГУ

10:00–11:30

СЕКЦИЯ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКА

ТОЛСТОКУЛАКОВ Игорь Анатольевич, ХАН Чжихи (ДВФУ, Владивосток)

*Государственная политика Республики Корея в сфере въездного
культурного туризма*

ЗАХАРОВА Людмила Владимировна (ИДВ РАН, Москва)

Российско-северокорейские отношения в условиях пандемии

САМОВИЧ Юлия Владимировна (Казанский филиал Российского
государственного университета правосудия, Казань)

*Российско-корейские отношения в свете проблемы безопасности
Корейского полуострова*

ИВАНОВ Константин Владимирович (ИГУ, Иркутск)

*Перспективы сотрудничества России и Республики Корея по плану
«Девяти мостов 2.0» в условиях постковидной реальности»*

АКУЛЕНКО Вадим Сергеевич (ДВФУ, Владивосток)

Российско-корейское сотрудничество в области рыбного хозяйства

ОЛЕЙНИКОВ Илья Васильевич (ИГУ, Иркутск)

*Конструируя сотрудничество: опыт и реалии взаимодействия регионов
Сибири и Республики Корея*

11:50–13:05

СЕКЦИЯ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКА

ЛИ Екатерина Вадимовна (ИГУ, Иркутск)

*Иркутская область и Провинция Кёнсан-Пукто: 25 лет побратимских
отношений. Итоги и перспективы сотрудничества*

ПАВЛОВ Дмитрий Александрович (ДВИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Хабаровск)

Взгляд представителей научных кругов Республики Корея на активизацию восточного вектора внешней политики России

ХАН Джонман (HAN Jong-Man) (Университет Пэджэ, Тэджон, Республика Корея)

The Survival Strategy of Russia and Korea focused on Siberia & Arctic

ЛЕКСЮТИНА Яна Валерьевна (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сотрудничество России и Республики Корея в вопросах хозяйственного освоения Арктики

ХРУСТАЛЕВ Владимир Владимирович (North-East Asian Military Studies Project, Владивосток)

Вооруженные конфликты 2020–2021 гг. – новые балансы для Корейского полуострова

14:30–15:30

СЕКЦИЯ 2. ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

ЦОЙ Инна Валериановна, ЗАЙНУЛЛИНА Полина Игоревна (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сравнительный аспект государственной молодежной политики в России и Республике Корея: законы, принципы, приоритеты

АСМОЛОВ Константин Валерианович (ИДВ РАН, Москва)

Деятельность южнокорейских маргинальных религиозных движений на территории РФ

ШОРНИКОВ Дмитрий Владимирович (ИГУ, Иркутск)

Опыт перевода Коммерческого кодекса Республики Корея

СО Сынхён (SEO Seunghyun) (Женский университет Тондок, Сеул, Республика Корея)

Endangered Turkic Languages of the Minorities in Russian Arctic Circle: Focusing on Dolgan and Yakut Languages»

15:45–17:00

СЕКЦИЯ 3. ИСТОРИЯ

АЛКИН Сергей Владимирович (Новосибирский государственный университет, Новосибирск)

«Почему сибирским археологам важно знать археологию Корейского полуострова?»

ИВАНОВ Александр Юрьевич (ТОГУ, Хабаровск)

Роль корейских переселенцев в освоении и развитии российского Дальнего Востока во 2-й половине XIX – начале XX в.»

БУРДИН Евгений Сергеевич (ДВИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Хабаровск)

Оформление правового положения корейских мигрантов в России в 80-х гг. XIX века

СИНИЧЕНКО Владимир Викторович (Академия управления МВД России, Москва)

Корейская диаспора Приморья в политической борьбе России, Китая и Японии начала XX в.

ЛИ Джэхёк (YI Jae-Hyuk) (Ассоциация арктических исследований, Сеул, Республика Корея)

Корейская миграция на Сахалин

10 октября (воскресенье)

09:00–10:00

СЕКЦИЯ 3. ИСТОРИЯ

ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич (Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Красноярск)

Проблемы русско-корейских взаимоотношений в Красной Армии во второй половине 1920-х гг.

ОВЧИННИКОВА Любовь Всеволодовна (МГУ, Москва)

Революционные события в России и активизация антияпонской борьбы в Корею в конце 10–20-х гг. XX в. (по страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства)

МАТВЕЕВА Наталья Игоревна (Школа востоковедения и африканистики (SOAS), Лондонский университет, Лондон, Великобритания)

Экономическое развитие Северной Кореи и эволюция советско-северокорейских отношений в 1950-х гг.

КИМ Ен Ун (ИДВ РАН, Москва)

Эволюция корейской политики России: от абсолютной монархии, диктатуры пролетариата до буржуазной демократической республики

10:20–11:20
СЕКЦИЯ 4. КУЛЬТУРА

ДЕН Анна (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург)

Импорт образовательных услуг из Республики Корея в Российскую Федерацию (из опыта сотрудничества с преподавателями носителями языка)

КИМ Чжаён (KIM Ja-Young) (Университет Пэджэ, Тэджон, Республика Корея)

«Корейская волна» в России: текущее состояние и перспективы

КОНДРАТЬЕВА Елена Николаевна (МГУ, Москва)

Русские заимствования в корейском языке

РАКОВА Оксана Валентиновна (Сеульский национальный университет, Сеул, Республика Корея)

Траектории индустрии дизайна как индикатор социально-политических изменений южнокорейского общества

11:35–12:35
СЕКЦИЯ 4. КУЛЬТУРА

КОЛОДИНА Евгения Анатольевна (ИГУ, Иркутск)

Корпоративная культура Кореи и ее трансформация в эпоху пандемии

ХОХЛОВА Елена Анатольевна (НИУ ВШЭ, Москва)

Ширма Кёмчжэ Чон Сона (1676–1759) в Кунсткамере: вопрос атрибуции

СТРОГАНОВА Ирина Борисовна (ИБ РАН, Москва)

Изменения в корпоративной культуре Республики Корея на примере дискуссии об отмене хвесик

ЗИМЕНКО Татьяна Владимировна (МГИМО(у) МИД России, Москва)

Дом как локус пространства повседневности Южной Кореи

11 октября (понедельник)
Отъезд участников конференции

ОТ РЕДАКТОРА

9–10 октября 2021 г. в Иркутском государственном университете состоялась международная научно-практическая конференция «Россия и Корея: взгляд из Сибири – 2021», организованная при поддержке Корейского Фонда (Korea Foundation, Республика Корея) Центром корейских исследований ИГУ. Центральная тема конференции – различные аспекты российско-корейских отношений.

В работе конференции приняли участие представители ряда российских (Иркутский государственный университет; Московский государственный университет; НИУ «Высшая школа экономики»; МГИМО(у); Академия управления МВД России; Санкт-Петербургский государственный университет; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Дальневосточный федеральный университет; Тихоокеанский государственный университет; ДВИУ РАНХиГС при Президенте РФ; Новосибирский государственный университет; Казанский филиал Российского государственного университета правосудия) и зарубежных (Школа Востоковедения и Африканистики (SOAS) Лондонского университета; Сеульский национальный университет; Университет Пэджэ; Университет Тондок) вузов, а также российских (Институт Дальнего Востока РАН; Институт востоковедения РАН; Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; North-East Asian Military Studies Project (Владивосток)) и зарубежных (Ассоциация арктических исследований (Сеул)) научно-исследовательских организаций.

В ходе конференции работа велась в четырёх секциях: «Международные отношения и политика», «Политика и общество», «История» и «Культура». В конференции приняли участие 32 докладчика, часть из которых выступала дистанционно, посредством видеоконференцсвязи.

В ходе заседания самой многочисленной секции «Международные отношения и политика» было представлено 11 докладов, преимущественно касающихся политических и экономических аспектов российско-корейских отношений (Толстокулаков И. А., Хан Чжихи, ДВФУ; Захарова Л. В., ИДВ РАН; Самович Ю. В., КФ РГУП; Иванов К. В. ИГУ; Акуленко В. С., ДВФУ; Олейников И. В., ИГУ;

Ли Е. В., ИГУ; Павлов Д. А., ДВИУ РАНХиГС при Президенте РФ; Хан Джонман, Университет Пэджэ; Лексютина Я. В., СПбГУ; Хрусталев В. В., North-East Asian Military Studies Project).

В секции «Политика и общество» (Цой И. В., Зайнуллина П. И., СПбГУ; Асмолов К. В., ИДВ РАН; Шорников Д. В., ИГУ; Со Сынхён, Женский университет Тондок) докладами был охвачен широкий спектр вопросов – от проведения сравнительного анализа государственной молодежной политики в России и Республике Корея до вопросов сохранения родных языков малочисленных народов северных районов России.

В секции «История» было представлено 9 докладов, которые осветили историческую сторону российско-корейских отношений различных эпох (Алкин С. В., ИГУ; Иванов А. Ю., ТОГУ; Бурдин Е. С., ДВИУ РАНХиГС при Президенте РФ; Синиченко В. В., Академия управления МВД России; Ли Джэхёк, Ассоциация арктических исследований; Дацышен В. Г., Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Овчинникова Л. В., МГУ; Матвеева Н. И, Школа Востоковедения и Африканистики (SOAS) Лондонского университета; Ким Ен Ун, ИДВ РАН).

Секция «Культура» была представлена 8 докладами, в которых рассматривались вопросы образовательного и культурного взаимодействия России и Кореи, а также проблемы трансформации современной корейской культуры (Ден Анна, РГПУ им А. И. Герцена; Ким Чжаён, Университет Пэджэ; Кондратьева Е. Н., МГУ; Ракова О. В., Сеульский национальный университет; Колодина Е. А., ИГУ; Хохлова Е. А., НИУ ВШЭ; Строганова И. Б., ИВ РАН; Зименко Т. В., МГИМО(у)).

Участники и организаторы конференции единодушно выразили надежду на дальнейшее регулярное проведение в Иркутском государственном университете аналогичных конференций, посвящённых социально-экономическим, историческим и культурным аспектам российско-корейских отношений и корееведения в целом.

К. В. Иванов,
руководитель Центра корейских исследований,
начальник научно-исследовательской части,
доцент кафедры мировой истории
и международных отношений
исторического факультета ИГУ

Секция 1

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКА

УДК 339.92

Российско-корейское сотрудничество в области рыбного хозяйства

В. С. Акуленко

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. Доклад посвящен истории развития и нынешнему состоянию двустороннего сотрудничества в области рыбного хозяйства между Российской Федерацией и Республикой Корея. Для написания работы использовались статистические данные, официальные документы и отчеты и информационные сообщения российской и зарубежной прессы.

Ключевые слова: рыболовство, двустороннее сотрудничество, российско-корейские отношения, морепродукты, минтай.

Рыбное хозяйство играет важную роль в экономике и продуктовой безопасности Республики Корея (далее – РК). Рост населения и, как следствие, потребления морепродуктов в стране, а также истощение морских биологических ресурсов (далее – МБР) у берегов Корейского полуострова вынуждают правительство страны и южно-корейских рыбопромышленников искать новые источники для поставок морепродуктов из-за рубежа, а также предпринимать усилия для поиска новых рыболовных площадок за пределами акватории РК. РФ в свою очередь, обладая значительными запасами МБР, нуждается в рынках сбыта своей продукции и должна заботиться о защите своих МБР, что невозможно без сотрудничества с сопредельными государствами. Эти обстоятельства предопределили развитие двустороннего сотрудничества в области рыбного хозяйства между РФ и РК после того, как три десятилетия назад были сняты политические барьеры для его реализации.

Настоящая работа посвящена вопросу становления и развития двустороннего сотрудничества в области рыбного хозяйства между Российской Федерацией и Республикой Корея (далее – РК). В ней рассматривается история развития сотрудничества двух стран в области рыбного хозяйства по таким важным направлениям, как рыболовство, переработка и аквакультура.

При написании работы был использован широкий спектр источников и литературы: статистические данные [9; 12], официальные документы и отчёты российских и южнокорейских госучреждений [5–7; 9; 11; 12; 14; 15], а также информационные сообщения российской и зарубежной прессы [2–4; 8].

За прошедшие три десятилетия РФ и РК провели большую работу по развитию сотрудничества в области рыбного хозяйства. За этот период стороны заключили ряд соглашений, в том числе Соглашение о сотрудничестве в области рыбного хозяйства (16 сентября 1991 г.) и Соглашение о сотрудничестве в области предупреждения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов (22 декабря 2009 г.), ставших прочным фундаментом для выстраивания двусторонних отношений в области рыбного хозяйства. Ежегодно проводятся сессии Российско-корейской комиссии по рыбному хозяйству, в рамках которых происходят консультации по актуальным вопросам сотрудничества в области рыболовства.

Вместе с тем сторонам не удалось избежать и кризисных ситуаций, связанных, с одной стороны, с вопросом противодействия ННН-промыслу и импорту в РК морепродуктов российского происхождения (в основном краба), добытых браконьерским способом, а, с другой, с проблемой получения южнокорейскими рыбаками доступа к добыче гидробионтов (в основном минтая) в ИЭЗ РФ. В ходе исследования автором было выявлено три кризиса в двусторонних отношениях по вопросу наделения квотами, произошедших в 1993, 2000 и 2013 гг. [1].

Наиболее интенсивно сотрудничество в области рыбного хозяйства между РФ и РК развивается в области добычи морепродуктов, в рамках которого РФ предоставляет РК квоты на вылов важных для последней гидробионтов – минтая, кальмара, трески и сайры, которые широко используются в корейской кухне. Однако стремление РФ в последние годы перейти от экстенсивного освоения к интенсивному использованию морских богатств Дальнего Востока привело к постепенному сокращению выделяемых южнокорейским рыбакам объёмов квот. Вместе с тем можно отметить тенденцию на увеличе-

ние разнообразия видового состава предоставляемых южнокорейским рыбакам квот. В настоящий момент двустороннее сотрудничество в области рыболовства переживает новый подъём после кризиса 2013 г. Он характеризуется новым увеличением южнокорейской квоты на добычу минтая и других гидробионтов и непосредственным образом связан с новой политикой президента РК Мун Чжэина в отношении РФ.

Гораздо менее интенсивно происходит развитие двусторонних отношений по направлению аквакультуры и рыбопереработки. Несмотря на то что совместные проекты в этих областях начали обсуждать на правительственном уровне ещё в начале 1990-х гг., их реализацию сдерживали такие факторы, как проблемы с законодательным регулированием в РФ, общая нестабильность экономики РФ в эти годы, проблемы, связанные с криминалом и отсутствие достаточного уровня доверия к российским партнёрам, а также общая незаинтересованность южнокорейского бизнеса в строительстве производственных мощностей на территории РФ. С началом 2000-х гг. правительство РФ попыталось руками зарубежных, в том числе южнокорейских, инвесторов начать восстанавливать сократившийся в 1990-е гг. рыбоперерабатывающий и рыбопроизводный потенциал Дальнего Востока. Тем не менее, на сегодняшний день по вопросу развития аквакультуры взаимодействие происходит только по линии научно-технического сотрудничества между учёными двух стран. Что касается рыбопереработки, то в её развитии заинтересован как южнокорейский бизнес, так и федеральное правительство, создавшее на Дальнем Востоке специальные экономические режимы (ТОСЭР, свободный порт) и стимулирующее рыбопромышленников к экспорту продукции глубокой переработки. Однако реализовать инвестиционные проекты в этой области оказывается очень сложно, если вообще возможно из-за проблем, возникающих на региональном уровне.

Автор искренне надеется, что двустороннее сотрудничество в области рыбного хозяйства между РФ и РК продолжит укрепляться и начнёт уже в ближайшие годы реализовываться в конкретных проектах в области рыбопереработки и аквакультуры на Дальнем Востоке РФ.

Список литературы

1. *Акуленко В. С.* Современные проблемы двустороннего сотрудничества в области рыболовства между Российской Федерацией и Республикой Корея // Россия и Корея в меняющемся мире. М. : ИДВ РВН, 2014. С. 99–110.

2. Андрей Тарасенко предложил корейским партнерам создать рыбопромышленный комплекс в Ольгинском районе Приморья // Правительство Приморского края : офиц. Сайт. URL: https://www.primorsky.ru/news/139390/?sphrase_id=5699844 (дата обращения: 11.06.2021).
3. *Ивлев А.* Чёрные дыры Охотского моря // Владивосток. 1999. 17 сент. URL: <http://vladnews.ru/660/ekonomika-finansy/2-chernye-dyry-ohotskogo-morya> (дата обращения: 11.06.2021).
4. *Клименко О.* Корейские инвесторы не могут получить землю под строительство в Приморье // Электронное периодическое издание «Золотой Рог – пресса» (Zrpress). 2018. 28 мая. URL: https://zrpress.ru/business/primorje_28.05.2018_89327_korejskie-investory-ne-mogut-poluchit-zemlju-pod-stroitelstvo-v-primorje.html (дата обращения: 11.06.2021).
5. Международное сотрудничество / Федер. агентство по рыболовству : офиц. сайт. URL: <http://fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 29.02.2020).
6. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года. Администрация президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1800> (дата обращения: 11.06.2021).
7. Россия и Республика Корея углубят изучение аквакультуры // ТИНРО-Центр. URL: <http://www.tinro-center.ru/home/novosti/rossiarespublikakoreauglubatizucenieakvakultury> (дата обращения: 11.06.2021).
8. Южной Корее нужен российский минтай // Интернет-портал Fishnews.ru. 2008. 30 сент. URL: <http://fishnews.ru/news/6906> (дата обращения: 11.06.2021).
9. 2019 년 어업생산동향조사 결과(잠정) 보도자료. 문화체육관광부. URL: <http://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156376655> (дата обращения: 11.06.2021).
10. 극동 러시아 수산 콜드체인 진출방안. 한국해양수산개발원. URL: <https://www.kmi.re.kr/web/board/download.do?rbsIdx=111&idx=105&fidx=2> (дата обращения: 11.06.2021).
11. 러시아산 명태 입어료 협상 결과. 해양수산부. URL: <http://www.mof.go.kr/article/view.do?menuKey=376&boardKey=10&articleKey=1915> (дата обращения: 11.06.2021).
12. 수산물 소비량(연간 1 인당)과 자급률. 통계청. URL: http://www.index.go.kr/potal/main/EachDtlPageDetail.do?idx_cd=1317 (дата обращения: 11.06.2021).
13. 한·러 협력을 통한 동해 수산자원 관리 체계 구축. 국립수산물과학원. URL: <https://nifs.go.kr/bbs?id=insmaterial&flag=pre&boardIdx=1792&site=&cPage=1&depthFlag=&gubun=A> (дата обращения: 11.06.2021). (На кор. яз.)
14. 해외어장 개발 및 이용 연구. 국립수산물과학원. URL: http://www.nifs.go.kr/rsh/result/rsltPblcPop.do?ORD=&RSLTPUB_SEQ=2308&HIS_T_SEQ=2&RSLTPUB_GN_CD=&PAGEINDEX=1 (дата обращения: 11.06.2021).

Russian-Korean Cooperation in the Field of Fisheries

Vadim S. Akulenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. This paper is devoted to history of development and the current state of bilateral cooperation in the field of fisheries between the Russian Federation and the Republic of Korea. In order to carry out this study author analyzed three types of sources: statistical data, documents and reports of official institutions and data collected from the news agencies archives.

Keywords: fisheries, bilateral cooperation, Russian-Korean relations, seafood, pollack.

Акуленко Вадим Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры корееведения, Восточный институт-Школа региональных и международных исследований; Дальневосточный федеральный университет; e-mail: akulenko.vs@dvfu.ru; vakulenco@mail.ru

Akulenko Vadim Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Korean Studies, Oriental Institute-School of Regional and International Studies; Far Eastern Federal University; e-mail: akulenko.vs@dvfu.ru; vakulenco@mail.ru

УДК 327

Российско-северокорейские отношения в условиях пандемии^{*}

Л. В. Захарова

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия

Аннотация. Обозначено, что из-за начавшейся пандемии коронавируса с января 2020 г. Северная Корея жестко ограничила контакты с внешним миром (приостановлено транспортное сообщение с другими странами, запрещен въезд в страну иностранцам, прерваны экспортные и импортные операции). Рассмотрены основные направления российско-северокорейского сотрудничества в 2020–2021 гг.

Ключевые слова: российско-северокорейские отношения, КНДР, Россия, пандемия коронавируса, гуманитарная помощь, образовательное сотрудничество, торговля.

^{*} Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00020 в Институте Дальнего Востока РАН

После саммита лидеров России и КНДР в 2019 г. ожидалось развитие двустороннего сотрудничества по не запрещенным резолюциями СБ ООН направлениям. Однако из-за начавшейся пандемии коронавируса в январе 2020 г. Северная Корея жестко ограничила контакты с внешним миром. Было приостановлено транспортное сообщение с другими странами, запрещен въезд в страну иностранцам, прерваны экспортные и импортные операции. К апрелю 2021 г. большая часть иностранных дипломатов и все иностранные сотрудники международных гуманитарных организаций покинули КНДР. Тем не менее, Россия сохранила свое присутствие в Северной Корее.

Двусторонний товарооборот в 2020 г. сократился на 11 % по сравнению с 2019 г. и составил 42,7 млн долл. (для сравнения торговля КНДР с Китаем в 2020 г. сократилась на 80 % до 539 млн долл.). Северокорейский экспорт упал на 76,5 % до 714 тыс. долл., а импорт из России снизился на 6,3 % до 42 млн долл. Большая часть импорта из России пришлось на злаки (36,6 %, рост на 300 % по сравнению с 2019 г.), существенно сократились объемы поставок минерального топлива (на 60 % или 16 млн долл.) [3]. Важно отметить, что импортировавшиеся из России злаки были поставлены по линии гуманитарной помощи, в связи с чем реальное сокращение двусторонней торговли является более существенным. Это подтверждается данными за первый квартал 2021 г., когда двусторонний товарооборот составил лишь 123 долл., в том числе экспорт из России – 0 долл.

До августа 2020 г. продолжались поставки нефтепродуктов. По данным Совета Безопасности ООН, в 2020 г. Россия поставила в КНДР около 12,8 тыс. т нефтепродуктов [8], что существенно больше, чем официальные поставки нефтепродуктов из Китая за тот же период.

Россия уже многие годы оказывает гуманитарную помощь Северной Корее как на многосторонней, так и на двусторонней основе. Среди международных гуманитарных организаций основным партнером, имеющим представительство в КНДР, выступает Всемирная продовольственная программа (ВПП). По данным МИД РФ, в 2014–2021 гг. по линии ВПП Россия выделила Пхеньяну в общей сложности 30 млн долл. на обеспечение полноценного питания уязвимых слоев населения [4]. Однако из-за пандемии деятельность ВПП в КНДР оказалась парализована, и в марте 2021 г. страну покинули последние командированные сотрудники этой организации. По двусторонней линии Россия поставила в Северную Корею в 2020 г.

50 тыс. т пшеницы, половина из которой была в первую очередь направлена на социальные объекты в пострадавшие от тайфунов районы КНДР [2].

До конца 2019 г. важным направлением сотрудничества было привлечение северокорейских трудовых мигрантов для работы на территории России. Однако согласно п. 8 Резолюции 2397 СБ ООН, все граждане КНДР, получающие доход за рубежом, должны были быть репатрированы до 22 декабря 2019 г. И хотя всем рабочим не удалось вернуться в КНДР из России к обозначенной дате, их трудовая деятельность на территории страны была прекращена [1].

Несмотря на пандемию, продолжилось образовательное сотрудничество. По статистике МВД России, на миграционный учет по цели въезда «учеба» в 2020 г. было поставлено 2609 граждан КНДР, а за первый квартал 2021 г. – 1833 гражданина КНДР [7]. Кроме того, в 2021 г. был запущен проект образовательных программ, в ходе которых преподаватели из ведущих вузов России читают онлайн-лекции для профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений КНДР. В мае пятидневный онлайн-курс представили пять ведущих ученых МАДИ. Основными темами занятий стали проектирование дорог и мостов, развитие современного автомобилестроения, проектирование электронных систем автомобиля и аудит безопасности дорожных трасс [6].

Взаимный обмен делегациями с 2020 г. оказался заморожен, однако регулярные контакты дипломатов с властями страны пребывания продолжались и в Пхеньяне, и в Москве. В частности, Посол КНДР в Москве Син Хон Чхоль регулярно общается с заместителем Министра иностранных дел России И. В. Моргуловым по актуальным вопросам двусторонних отношений (такие беседы проходили 6 мая 2020 г., 19 августа 2020 г., 22 декабря 2020 г., 19 апреля 2021 г.). В свою очередь Посол России А. Мацегора встречался с заместителем Министра иностранных дел КНДР Им Чхон Илем 23 апреля и 28 декабря 2020 г.

Таким образом стороны пытаются поддерживать контакты и развивать сотрудничество даже в нынешних непростых условиях. При этом Россия продолжает придерживаться мнения, что после того как лидер КНДР Ким Чен Ын в 2018 г. объявил мораторий на ядерные испытания и пуски ракет большой дальности и соблюдает его, мировое сообщество тоже должно пойти на конструктивные шаги навстречу Пхеньяну, в том числе начать постепенно ослаблять санкционный режим [5].

Список литературы

1. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 21 мая 2020 г. // МИД РФ : офиц. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4134720 (дата обращения: 02.07.2021)
2. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 15 октября 2020 г. // МИД РФ : офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4390936#11 (дата обращения: 02.07.2021)
3. Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiyei-i-kndr-severnoy-koreey-v-2020-g/> (дата обращения: 04.07.2021)
4. Интервью директора Департамента международных организаций МИД России П. В. Ильичева международному информационному агентству «Россия сегодня», 21 апреля 2021 г. // МИД РФ : офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/web/guest/nota-bene/-/asset_publisher/dx7DsH1WAM6w/content/id/4695888 (дата обращения: 02.07.2021)
5. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова южнокорейскому информационному агентству «Ёнхап», Москва, 29 сентября 2020 г. // МИД РФ : офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/4352418 (дата обращения: 02.07.2021)
6. Посольство России в КНДР : офиц. сайт. URL: <http://rusembdprk.ru/posolstvo/novosti-posolstva/1348-20210504> (дата обращения: 18.06.2020).
7. Статистические сведения по миграционной ситуации // МВД РФ : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 02.07.2021)
8. Supply, sale or transfer of all refined petroleum products to the DPRK. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/sanctions/1718/supply-sale-or-transfer-of-all-refined-petroleum> (mode of access: 02.07.2021).

Russia-North Korea Relations amid COVID-19 Pandemic

Liudmila V. Zakharova

Institute of Far Eastern Studies RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. The summit of the Russian and North Korean leaders in 2019 created expectations for expanded bilateral cooperation in the areas not prohibited by the UN Security Council resolutions. However, due to the outbreak of the coronavirus pandemic the DPRK has severely limited contacts with the outside world since January 2020. Transport links with other countries were suspended, foreigners were prohibited from entering the country, and export and import operations were interrupted. By April 2021, most of the foreign diplomats and all foreign employees of international humanitarian organizations had left the DPRK. Nevertheless, Russia retained its presence in North Korea and continued to provide humanitarian assistance to that country. Supplies of refined oil products from Russia had continued until August 2020. Bilateral trade in 2020 decreased by 11 % compared to 2019. The mutual exchange of delegations in 2020 was frozen, however, regular contacts of diplomats with the local authorities continued both in Pyongyang and in Moscow. In 2021, a new educational

project was launched. During online sessions researches from leading Russian universities will deliver lectures for teachers and researchers from the North Korean institutes. Thus, the two countries are trying to maintain contacts and develop cooperation even in the current difficult conditions. The article examines the main directions of Russian-North Korean cooperation against the background of the coronavirus pandemic, and also looks at the opportunities for the development of bilateral relations, taking into account the existing restrictions and interests of the two countries.

Keywords: Russian-North Korean relations, DPRK, coronavirus pandemic, humanitarian aid, educational cooperation, trade.

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, ученый секретарь Института Дальнего Востока РАН; e-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Zakharova Liudmila Vladimirovna, Ph.D. (Economics), Academic Secretary, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; e-mail: ludmila_hph@rambler.ru

УДК 327

Перспективы сотрудничества России и Республики Корея по плану «Девяти мостов 2.0» в условиях постковидной реальности^{*}

К. В. Иванов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Даётся оценка текущих результатов по реализации плана российско-корейского сотрудничества «Девять мостов 2.0». Указывается, что заявленный план, как и его аналог ранее, пока что не оправдывает возложенных на него надежд. Основные направления экономического сотрудничества между Россией и Республикой Корея по-прежнему определяются нефтегазовой и смежными отраслями. При этом совместные судостроительные проекты достигли существенных результатов. Делается вывод, что дальнейшее развитие сотрудничества между Россией и Республикой Корея в значительной степени будет зависеть от готовности южнокорейского бизнеса смириться с известными рисками ведения дел с Россией и готовности встраиваться в российскую экономику в условиях растущей секьюритизации внешней политики РФ.

Ключевые слова: российско-корейское сотрудничество, концепция девяти мостов, Новая северная политика, национальные интересы.

^{*} Данная работа подготовлена при поддержке Корейского Фонда в рамках проекта «Российско-корейские отношения в контексте новых социально-экономических вызовов в постковидную эпоху: восстановление экономических связей и проблема трансграничной миграции».

В октябре 2020 г. Россия и Республика Корея (РК) представили обновлённый план экономического сотрудничества «Девять мостов»¹ [11]. Предыдущая версия данного плана была представлена ещё осенью 2017 г. президентом РК Мун Джэином, но, насколько мы можем судить сейчас, она не оправдала всех возложенных на неё надежд. План «Девять мостов 2.0» обозначил девять направлений российско-корейского сотрудничества: 1) энергетика; 2) железные дороги и инфраструктура; 3) судостроение; 4) порты и судоходство; 5) здравоохранение; 6) сельское хозяйство и рыболовство; 7) инвестиции; 8) инновации; 9) культура и туризм [17].

Несмотря на то что инициатива «Девять мостов» была принята российской стороной в целом позитивно, эксперты еще в 2017–2018 гг. отметили слабые стороны данного плана. Во-первых, это общероссийские проблемы с деловым и инвестиционным климатом, связанные с бюрократическими препонами, административными барьерами, постоянно меняющимися ключевыми законами и нормами и т. п. Во-вторых, южнокорейский подход на первое место ставит интересы коммерческих структур, в то время как в России безусловными приоритетом являются интересы государства (и госкорпораций). При этом для России больший приоритет в данном случае имеет экономическое развитие Дальнего Востока, в то время как Южная Корея преследует здесь также политические цели – урегулирование северокорейского кризиса [15].

Имеет место и несовпадение экономических интересов России и Южной Кореи. В частности, в условиях рецессии судостроительной отрасли РК крайне заинтересована в новых заказах в этой сфере, в то время как Россия предпочитает развивать в первую очередь собственную судостроительную отрасль [3]. При этом по состоянию на осень 2021 г., можно заметить, что именно сотрудничество в области судостроения между Россией и Кореей развивается наиболее успешно, в сравнении с другими направлениями «Девяти мостов 2.0».

С российской стороны в этом процессе наиболее представлены АО «Объединенная судостроительная корпорация» и судостроительный комплекс «Звезда», с корейской – Hyundai Heavy Industries, Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering и Samsung Heavy Industries [1; 12]. Основное направление сотрудничества – НИОКР и строительство танкеров (в том числе классов Aframax и Yamalmax) для перевоз-

¹ Этот план, ориентированный исключительно на Россию, был представлен как компонент «Новой северной политики» президента РК Мун Джэина, сферой ответственности которой является развитие отношений со странами Северо-Восточной Азии.

ки нефти и сжиженного природного газа. Существенной деталью является то, что российские верфи в данном случае выступают не только в качестве заказчиков работ у южнокорейских компаний (например, на проектирование судов), но и в качестве исполнителей [14]. Немаловажным фактором успешного сотрудничества в сфере судостроения является как прямая вовлечённость интересов российских нефтегазовых компаний, так и явная протекция государства.

Официальные лица РК также отмечают, что развитие сотрудничества в области судостроения реализуется наиболее успешно, в сравнении с остальными заявленными направлениями «Девяти мостов 2.0». При этом южнокорейская сторона по-прежнему планирует реализовать проект совместного технопарка в Приморье, с привлечением компаний, работающих в сфере автомобилестроения и пищевой промышленности [8].

Сотрудничество в сфере сельского хозяйства и рыболовства, как можно судить на сегодняшний день, реализуется в первую очередь в виде активизации деятельности южнокорейских сельхозпредприятий на территории России (преимущественно на Дальнем Востоке). В сравнении, скажем, с Китаем, масштабы деятельности корейских компаний в этом направлении не поражают воображение. Однако есть вероятность, что попытки корейцев усилить свои позиции здесь могут столкнуться с негативной реакцией, по аналогии с реакцией на деятельность китайского бизнеса в российском секторе АПК.

Сотрудничество в других направлениях «Девяти мостов 2.0» продвигается не столь успешно, если не сказать больше. Даже в южнокорейских презентационных материалах середины 2021 г. речь почти всегда идёт о «планах», «предварительных соглашениях», «запусках инициативы» и т. п. [18] Также, к примеру, переговоры о создании российско-корейского инвестиционного фонда объёмом 1 млрд долл. США в марте 2021 [5] к лету 2021 г. эволюционировали до «соглашения о создании... фонда в размере 400 млн долл.» [18]. При этом вице-премьер РК Хон Намги в начале сентября *«выразил надежду на скорейшее начало работы корейско-российского инвестиционного фонда, соглашение о создании которого было достигнуто на межправкомиссии в 2019 году»* [2]. Данный пример, демонстрирующий скорость принятия решений в данной сфере, как нам кажется, очень показателен.

Как справедливо отмечают российские исследователи, российская сторона (как государство, так и бизнес) разочарована тем, что с момента объявления плана «Девяти мостов» в 2017 г. южнокорейская сторона так и не вложила ни в один крупный проект и значи-

тельная часть активности сводится к переговорам и декларациям о намерениях [6; 13]. Впрочем, в этом нет ничего особенно неожиданного – хорошо известно, что южнокорейские предприниматели рассматривают российский рынок как периферийный и слишком рискованный, и скорректировать данное мнение представляется трудно-выполнимой задачей.

Сохраняющиеся и антироссийские санкции со стороны США также оказывают существенное влияние на готовность южнокорейских бизнес-кругов строить долговременные и практически реализуемые стратегии, нацеленные на сотрудничество с РФ. Ряд южнокорейских экспертов предлагают развивать российско-корейские отношения вне привязки к российско-американским и южнокорейско-американским отношениям [9]. Однако насколько можно судить по практической реализации двухстороннего сотрудничества, американские санкции, введенные в отношении ряда российских компаний, по-прежнему оказывают существенное влияние на принятие южнокорейскими бизнесменами решений о сотрудничестве с Россией.

В сентябре 2021 г. на Восточном экономическом форуме председатель Корейской ассоциации международной торговли (KITA) Ку Джаэль (Кристофер Ку) озвучил пожелание, чтобы российско-корейское сотрудничество «обрело новое дыхание», причём, по его словам, на «следующем этапе развития [совместных проектов] корейские компании будут лидировать» [16]. Хотелось бы истолковать эту реплику как пожелание к корейским компаниям проявлять большую активность и заинтересованность в совместных проектах с Россией.

Бесспорно утверждение о том, что межгосударственное сотрудничество наиболее эффективно, если в этом сотрудничестве активно заинтересованы обе стороны. В случае с южнокорейским планом «Девяти мостов 2.0» можно утверждать, что во взаимодействии по предложенному корейской стороной формату также заинтересована и Россия. Однако в современных условиях усиления секьюритизации в международных отношениях¹, количество направлений и возможностей для сотрудничества может существенно снизиться. Для российских государственных структур вопросы развития внешне-экономических связей будут скорее вторичны, если нужно будет выбирать между ними и вопросами национальной безопасности (политической, экономической и т. д.). Об этом стоит помнить южнокорейскому бизнесу и чиновникам как в процессе постановки (и озвучи-

¹ Данное явление характерно не только для Российской Федерации, однако в паре Россия – Республика Корея проблема секьюритизации внешних связей, пожалуй, всё же более актуальна именно для России.

вания) целей и задач по развитию экономического сотрудничества, так и в процессе реализации совместных проектов с Россией, особенно на территории России. Учёт данных факторов обеими сторонами экономического партнёрства является неотъемлемым залогом благополучного и успешного сотрудничества и совместного развития.

Список литературы

1. В рамках выставки НЕБА 2021 состоялся российско-корейский семинар по судостроению // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. URL: <https://kvs.gov.spb.ru/news/63528/> (дата обращения: 23.09.2021)
2. В Южной Корее заявили о необходимости развития взаимоотношений с Россией // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210903/sotrudnichestvo-1748463754.html> (дата обращения: 03.09.2021)
3. *Волощак В. И., Лукин А. Л.* Российско-южнокорейское сотрудничество в рамках «Новой северной политики» Республики Корея: предварительные итоги // Известия Восточного института. 2018. № 4(40). С. 68–80.
4. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Республики Корея Чон Ый Ёном, Сеул, 25 марта 2021 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4649424 (дата обращения: 25.03.2021).
5. Лавров: РФ и Южная Корея ведут переговоры по созданию совместного инвестиционного фонда // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10989595> (дата обращения: 25.03.2021).
6. *Лукин А. Л.* Инициатива «Девяти мостов» президента Мун Чжэ Ина: предварительные итоги для российско-южнокорейских экономических отношений // Известия Восточного института. 2020. № 4. С. 61–75. DOI: 10.24866/2542-1611/2020-4/61-75
7. Международная онлайн-конференция «Россия – Корея: потенциал сотрудничества в области судостроения. Шаги реализации проекта «Девять мостов» // ООО «НЕБА-Интернэшнл». URL: <https://www.nevainter.com/programme/calendar/korea/> (дата обращения: 18.06.2021)
8. О Сунг Хван: в 2023 году в Приморье появится индустриальный парк из 20 корейских компаний // PrimaMedia.ru. URL: <https://primamedia.ru/news/1091021/> (дата обращения: 26.04.2021)
9. *Ом Гу Хо.* Стратегия Новой северной политики и ее ограничительные факторы // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 354–373.
10. ОСК видит потенциал для углубления сотрудничества РФ и Южной Кореи в сфере судостроения // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12292975> (дата обращения: 03.09.2021)
11. Россия и Южная Корея актуализировали план концепции инвестиционного сотрудничества // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9832921> (дата обращения 28.10.2020).
12. «Россия – Республика Корея: возможности и перспективы сотрудничества в области судостроения. Шаги реализации концепции «Девяти мостов» // Бизнес России. URL: <https://glavportal.com/materials/rossiya-respublika-koreya->

vozmozhnosti-i-perspektivy-sotrudnichestva-v-oblasti-sudostroeniya-shagi-realizacii-koncepcii-devyati-mostov (дата обращения: 23.06.2021)

13. Станонис А. Я., Лукин А. Л. Сотрудничество России и Республики Корея в области высоких технологий // Известия Восточного института. 2020. № 3. С. 48–58. DOI: 10.24866/2542-1611/2020-3/48-58

14. Строительство танкеров-газовозов для Арктик СПГ-2 на ССК Звезда будет вестись в партнерстве с Samsung // Neftegaz.RU. URL: <https://neftgaz.ru/news/Suda-i-sudostroenie/655150-stroitelstvo-tankerov-gazovozov-dlya-arktik-spg-2-na-ssk-zvezda-budet-vestis-v-partnerstve-s-samsung/> (дата обращения: 16.12.2020).

15. Сулина С. С., Захарова Л. В. Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество и «Новая северная политика» президента Мун Чжэ Ина // Азия и Африка сегодня. 2018. 6(731). С. 26–33.

16. Южнокорейские компании захотели «нового дыхания» в сотрудничестве с Россией // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210903/koreya-1748464319.html> (дата обращения: 03.09.2021)

17. 9-BRIDGE Strategy // Presidential Committee on Northern Economic Cooperation. URL: http://www.bukbang.go.kr/bukbang_en/vision_policy/9-bridge/ (дата обращения: 31.07.2021)

18. New Northern Policy: Moving towards Peace and Prosperity// Presidential Committee on Northern Economic Cooperation. URL: http://www.bukbang.go.kr/bukbang_en/issue_news/board_notice/?boardId=bbs_0000000000000042&mode=view&cntId=1&category=&pageIdx (дата обращения 31.07.2021).

Prospects for Cooperation between Russia and the Republic of Korea on the 9-BRIDGE Strategy 2.0 plan in the post-COVID-19 Reality*

Konstantin V. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article provides an assessment of the current results in the implementation of the plan of Russian-Korean cooperation «9-BRIDGE 2.0» Strategy. The announced plan, like its analogue earlier, has not yet justified the hopes placed on it. The main areas of economic cooperation between Russia and the Republic of Korea are still determined by the oil and gas and related industries. At the same time, joint shipbuilding projects have achieved significant results. Further development of cooperation between Russia and the Republic of Korea will largely depend on the readiness of South Korean business to come to terms with the known risks of doing business with Russia and the readiness to integrate into the Russian economy in the context of the growing securitization of the Russian foreign policy.

Keywords: Russian-Korean cooperation, 9-Bridge Strategy, New Northern Policy, national interests.

Иванов Константин Владимирович, кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательской части; доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета; руководитель Центра

* This work was supported by the Korea Foundation under the project “Russian-Korean relations in the context of new socio-economic challenges in the post-COVID era: restoration of economic ties and problem of cross-border migration”.

корейских исследований ИГУ; Иркутский государственный университет; e-mail: ivanov_kv@isu.ru

Ivanov Konstantin Vladimirovich, Candidate of Sciences (History), Head of Department for Research; Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Faculty of History; Head of the Center for Korean Studies; Irkutsk State University; e-mail: ivanov_kv@isu.ru

УДК 327+339.9

Сотрудничество России и Республики Корея в вопросах хозяйственного освоения Арктики

Я. В. Лексютина

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Раскрываются особенности и современное состояние сотрудничества России и Республики Корея в области разработки ресурсной базы Арктической зоны РФ и развития инфраструктуры Северного морского пути, а также выявляются факторы, сдерживающие развитие арктического сотрудничества между двумя странами.

Ключевые слова: Республика Корея, Россия, Арктика, арктическое сотрудничество, СПГ, Северный морской путь.

В последние годы в российско-южнокорейскую повестку дня все активнее входят вопросы сотрудничества в области хозяйственного освоения Арктической зоны РФ. Предпринимаемые Россией в последнее десятилетие усилия, направленные на освоение энергетических ресурсов Арктики и транспортировку углеводородов по Северному морскому пути (СМП), открывают большие коммерческие возможности для зарубежных компаний, имеющих особые компетенции, востребованные в освоении Арктики. В амбициозных планах российского руководства по освоению Арктики большие перспективы для себя увидел широкий круг зарубежных компаний: от логистических компаний, заинтересованных в оказании услуг грузоперевозок по СМП, судостроительных верфей, специализирующихся в строительстве судов ледового класса, предназначенных для арктических транспортных перевозок, компаний, которые производят морские буровые платформы и иное высокотехнологичное оборудование, предназначенное для суровых арктических условий, до строительных компаний, заинтересованных в получении подрядных работ

на строительство и модернизацию арктической портовой и иной инфраструктуры. В частности, интерес к СМП проявили ведущие южнокорейские судоходные компании TPI Megaline, Pan Ocean и Unico Logistics, заинтересованные в подключении к арктическим грузоперевозкам, на современном этапе пока концентрирующимся на обслуживании нужд российских СПГ проектов («Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2»).

Заинтересованность южнокорейского бизнеса в участии в российских арктических проектах совпала с государственным курсом РК на активизацию арктического направления внешней политики. Так, Арктике отводилась важная роль в «Евразийской инициативе» Пак Кын Хе и «Новой северной политике» Мун Чжэ Ина. Примерно с 2013 г. активность Сеула на арктическом направлении стала выходить за рамки сфокусированности на научных исследованиях и все больше проявляться в заинтересованности подключаться к международному экономическому сотрудничеству в Арктике.

На современном этапе сложились благоприятные условия для развития российско-южнокорейского сотрудничества в области хозяйственного освоения Арктики: с 2013 г. Россия взяла курс на привлечение неарктических стран к хозяйственному освоению российской Арктики (ранее Москва с большой осторожностью относилась к вовлечению неарктических стран к арктическим делам); осложнение отношений России с США и западноевропейскими государствами после 2014 г. повысили для Москвы значимость развития сотрудничества с незападными государствами, на этом фоне Сеул представляется ценным технологическим и финансовым партнером в реализации российских арктических проектов; Россия придает большое значение реализации арктических проектов, создавая исключительно благоприятные инвестиционные условия и режимы в Арктической зоне РФ; Южная Корея видится в качестве важного партнера, способного уравновесить роль Китая в Арктике; Южная Корея обладает целым рядом уникальных компетенций (например, в области судостроения судов ледового класса).

Вполне закономерным стало расширение присутствия арктической тематики в российско-южнокорейском политическом диалоге. С 2013 г., когда Республика Корея получила статус наблюдателя в Арктическом совете и опубликовала свой первый официальный документ по арктической политике («Арктическая политика Республики Корея» или «Генеральный план по арктической политике»), Сеул стал расширять свою вовлеченность в арктические дела и проявлять свою заинтересованность в расширении сотрудничества в Арктике с

Россией. Рассматривая арктическое сотрудничество как взаимовыгодное и способствующее дальнейшему развитию двусторонних отношений, Россия и РК обнародовали намерения и планы по развитию двустороннего сотрудничества в Арктике. В 2017 г. в ходе Восточного экономического форума во Владивостоке президент РК Мун Чжэ Ин изложил концепцию «Девяти мостов», направленную на стимулирование сотрудничества РК с Россией в девяти областях: судостроение, морские порты, Северный морской путь, газ, железные дороги, энергетика, промышленные комплексы, сельское хозяйство и рыбное хозяйство. В 2019 г. концепция «Девяти мостов» была принята двумя сторонами в качестве «дорожной карты» инвестиционного взаимодействия России и Кореи, а в октябре 2020 г. стороны подписали Совместное заявление о Плана реализации концепции «Девяти мостов» российско-корейского торгово-экономического сотрудничества версия 2.0. Более того, в соответствии с достигнутым в сентябре 2017 г. соглашением между двумя сторонами на ежегодной основе стали проводиться российско-южнокорейские консультации по арктическим вопросам.

В практической плоскости сотрудничество между двумя странами в области освоения ресурсной базы Арктической зоны РФ и развития инфраструктуры СМП пока носит ограниченный характер. Российской стороне до сих пор не удалось привлечь корейские инвестиции в арктические проекты – будь то проекты совместной разработки арктических ресурсов или совместного развития инфраструктуры в российской Арктике (например, строительство или модернизация портов). В отличие от других крупнейших мировых импортеров СПГ, таких как Китай или Япония, РК воздержалась от инвестиций в российские крупнейшие СПГ-проекты в Арктике – Ямал СПГ и Арктик СПГ-2. Хотя южнокорейская KOGAS рассматривала возможность участия в проекте «Арктик СПГ-2», в итоговом списке инвесторов она так и не появилась.

Осторожный подход корейских инвесторов к участию в российских проектах обусловлен рядом факторов: антироссийскими санкциями со стороны США и ЕС, предыдущим неоднозначным опытом в осуществлении совместных проектов с российскими партнерами (например, совместные проекты судостроительного завода «Звезда-DSME» и завода электротехнического оборудования Hyundai Electrosystems не были реализованы по вине российской стороны [2]), опасениями со стороны южнокорейских инвесторов в связи с непрозрачностью процесса принятия решений в РФ и возможным вмешательством со стороны российского правительства в проекты [4, р. 56],

техническими сложностями при освоении арктических углеводородов, сравнительной дороговизной их добычи, падением мировых цен на нефть (и соответственно, газ) в 2014–2015 гг. и снова в 2020 г.

Воздерживаясь от прямого финансового участия в российских арктических проектах, Республика Корея тем не менее уделяет внимание таким сферам сотрудничества, как судостроение, техническое обслуживание судов и оказание логистических услуг. Будучи одними из самых конкурентоспособных компаний в мире по производству ледоколов, судов ледового класса, морских нефтегазовых платформ, предназначенных для использования в Арктике, а также оборудования для предотвращения загрязнения, южнокорейские компании сумели выиграть целый ряд крупных контрактов на строительство танкеров-газовозов ледового класса для нужд России, обойдя конкурентов (японские, сингапурские и китайские судостроительные верфи). Так, в частности, в 2014 г. южнокорейская судостроительная компания DSME получила крупный контракт на строительство 15 танкеров-газовозов ледового класса Arc7 для нужд проекта «Ямал СПГ». Контракты на строительство еще 6 танкеров Arc7 стоимостью 1,7 млрд долл. для проекта «Арктик СПГ-2» DSME получила в 2020 г. В июне 2020 г. DSME также получила заказ от российской компании «НОВАТЭК» на два плавучих хранилища СПГ на сумму 748 млн долл. [1].

Вместе с тем следует указать на то, что взятый российским руководством курс на импортозамещение и в том числе стимулирование развития отечественного судостроения и повышения конкурентоспособности российских судостроительных компаний на рынке специализированных судов способен в перспективе ограничить коммерческие возможности для южнокорейских верфей. Согласно планам Москвы, дальнейшее строительство танкеров-газовозов ледового класса будет осуществляться на российской судовой верфи «Звезда». Тем не менее, Россия по-прежнему нуждается в услугах южнокорейских судостроительных компаний: не имея технологий необходимых для строительства судов ледового класса, «Звезда» будет развивать технологическое партнерство с южнокорейскими компаниями. Так, в сентябре 2019 г. судостроительный комплекс «Звезда» подписал контракт с Samsung Heavy Industries на проектирование танкеров-газовозов для проекта «Арктик СПГ-2». Также в рамках совместного предприятия с Hyundai Heavy Industries на верфи «Звезда» ведется строительство танкеров класса «Афрамекс». Южнокорейские компании выступают не только в качестве разра-

ботчика проектов крупнотоннажных судов и поставщика оборудования, но и в качестве партнеров «Звезды» по обучению персонала.

В сотрудничестве с Россией по развитию инфраструктуры СМП РК уделяет приоритетное внимание судостроению и обслуживанию судов, предоставлению логистических услуг для российских СПГ-проектов в Арктике и пока воздерживается от участия в создании портовой и иной инфраструктуры в Арктике (в роли инвестора или кредитора). Подписанный в январе 2014 г. Меморандум о взаимопонимании между министерством транспорта РФ и министерством морских дел и рыболовства РК по сотрудничеству в области развития и модернизации портовой инфраструктуры пока так и остается заявлением о намерениях сторон. РК предпочитает развивать свои собственные порты, способные стать перевалочными узлами для грузов, транспортируемых из или транзитом через Арктику. Между южнокорейскими портами, такими как Пусан, Ульсан и Кванъян, даже возникла конкуренция в вопросах получения инвестиций от центрального правительства РК для развития и модернизации портов, способных обслуживать арктические грузоперевозки [3, р. 64]. Более того, сдержанность РК в вопросах инвестирования в российскую инфраструктуру вдоль СМП может объясняться и сомнениями в коммерческой ценности СМП.

Список литературы

1. *Дятел Т.* НОВАТЭК получит танкеры из Южной Кореи // Коммерсант. № 189. 15.10.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4531018> (дата обращения: 05.07.2021)
2. *Реутов Д., Черкашин П.* Южная Корея и развитие шельфового судостроения на Дальнем Востоке России // РСМД. 29.04.2014. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhnaya-koreya-i-razvitie-shelfovogo-sudostroeniya-na-dalne/> (дата обращения: 01.07.2021)
3. *Park Y. K.* South Korea's Interests in the Arctic // Asia Policy. 2014. N 18. P. 59–65.
4. *Yoon S.* A Cooperative Maritime Capacity-Sharing Strategy for the Arctic Region: The South Korean Perspective // Asia and the Arctic. Narratives, Perspectives and Policies / Ed. by Vijay Sakhuj, Kapil Narula. Singapore : Springer Science+Business Media, 2016. P. 49–62.

Russia's Cooperation with the Republic of Korea in the Commercial Development of the Arctic

Yana V. Leksyutina

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. Since 2013, when the Republic of Korea (ROK) was admitted in the Arctic Council to be observer and issued its first Arctic policy, Seoul has strengthened engagement in the Arctic and revealed its strong interest in expanding cooperation in

the Arctic with Russia. Seeing Arctic cooperation as mutually beneficial and further advancing the bilateral relations, Russia and the ROK have made a number of policy statements on their intentions and plans to develop bilateral cooperation in the Arctic. This paper reveals the specifics and current scale of Russia's cooperation with the ROK in the development of the resource base of the Arctic zone of the Russian Federation and the Northern Sea Route.

Keywords: Republic of Korea, Russia, Arctic, Arctic cooperation, LNG, Northern Sea Route.

Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований; Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: lexyana@ya.ru

Leksyutina Yana Valeryevna, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor; Saint-Petersburg State University; e-mail: lexyana@ya.ru

УДК 327

Иркутская область и провинция Кёнсан-Пукто¹: 25 лет побратимских отношений. Итоги и перспективы сотрудничества*

Е. В. Ли

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению сотрудничества регионов-побратимов, Иркутской области и провинции Кёнсан-Пукто, история которого насчитывает 25 лет. Приводятся данные о совместных мероприятиях и проектах, реализованных в рамках двустороннего партнерства.

Ключевые слова: международное сотрудничество, культурный обмен, молодежный обмен, провинции-побратимы, гуманитарное сотрудничество.

В сентябре 2021 г. Иркутская область и провинция Кёнсан-Пукто отметили 25-летие с момента установления побратимских отношений. Сотрудничество двух регионов началось 10 сентября 1996 г. с подписания губернаторами, Ю. А. Ножиковым и Ли Ы Гын,

¹ Перевод согласно «Словарю географических названий Республики Корея» Л. Р. Концевича. В тексте документов и на официальном сайте правительства Иркутской встречаются также варианты перевода Северная Кёнсан и Кенсанбук-до. При ссылках на документы орфография оригинала сохранена.

* Статья подготовлена при поддержке Корейского Фонда в рамках проекта «Российско-корейские отношения в контексте новых социально-экономических вызовов в постковидную эпоху: восстановление экономических связей и проблема трансграничной миграции».

«Соглашения о побратимских связях между Иркутской областью и провинцией Кёнсанбук-до» [4].

В ноябре 2010 г. данное соглашение заменил «Меморандум о сотрудничестве между правительством Иркутской области Российской Федерации и администрацией провинции Северная Кёнсан Республики Корея» [2]. Меморандум подписали губернаторы регионов, Д. Ф. Мезенцев и Ким Кван Ён, в присутствии президентов обоих государств в рамках визита официальной делегации РФ в Сеул для участия в саммите G20.

Как соглашение, так и меморандум, определяют следующие направления сотрудничества:

- развитие всесторонних дружественных и партнерских отношений в экономической, социальной, научной, культурной и других областях,

- проведение совместных мероприятий по решению экономических, социальных, научных, культурных и других вопросов, представляющих взаимный интерес,

- всестороннее содействие друг другу с целью более полного использования экономического, научного и культурного потенциала обоих регионов,

- активизация культурных обменов и расширение торговых контактов.

Помимо вышеуказанных встреч, на которых были подписаны основополагающие документы, определяющие основные направления сотрудничества, главы регионов лично встречались дважды: в 2016 г. в ходе визита делегации Иркутской области во главе с губернатором С. Г. Левченко в РК с целью презентации экономического и инвестиционного потенциала региона в провинции Кёнсан-Пукто и в 2017 г. во время ответного визита губернатора Ким Кван Ёна в Иркутск.

На обеих встречах руководители регионов выразили заинтересованность, помимо прочего, в развитии медицинского туризма и создании проектов в области фармацевтики.

Однако, несмотря на договоренности о сотрудничестве в самых различных областях, до сих пор каких-либо крупных проектов в экономической и медицинской сфере реализовано не было.

Основная масса проектов, осуществляемых в рамках двустороннего сотрудничества, касается культурного и молодежного обмена.

Культурные мероприятия, реализованные в рамках двустороннего сотрудничества в период с 2010 по 2021 г., представлены в табл. 1.

Таблица 1

Список мероприятий, реализованных правительством Иркутской области
и администрацией провинции Кёсан-Пукто в рамках двустороннего
сотрудничества

Мероприятие	Период
Концерт симфонического оркестра Кёсан-Пукто в Иркутском музыкальном театре в рамках празднования 25-летия установления дипломатических отношений между РФ и РК.	Май 2016 г.
Участие делегации Иркутской области в Глобальном культурном фестивале провинции Кёсан-Пукто. Выступление фольклорного ансамбля «Прялица», презентация авторских произведений из бересты и расписных деревянных изделий иркутских мастеров декоративно-прикладного искусства	Июль 2017 г.
Концерт губернаторского симфонического оркестра Иркутской областной филармонии в провинции Кёсан-Пукто в День международного сотрудничества (International Community Day)	Сентябрь 2017 г.
Выступление творческих коллективов провинции Кёсан-Пукто в рамках празднования 80-летия Иркутской области	Сентябрь 2017 г.
Выступление народной вокальной группы «Мираж» на Международном фестивале культуры и туризма в провинции Кёсан-Пукто	Сентябрь 2018 г.

Целью данных мероприятий является знакомство жителей регионов с культурой страны провинции-побратима, установление контактов между творческими коллективами двух регионов.

Помимо культурного сотрудничества начиная с 2016 г. активно развивается молодежный и студенческий обмен. Молодежь обоих регионов принимает активное участие в различных мероприятиях, проводимых провинцией-побратимом (табл. 2).

Таблица 2

Список программ молодежного и студенческого обмена
между Иркутской областью и провинцией Кёсан-Пукто

Мероприятие	Участники	Место проведения	Период
Глобальный молодежный культурный лагерь провинции Кёсан-Пукто	Студенты провинций-побратимов Кёсан-Пукто (10–15 человек)	Провинция Кёсан-Пукто	2017–2019 гг. (5–7 дней)
Языковые стажировки для госслужащих	Госслужащие провинций-побратимов (1 человек)	Университеты провинции Кёсан-Пукто	Ежегодно (6 месяцев)

Мероприятие	Участники	Место проведения	Период
Международный молодежный форум «Байкал»	Студенты провинции Кёнсан-Пукто, владеющие русским языком (10 человек)	Оз. Байкал	2018–2019 гг. (5–7 дней)
Спортивные сборы по стрельбе из лука	Молодые спортсмены-лучники провинций-побратимов Кёнсан-Пукто (5 человек)	Провинция Кёнсан-Пукто, г. Ечон	2017–2018 гг. (2 недели)

Основная цель данных мероприятий – укрепление дружеских отношений между молодежью провинций – побратимов, развитие человеческих ресурсов и воспитание кадров, способных в будущем осуществлять профессиональную деятельность в сфере российско-корейского сотрудничества.

Все представленные в табл. 2 программы студенческого и молодежного обмена являются ежегодными, однако с 2020 г. их реализация временно приостановлена в связи с распространением новой коронавирусной инфекции и ограничением международного сообщения.

В сложившихся условиях стороны изыскивают новые возможности для продолжения сотрудничества в данной сфере. Так, в 2021/2022 учебном году две студентки Иркутского государственного университета смогли принять участие в программе студенческих обменов для регионов-побратимов провинции Кёнсан-Пукто и в настоящий момент проходят обучение в университете Ённам (Республика Корея).

Также стоит отметить финансовую поддержку администрацией провинции Кёнсан-Пукто Сибирского регионального конкурса устных выступлений на корейском языке, который проводится ИГУ совместно с Генеральным консульством РК в г. Иркутске. Начиная с 2017 г. администрация провинции ежегодно предоставляет призы и подарки победителям и участникам конкурса.

Что касается взаимодействия регионов в других областях, необходимо отметить сотрудничество в гуманитарной сфере, а именно гуманитарную помощь, оказанную администрацией провинции Кёнсан-Пукто осенью 2019 г. во время наводнения в Иркутской области и в ноябре 2020 г., когда руководитель представительства Кёнсан-Пукто во Владивостоке передал в амбулаторный ковидный центр при Ир-

кутской городской клинической больнице № 8 700 защитных костюмов многоразового использования для работы с ковид-больными.

Таким образом, можно констатировать, что начавшееся в 1996 г. сотрудничество Иркутской области и провинции Кёнсан-Пукто достигло пика своего развития в период 2016–2018 гг., после чего в связи с ограничениями, связанными с распространением новой коронавирусной инфекции многие программы были приостановлены на неопределенный срок.

Кроме этого, необходимо отметить, что основная масса двусторонних контактов приходится на культурную и образовательную сферу, а также молодежный и студенческий обмен. Несмотря на то что при каждой встрече руководители регионов заявляют о намерении реализации совместных проектов в экономической и медицинской отрасли, до сих пор никаких существенных результатов в этом направлении достигнуто не было.

Прогнозировать развитие двусторонних отношений на ближайшее будущее в данный момент достаточно затруднительно. На встрече с Генеральным консулом РК в Иркутске Ким Се Уном в апреле 2021 г. губернатор Иркутской области И. И. Кобзев выразил заинтересованность в расширении деловых связей в медицинской сфере, в частности в вопросе создания в регионе медицинского кластера на основе телемедицины, а также развитии научно-технического и гуманитарного сотрудничества, укреплении двусторонних связей путем участия в спортивных, молодежных, культурных и иных программах.

Представляется, что после снятия ограничений, связанных с распространением COVID-19, и восстановления международного сообщения, прежде всего, будут восстановлены контакты в сфере культурного и молодежного обмена, после чего стороны начнут совместную работу по поиску возможностей экономического и медицинского сотрудничества.

Список литературы

1. Иркутская область : офиц. портал. URL: <https://irkobl.ru> (дата обращения: 15.07.2021).
2. Меморандум о сотрудничестве между правительством Иркутской области Российской Федерации и администрацией провинции Северная Кёнсан Республики Корея. URL: <https://soccidy.irkobl.ru/sites/economy/Меморандум%20о%20сотрудничестве%202010.pdf> (дата обращения: 15.07.2021)/
3. Общественно-политическая газета «Областная». URL: <https://www.ogirk.ru/> (дата обращения: 15.07.2021).

4. Соглашение от 10 сентября 1996 г. «О побратимских связях между Иркутской областью (Российская Федерация) и провинцией Кёнсан-Пукто (Республика Корея)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/469421800> (дата обращения: 15.07.2021).

Irkutsk Region and Gyeongsangbuk-do Province: 25 Years of Cooperation: Results and Prospects of Partnership*

Ekaterina V. Li

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to study the history of cooperation between twin regions, the Irkutsk region and the Gyeongsangbuk-do province, which lasts for 25 years. The data on activities and projects which were organized during this period is provided.

Keywords: International cooperation, cultural exchange, youth exchange, twin provinces, humanitarian cooperation.

Ли Екатерина Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ; Иркутский государственный университет; e-mail: trzh@yandex.ru

Li Ekaterina Vadimovna, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Oriental and Regional Studies of the Asia-Pacific Region, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication; Irkutsk State University; e-mail: trzh@yandex.ru

* This article was supported by the Korea Foundation under the project "Russian-Korean relations in the context of new socio-economic challenges in the post-COVID era: restoration of economic ties and problem of cross-border migration".

Конструируя сотрудничество: опыт и реалии взаимодействия регионов Сибири и Республики Корея*

И. В. Олейников

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Представлен анализ особенностей двустороннего взаимодействия между регионами Сибири РФ и РК в первых десятилетиях XXI в. с привлечением концепции конструктивизма. Рассмотрен опыт и выявлены реалии сотрудничества регионов Сибири и Республикой Корея.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, Сибирь, регион, взаимодействие, конструктивизм.

Сотрудничество регионов Сибири с Республикой Корея находится под воздействием общего контура внешней политики Российской Федерации, испытывая влияние общей динамики взаимодействия как России и Республики Корея, так и России и значимых игроков мировой системы. В крупных городах Сибири работают представительства компаний с южнокорейским капиталом, в г. Иркутске успешно действует Генеральное консульство Республики Корея, реализуются экономические и гуманитарные контакты, связи на уровне городов-побратимов, институциональное партнерство по линии Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА). Присутствуют и историко-культурные реалии, способствующие развитию взаимодействия – корейская диаспора, национальный «Центр корейской культуры». Наряду с этим присутствуют явные и скрытые факторы, негативно влияющие на интенсификацию внешних связей сибирского региона с Республикой Корея.

Учитывая подход британского ученого-теоретика Б. Андерсона, бюрократия и интеллектуалы, но в данном случае не на общегосударственном, а на местном уровне (российском и корейском) формируют пространство сотрудничества/противодействия, отталкиваясь от общей логики процессов, происходящих на глобальном

* Работа выполнена при финансовой поддержке Корейского фонда (Korea Foundation) в рамках проекта «Российско-корейские отношения в контексте новых социально-экономических вызовов в постковидную эпоху: восстановление экономических связей и проблема трансграничной миграции».

уровне. В 90-е гг. XX в. – первом десятилетии XXI в. установку на тесные субнациональные контакты создавал общий тренд глобализации, формировалась комплексная взаимозависимость в рамках неолиберальной подхода теории международных отношений. Российские чиновники, бизнесмены и ученые из регионов Сибири положительно воспринимали передовой южнокорейский опыт и были заинтересованы в активизации контактов с перспективными партнерами – этому способствовала открытая внешняя политика и экономический курс РФ. Южнокорейская сторона пыталась реализовывать прагматичные экономические интересы – освоение перспективного рынка сырьевых ресурсов сибирских регионов России, сбыта промышленной продукции. С 2012 г. российская сторона стала продвигать стратегию «поворота на Восток», направленную на форсирование контактов с южнокорейскими партнерами, но после 2014 г. взаимодействие России и Республики Корея стало испытывать негативное влияние санкционной политики стран Запада.

Регионы Сибири РФ воспринимались южнокорейскими чиновниками преимущественно как транзитное и ресурсное пространство – еще в 2013 г. президент РК Пак Кын Хе предложила «Евразийскую инициативу», положения которой были в основном не реализованы. В 2017 г. была провозглашена инициатива «Девяти мостов» президента Мун Чжэ Ина, в рамках которой к 2019 г. была предусмотрена активизация двустороннего сотрудничества в области поставки СПГ и строительства газопровода, развитие железнодорожной инфраструктуры, модернизация и строительство портов на Дальнем Востоке РФ, строительство линий электропередач, развитие СМП, строительство ледокольных СПГ-танкеров и верфей, расширение сотрудничества в сфере сельского хозяйства и рыбной отрасли, создание промышленного комплекса в Приморье посредством трехстороннего сотрудничества по линии РК-КНДР-РФ [1, р. 2]. В 2020 г. план реализации концепции был актуализирован как «Девять мостов 2.0». Существенный акцент в рамках обновленной инициативы в силу эффекта пандемии COVID-19 был сделан на сфере здравоохранения.

Отметим, что опыт рамочных инициатив такого рода регионы Дальнего Востока и Сибири уже получили во время реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР 2009–2018 годы. Многие проекты так и остались на бумаге, но присутствовал и положительный аспект – в российских регионах была сформирована разветвленная «бюрократия развития», структуры, направленные на

привлечение инвестиций и развитие экспортного потенциала на китайском направлении [2, с. 12]. Полагаем, что следует взять за основу итоги реализации проектов с китайской стороной и использовать общую схему для формирования из федерального центра полноценного плана сотрудничества с Республикой Корея не только на Дальнем Востоке, но и в регионах Сибири.

Таким образом, региональные бюрократии и бизнес-структуры регионов Сибири в разные периоды времени видели в международных контактах с южнокорейскими контрагентами дополнительный имиджевый ресурс для развития региона и (по большей мере) возможность получения средств из ресурсов федерального Правительства РФ под планируемые и реальные проекты, совместно реализуемые с корпорациями Республики Корея. Повестка двустороннего сотрудничества на субнациональном уровне конструировалась российскими и южнокорейскими чиновниками и бизнесменами исходя из текущих реалий взаимодействия, выгод и необходимости решения более сложных геополитических и экономических задач (фактор КНДР, транскорейская железная дорога, южнокорейские инвестиции в центральные субъекты РФ). Присутствовал и фактор «бюрократического туризма» чиновников из сибирских регионов (презентации и выставки) без серьезной имиджевой и экономической отдачи. Справедливости ради отметим, что схожее поведение наблюдалось и с южнокорейской стороны. Для южнокорейской бюрократии и крупных корпораций со временем сама возможность реализации проектов в периферийных регионах Сибири рассматривалась как фактор повышения «эффективности», распространения южнокорейской «мягкой силы», лояльности к южнокорейской продукции, расширения сферы влияния, использования ресурсного и транзитного потенциала (при условии согласования необходимых вопросов в центре принятия решений – Москве).

Крупные инвестиционные инициативы компаний из Республики Корея, планируемые к реализации в ряде регионов, в частности, в Иркутской области, в 2015 г. были свернуты в силу политических рисков, конкуренции с российским бизнесом – как федеральным, так и региональным. Аналогичные тенденции присутствовали и в регионах российского Дальнего Востока, отмечается, что российско-южнокорейские двусторонние связи по линии малого и среднего бизнеса развиты недостаточно – действует фактор менталитета, сформированных и сконструированных представлений о РФ в Южной Корее [3]. Ряд инвестиционных проектов планируется к реализации южнокорейской стороной – но преимущественно в столице

Сибирского федерального округа – г. Новосибирске [4]. При этом гуманитарные связи регионов Сибири и Республики Корея продолжают развиваться – поддерживаются интенсивные контакты по линии городов-побратимов, связи между университетами и научными центрами, постепенно формирующие полноценный задел для дальнейшего долговременного сотрудничества.

Список литературы

1. *Zakharova L.* Economic Relations between Russia and South Korea in the New Northern Policy // Korea Economic Institute of America. Academic Paper Series. 2019. Dec. 10. P. 1–9.
2. Программа сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая 2009–2018: итоги и дальнейшие перспективы / И. Ю. Зуенко, С. А. Иванов, Лун Чанхай, Ма Юцзюнь, И. В. Олейников, Цинь Дун // У карты Тихого океана. 2018. № 3 (251). С. 1–26.
3. *Коростиков М.* «Риск не проблема, но чем выше риск, тем выше должна быть прибыль» // Коммерсантъ. 2019. № 163. С. 6.
4. Бизнесмены из Южной Кореи проведут онлайн переговоры с российскими партнерами. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2020/11/11/69533231/> (дата обращения 15.07.2020).

Constructing Cooperation: Experience and Realities of Interaction between the Regions of Siberia and the Republic of Korea^{*}

Ilya V. Oleynikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The analysis of the bilateral cooperation features between the regions of Siberia of the RF and ROK in the first decades of the 21 century with the involvement of the concept of constructivism is presented. The experience is considered and the realities of cooperation between the regions of Siberia and the Republic of Korea are revealed.

Keywords: Russia, Republic of Korea, Siberia, region, interaction, constructivism.

Олейников Илья Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет; Иркутский государственный университет; e-mail: oleynikov@isu.ru

Oleynikov Ilya Vasilievich, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Historical Faculty; Irkutsk State University; e-mail: oleynikov@isu.ru

^{*} *This article was supported by the Korea Foundation under the project “Russian-Korean relations in the context of new socio-economic challenges in the post-COVID era: restoration of economic ties and problem of cross-border migration”.*

Взгляд представителей научных кругов Республики Корея на активизацию восточного вектора внешней политики России

Д. А. Павлов

ДВИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
Хабаровск, Россия

Аннотация. Изучены взгляды и оценки южнокорейского научного сообщества относительно восточного вектора внешней политики России. Сделан вывод, что зарубежные экспертные круги всесторонне изучают уровень развития российско-корейских отношений как важного направления для развития экономического потенциала и решения геополитических вопросов, при этом достаточно подробно указывают на проблемные аспекты в дальневосточной политики России и предлагают возможные варианты их разрешения.

Ключевые слова: внешняя политика России, «Поворот на Восток», Республика Корея, КНДР, «Новая северная политика», территории опережающего развития.

Во втором десятилетии XXI в. внешнеполитический курс России в силу ряда геополитических причин приобрел ряд новых тенденций, которые мы наблюдаем в настоящее время. «Разворот российской политики на Восток» в наиболее полном варианте начинает свою историю с 2012 г. Так, по итогам Саммита АТЭС-2012 в мире заговорили о «восточном развороте» экономики РФ, как пути по формированию основы для дальнейшего расширения сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В декабре 2013 г. в послании Федеральному Собранию Президент РФ В. В. Путин обозначил особую значимость Сибири и Дальнего Востока, назвав подъем региона национальным приоритетом на весь XXI в.¹

В данном контексте особый интерес представляет подход южнокорейских исследовательских организаций к оценке и видению настоящего и будущего «восточной политики России». Обозначим критерии выбора научной литературы: наличие оценочных моментов о дальневосточной политике, присутствие ярко обозначенных дискуссионных тезисов или особых мнений. На наш взгляд, выявление нескольких подходов позволит увидеть более полную картину российской восточной политики в понимании южнокорейских экспертов.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>.

В политических и исторических исследованиях специалистов Республики Корея период активной восточной политики связывается с рядом событий, произошедших с 2012 г., а именно начало третьего президентского срока В. В. Путина, создание Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, принятие государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа». Примечательно то, что в большинстве рассматриваемых материалов на корейском языке посвященных вопросу политики России на Дальнем Востоке активизация российской восточной политики во многом связывается с особенностями российско-корейского сотрудничества в рамках «Новой северной политики», продвигаемой руководством Южной Кореи, в частности администрацией президента Мун Чже Ина [4].

Ким Сан Вон, сотрудник отдела Евразии Университета Кукмин, в качестве основной проблемы развития российско-корейского сотрудничества отмечает наличие широкого спектра межправительственных проектов, которые являются лишь дипломатической риторикой. В настоящее время сотрудничество, по его мнению, концентрируется исключительно вокруг вопросов безопасности и северо-корейской проблематики. Вместе с тем проблемы демографического и административного характера на Дальнем Востоке создают препятствия для развития экономических связей. Также он отмечает низкую вовлеченность бизнес кругов и научного сообщества в деятельность по формированию внешней политики. Помимо сказанного, неотъемлемым условием видится создание межгосударственного механизма в целях координации и контроля вопросов сотрудничества [2]. В этой связи отметим, что автор не вполне четко изложил тезисы о том, в какой форме может быть представлен данный механизм.

Научный коллектив Корейского национального университета транспорта изучил важность транспортно-логистических связей в СВА при участии России, Китая и стран Корейского полуострова. Так, проанализировав концепции «Один пояс, один путь» Китая, «восточная политика» России и «Новая северная политика» эксперты Республики Корея высказывают мнение о необходимости прежде всего выработать стратегию сотрудничества в транспортном секторе, что позволит расширить направления двустороннего и многостороннего сотрудничества в сфере логистики и транспорта. Существующие проекты развития железнодорожных путей, связанных с Транссибирской магистралью, создают основу для реализации корейской инициативы «Сообщество железных дорог Восточной Азии» [8]. Но в данном случае одним из аспектов, препятствующих развитию ло-

гистических проектов, является нерешенность вопроса безопасности на Корейском полуострове и ядерная проблема КНДР.

Сон Вон Ён, профессор кафедры международной торговли в Северо-Восточной Азии Инчхонского национального университета, отмечает важность трехстороннего сотрудничества по таким проектам как железнодорожный транспорт, газопровод, электроэнергетика. В качестве наиболее перспективного направления считается реализация проекта «Хасан – Раджин», что в первую очередь позволит нормализовать межкорейские отношения, а с точки зрения логистики позволит объединить преимущества морских и сухопутных коммуникаций. Несмотря на декларирование политики «разворота на восток» в деловом и экспертном сообществе сохраняются негативные образы в характеристике Дальнего Востока России, такие как бедность, слаборазвитость. Сон В. Ё. в первую очередь считает важным создать современную туристическую инфраструктуру на востоке России и модернизировать сферу услуг до инновационного уровня. Так, увеличение туристического обмена позволит более объективно изучить инвестиционный потенциал регионов ДВ [4].

Ли Сан Джун, профессор центра международных исследований Университет Кукмин, и Со Дон Джу, старший научный сотрудник Института стратегии национальной безопасности, отмечают, что Дальний Восток в настоящий момент имеет более подготовленную основу в вопросах сотрудничества с КНР и Японией. Республика Корея в данном аспекте находится позади остальных соседей России в США. По мнению экспертов, наши страны должны приложить усилия для успешного развития территорий опережающего развития (ТОР, ТОСЭР) путем использования достижений южнокорейской промышленности и привлечения северокаорейской рабочей силы. Кроме того, развитие Северного морского пути и Арктики создает дополнительные возможности для логистики. Вместе с тем в целях повышения конкурентоспособности органам власти России необходимо создавать в дальневосточных субъектах соответствующую инфраструктуру и институционально – правовую среду [7].

В свою очередь О Ёнг Иль, старший научный сотрудник исследовательского института POSCO, считает, что главная проблема в вопросе развития Дальнего Востока заключается в отсутствии достойных рабочих мест и, как следствие, отток населения с территории дальневосточных субъектов. В качестве одной из мер по решению данной проблемы он видит создание специального органа (Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики) и регулярное проведение «Восточного экономического форума». Говоря о дея-

тельности территорий опережающего социально-экономического развития, он отмечает отсутствие четкой стратегии их развития, политики поддержки и отсутствие необходимой инфраструктуры. Однако несмотря на ряд весомых причины правительству Республики Корея нельзя упускать из виду явные преимущества и потенциал развития экономического сотрудничества с Россией на базе ТОР. Прежде всего эксперт считает, что сотрудничество на базе ТОСЭР в формате РФ – Республика Корея-КНДР позволит создать основу для межкорейского диалога. Он предлагает внедрение южнокорейского опыта и ноу хау в качестве наиболее эффективных инструментов управления ТОР. Активное взаимодействие органов государственной власти Дальнего Востока с деловыми и административными структурами Республики Корея позволит, по его мнению, оказать положительное влияние на развитие региона [6].

Обобщая приведённые выше оценки уместно обратиться к совместной работе специалистов Департамента Новой северной политики Корейского института международной экономической политики (КИЕР) и научных сотрудников ИЭИ ДВО РАН опубликованной к 30-летней годовщине установления российско-южнокорейских дипломатических отношений. Так, эксперты отмечают необходимость качественного изменения российско-южнокорейского сотрудничества, поскольку по причине санкций против России, Северной Кореи, а также наличия проблем экономической отсталости не позволили достичь заметного прогресса в рамках инвестиционного сотрудничества. Успешная реализация российско-корейских проектов в рамках «Новой северной политики» позволит увеличить геополитическое и геоэкономическое значение Дальнего Востока России. Дальневосточный регион России является важной осью для усиления роли так называемой «страны-моста», соединяющей континент и океан, а также имеет потенциал для создания новых источников экономического роста [3].

Рассмотрение оценок южнокорейских экспертов по вопросу политики России в АТР показывает, что восточный вектор внешней политики России требует более системного и прогрессивного подхода в сочетании с крупным финансированием развития регионов. Южнокорейские эксперты демонстрируют неподдельный интерес к широкоформатному сотрудничеству как в экономической сфере, так и по вопросам безопасности в регионе, в частности на Корейском полуострове. Представители Республики Корея в рассмотренных исследованиях предлагают различные варианты решения существующих проблем, а также предлагают пути развития взаимовыгодного сотрудничества.

По мнению экспертов, отсутствие ощутимого результата в различных сферах связано в первую очередь с тем, что восточный вектор в политике России – это попытка Москвы сформировать геополитическое присутствие в АТР в рамках треугольника РФ – КНР – США [5]. При этом решению региональных демографических и социально-экономических вопросов не уделяется достаточное внимание. Мнения южнокорейских специалистов создают определенные предпосылки для более углубленного понимания того, что низкий уровень участия федерального центра к развитию дальневосточных регионов опасен тем, что Республика Корея потеряет интерес к Дальнему Востоку России как к элементу «Новой северной политики», а Дальний Восток и Сибирь будут выполнять исключительно сырьевую функцию для стран азиатского макрорегиона. Они отмечают, что органам государственной власти на федеральном и региональном уровнях необходимо обратить внимание на то, что в условиях столкновения определенных экономических и политических интересов Республики Корея с КНР и Японией, а также важной роли России в межкорейских переговорах, Республика Корея готова на активную кооперацию и взаимодействие на территории дальневосточных субъектов России, и в лице экспертного сообщества выражает убежденность, что российский Дальний Восток может стать важным центром экономического роста как для России, так и для стран Корейского полуострова. Целесообразным видится в среднесрочной и долгосрочной перспективе предпринять общие усилия для реализации взаимовыгодных отношений между Россией – Республикой Кореей – КНДР.

Список литературы

1. Минакир П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1016–1029.
2. Kim Sang Won. Economic Cooperation between Korea and Russian Far East: Past, Present and Future. 2019. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09406234>
3. Park Joung Ho, Pavel A. Minakir Development of the Russian Far East in 20 Years of the Putin Era: Seeking New Directions for Deepening Cooperation between Korea and Russia. 2020. URL: <https://www.kiep.go.kr/galleryDownload>
4. Sung Weon Yong New Northern Policy and South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation: Tasks and Development Perspectives. 2019. URL: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09288060>
5. 이재혁 러시아 북극지역의 현황과 개발 동향, 한국노어노문학회 학술대회 발표집. 2016. URL: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07024618>

6. 오영일 러시아 연해주 선도개발구역을 활용한 플랫폼 비즈니스 제안. 2016. URL: <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE08843421>

7. 서동주, 이상준 푸틴 집권 4기 러시아의 동북아·한반도 정책과 한·러 외교·경협 과제. 2018. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE08830517>

8. 서종원, 한은영, 양하은, 신북방경제 시대 한중러 교통협력 방안과 효과. 2019. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09233187>

The South Korean Scientific Community View on the Intensification of the Russian's Foreign Policy Eastern Vector

Dimitri A. Pavlov

Far-East Institute of Management, Branch of RANEP
Khabarovsk, Russian Federation

Abstract. The report reviews and evaluates different viewpoint and assessments of South Korean scientific and political community on the issue of Russia's foreign policy course “Turn to the East”. The author came to the conclusion that expert community studies development level of Russian – South Korean relations comprehensively as important part for evolution of economic potential and solving geopolitical issues. More over experts closely point at top priority aspects of Russian Far East policy and suggest possible variants for their solution.

Keywords: Russian foreign policy, “Turn to the East”, Republic of Korea, DPRK, “New Northern Policy”, Advanced Development Territories.

Павлов Дмитрий Александрович, аспирант, направление «Исторические науки и археология»; ДВИУ – филиал РАНХиГС; e-mail: pavlovdmwork@gmail.com

Pavlov Dimitri Aleksandrovich, Postgraduate, specialty “Historical Sciences and Archeology”; Far-East Institute of Management, Branch of RANEP; e-mail: pavlovdmwork@gmail.com

Российско-корейские отношения в свете проблемы безопасности Корейского полуострова

Ю. В. Самович

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, Россия

Аннотация. Анализируются взаимоотношения Российской Федерации и Республики Корея на фоне вновь обострившейся ситуации с проводимой в КНДР ядерной программой. Указывается, что в последние десятилетия сотрудничество двух стран только улучшается. Одним из факторов, оказавших существенное влияние на этот процесс, является позиция России в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова.

Ключевые слова: Россия, Южная Корея, нераспространение ядерного оружия, региональное партнерство, безопасность.

В последние три десятилетия проблема урегулирования «ядерного» вопроса на корейском полуострове относится к постоянным пунктам во время встреч российских официальных лиц с представителями крупнейших великих держав и в международных организациях. И если раньше эти вопросы были объективно обусловлены вопросами безопасности на полуострове и очередным столкновением с глобальным вопросом нераспространения ядерного оружия, то в настоящее время (особенно после явного провала обещаний Д. Трампа в адрес КНДР на встрече с Ким Чен Ыном в 2019 г.) попытки США в одностороннем порядке определить курс корейского урегулирования сталкиваются не только с неуступчивостью КНДР, но и с тем, что Россия и Китай в трактовке понимания «глобального управления» явно не совпадают с США.

Шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной проблеме были начаты в 2003 г. и, естественно, предполагали и дальнейшее продвижение в сторону создания региональной системы безопасности в Восточной Азии (такое мнение высказывалось многими политиками). Россия в тот момент предложила концепцию «пакетного решения», которая предусматривала отказ КНДР от создания ядерного оружия в обмен на политические гарантии безопасности и экономическую помощь.

При активном участии России был подготовлен документ о принципах денуклеаризации [5] – Совместное заявление от 19 сентября 2005 г. Россия возглавила рабочую группу по выработке меха-

низма поддержания мира и безопасности в Северо-Восточной Азии и сумела согласовать, ещё до прекращения переговоров, основные принципы отношений между странами региона. Но в 2008 г. КНДР вышла из шестисторонних переговоров и возобновление обсуждения в таком формате вряд ли возможно.

Развитие отношений между Российской Федерацией и Республикой Кореей с момента установления дипломатических отношений в 1990 г. шло постепенно, если не сказать медленно. Однако глобальная финансовая рецессия, вторжение Грузии в 2008 г., кризис в Украине в 2013–2014 гг. послужили началу реализации политики президента В. Путина «Разворот на Восток», а в сентябре 2017 г. на площадке III Восточного экономического форума Президент Республики Корея Мун Чжэ Ин выступил с инициативой «Новой северной политики», что повлекло пересмотр взаимоотношений партнеров.

В настоящее время Москва и Сеул относят себя к стратегическим партнерам, причем, как отмечают оба посла «взаимодействие между нашими странами базируется на общности долгосрочных стратегических интересов и характеризуется высоким уровнем взаимопонимания и доверия» [1].

Продолжение тесных отношений с Россией для содействия денуклеаризации и установления постоянного мира на Корейском полуострове. Чрезвычайный и полномочный посол Республики Корея в России Ли Сок Пэ считает одной из важнейших задач, стоящих перед посольством [4].

В вопросе урегулирования конфликтной ситуации между двумя Кореями Россия как один из лидеров международного сообщества демонстрирует себя как конструктивного и ответственного внешнеполитического партнера, чье участие необходимо для разрешения одного из опасных кризисов. Официальная позиция России по данному вопросу заключается в поддержке денуклеаризации Корейского полуострова – Россия не признает ядерный статус КНДР, придерживаясь позиции четкого соблюдения норм международного права (в частности режима нераспространения ядерного оружия).

Вместе с тем Республика Корея на протяжении долгого времени пытается искать пути преодоления военно-политической нестабильности на Корейском полуострове. В 2013 г. обсуждение вопросов безопасности было совмещено с представлением Евразийской инициативы, в основе которой реализация масштабных логистических и энергетических проектов. Участие России в решении корейской проблемы является составляющей политики «поворота на Восток», а

для стран АТР – индикатор реальной заинтересованности нашей страны в процессе укрепления региональной безопасности и развитии.

Корейский полуостров сегодня является зоной столкновения интересов многих игроков Азиатско-Тихоокеанского региона с пересекающимися и взаимоисключающими интересами таких, как США, Китай, Россия, а также других государств, например, Японии и стран АСЕАН. Разумеется, неразрешенная ситуация в регионе наносит урон политическим и экономическим связям государств и их отношениям с другими странами мира. Тем не менее, основная угроза – потенциальная возможность применения ядерного оружия.

Сегодняшняя ситуация – логичное следствие ненадолго прекращенной и вновь начавшейся холодной войны. В период распада СССР отозвал все свои оборонительные обязательства перед КНДР, что стало причиной для обеспечения безопасности своими силами. К сожалению, обострение проблем вокруг полуострова обусловлено интересами не только живущих на нем, но и противоборством двух наиболее заинтересованных игроков – США и Китая.

Агрессивные действия США по удержанию лидерства в АТР и резкое противоречие мнению США наряду с амбициями Китая на внешнеполитической арене приводят на деле к очень серьезным последствиям. Еще летом 2015 г. в опубликованной Национальной военной стратегии США Китай, КНДР и Россия фигурируют как предполагаемые противники, в то время как Япония и Южная Корея – наиболее важные союзники, что для международного сообщества разделило Восточную Азию на два лагеря [2].

Основной целью политики Москвы в этом регионе является усиление региональной безопасности в рамках многосторонней схемы, учет мнения всех партнеров. Развитие Дальнего Востока России, активное включение России в деятельность АТР, расширение сотрудничества с Южной Кореей, Северной Кореей и Японией соответствует самому широкому видению многополярности России, как глобальному, так и региональному.

Внешняя политика России направлена на достижение равновесия между всеми региональными акторами, чтобы не наделять одних слишком большими привилегиями и не оставлять в изоляции других. «Многополярный мир» должен существовать на основе учета интересов и компромиссов, а не абсолютного превосходства одного государства над остальными, вне зависимости от того, кто бы хотел себя видеть на этом месте. Политика России в рамках урегулирования вопросов корейского полуострова имеет не только региональное, но

и глобальное измерение, поскольку относится к проблеме нераспространения ядерного оружия в мировом масштабе.

Встречи, проведенные министром иностранных дел России С. В. Лавровым в марте 2021 г. в рамках визита в Южную Корею, продемонстрировали единство Москвы и Сеула в вопросе установления прочного мира и полной денуклеаризации Корейского полуострова, а также неизменную поддержку в укреплении межкорейских отношений и мирного процесса на Корейском полуострове. Москва и Сеул «сохраняют приверженность скорейшему возобновлению переговорного процесса вовлеченными сторонами в интересах прочного урегулирования всего комплекса проблем этого региона» [3].

Современный мир непрочен. Он ежедневно подвергается новым испытаниям в виде пандемий, роста ксенофобии и ненависти, невозможности доступа к правдивой информации и целенаправленному созданию «образа врага». В этой ситуации международному сообществу крайне необходимо спокойствие и возможность выстраивания отношений с партнерами самостоятельно, без навязчивых указаний сверху, но с соблюдением основных принципов международно-го права, один из которых – суверенное равенство государств.

Список литературы

1. Интервью Посла Российской Федерации в Республике Корея А. Б. Кулика // Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Республике Корея. URL: https://korea-seoul.mid.ru/press-relizy/-/asset_publisher/VNxfNqhYTp3/content/interv-u-posla?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Fkorea-seoul.mid.ru%3A443%2Fpress-relizy%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_VNxfNqhYTp3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-2%26p_p_col_count%3D1 (дата обращения 25.05.2021).

2. Ланцова И. С. Инициатива Президента Республики Корея Пак Кынхе и проблема институционализации сотрудничества в сфере безопасности в Северо-Восточной Азии // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 4 (13) С. 91–95.

3. Павленко В. Лавров в Сеуле: стратегический диалог России и Южной Кореи. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3225479.html> (дата обращения: 25.05.2021).

4. Приветственное слово Посла Республики Корея в Российской Федерации Ли Сок Пэ // Официальный сайт Посольства Республики Корея в Российской Федерации. URL: https://overseas.mofa.go.kr/ru-ru/wpge/m_7322/contents.do (дата обращения: 20.05.2021).

5. Шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР. Справка // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20110824/422914168.html> (дата обращения: 17.05.2021).

Russian-Korean Relations in the Light of the Security Problem of the Korean Peninsula

Yulia V. Samovich

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the relationship between the Russian Federation and the Republic of Korea against the background of the newly aggravated situation with the nuclear program in the DPRK. Despite the difficult relationship, in the past decade, cooperation between the two countries has only improved. One of the factors that had a significant impact on this process is Russia's position on the nuclear issue of the Korean Peninsula.

Keywords: Russia, South Korea, nuclear nonproliferation, regional partnership, security.

Самович Юлия Владимировна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин; Казанский филиал Российского государственного университета правосудия; e-mail: juliasamovich@gmail.com

Samovich Yulia Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines; Kazan branch of the Russian State University of Justice; e-mail: juliasamovich@gmail.com

УДК 338.48-44(519.5-88)-043.86

Государственная политика Республики Корея в сфере въездного культурного туризма

И. А. Толстокулаков, Хан Чжихи

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Аннотация. Рассмотрены основные принципы государственной политики Республики Корея по развитию въездного культурного туризма, этапы её становления и главные направления. Основное внимание уделено содержанию политики южнокорейских властей по стимулированию туристических программ и объектов на современном этапе. Выделены наиболее востребованные зарубежными гостями туристические программы: «Темплстей», «Путь тхэквондо», медицинский туризм и некоторые др. Дана характеристика ведомственной подотчётности туристической сферы в Южной Корее. Определено место культурного туризма и государственной политики по его стимулированию в общей культурной политике РК, а также её корреляция с внешне- и внутривнутриполитическим курсом государства.

Ключевые слова: культурный туризм, въездной туризм, государственная политика, Республика Корея, культурное наследие.

Государственная политика Республики Корея (далее – РК) в сфере въездного туризма формировалась в период с середины 1970-х по конец 1980-х гг., наибольшую активность она приобретает с возникновением феномена так называемой корейской волны. Реализацией туристической политики южнокорейского государства занимается министерство культуры, спорта и туризма, которое с конца 1990-х гг. является центральным государственным ведомством, курирующим туризм, культуру, искусство, религию и спорт. Ведомство неоднократно переименовывалось¹, реорганизовывалось, но сфера его общей компетенции, включающая туризм, оставалась неизменной [4, с. 62].

Отметим основные вехи государственной политики РК по развитию туризма:

1. Становление туристической инфраструктуры началось после принятия в 1964 г. Закона о продвижении туристических объектов, основная цель которого состояла в обеспечении валютных поступлений в госбюджет [3].

2. Принятый в 1975 г. Закон о поддержке строительства туристических комплексов стимулировал интерес деловых кругов к строительству и эксплуатации торговых и развлекательных центров, парков, аттракционов и стадионов. Началось создание современной туристической инфраструктуры, предназначенной для обеспечения въездного туризма.

3. В годы подготовки к Сеульской Олимпиаде 1988 г. окончательно сняты ограничения на развитие внутреннего и выездного туризма. В РК приехало более 2 млн зарубежных гостей, во время Игр организовано более 40 масштабных мероприятий, основанных на национальной культурной традиции и рассчитанных на иностранцев [14, с. 24]. Этот период можно считать подлинным становлением массового культурного туризма в РК.

4. На рубеже XX–XXI вв. наблюдается настоящий туристический бум, основанный на феномене «халлю / корейской волны», вызвавшей интерес зарубежной аудитории не только к ряду элементов национальной культуры, но и к стране в целом [4, с. 29]. Успех «халлю» стал возможным благодаря политике южнокорейских властей, осуществляющих программу поддержки национальной культуры за рубежом и на мировой арене. Развитие въездного туризма, как ос-

¹ До 1990 г. ведомство именовалось Министерством культуры и информации; в 1990–1993 гг. – Министерством культуры; в 1993–1998 гг. – Министерством культуры и спорта; в 1998–2008 гг. – Министерством культуры и туризма [9].

новая форма поддержания позитивного имиджа РК, становится безусловным приоритетом южнокорейской политики.

Сегодняшнее министерство культуры, спорта и туризма РК создано в 2008 г. (Нормативный акт № 8852 от 29.02.2008 [17]), при этом собственно «туризм» фигурирует в названии ведомства с 1998 г. Следует подчеркнуть, что его закрепление в официальном наименовании профильного министерства подтверждает окончательную концептуализацию роли и значения туристической сферы в государственной политике РК с конца 1990-х гг., что хронологически совпадает с выходом «халлю» на международную арену.

Разобравшись с подведомственностью южнокорейского туризма и его краткой историей, перейдём к содержанию государственной политики в туристической сфере.

1. Власти определяют культурный туризм в качестве интегрированного элемента общегосударственной и региональной культурной политики. Министерство культуры, спорта и туризма выдвигает задачу «...неуклонного роста культурного и творческого потенциала граждан РК, при этом развитие туризма и спорта является одним из направлений совершенствования указанного потенциала и в целом роста человеческого капитала в стране» [10]. Её достижению служат различные общереспубликанские и региональные программы и мероприятия. Одним из наиболее значимых с 2014 г. стало движение «День культуры в нашей жизни», нацеленное на привлечение отечественных и зарубежных туристов [7, с. 6–7]. В такие дни отечественным и зарубежным туристам наравне с местными жителями предоставляется возможность посетить платные государственные, муниципальные и частные выставки, концерты, театры и кинотеатры и прочие учреждения культуры со значительной скидкой [6, с. 16].

2. Государственная политика нацеливает туристические учреждения на потребление исключительно отечественной культурной продукции, и в этом следует усматривать не только очевидное патристическое содержание, но и заботу о соблюдении национальных экономических интересов.

3. Финансовые возможности региональных властей и турфирм подкрепляются существенной государственной поддержкой: прямым бюджетным финансированием или предоставлением местным бизнесменам, обслуживающим туристов со скидками, различных преференций, в том числе разовых и регулярных налоговых вычетов [6, с. 17]. Подобная финансовая и налоговая политика государства позволяет активно стимулировать интерес туристов, нацеленных на получение качественных, но не дорогих услуг. В 2016 г. в ходе об-

щенациональной туристической недели более 1,6 тыс. южнокорейских туроператоров предоставили скидки на её мероприятия [13, с. 18].

4. Если не поддерживать и не развивать интерес народа и, особенно подрастающего поколения к национальной культуре, её ценность и значение будут постепенно вымываться и исчезать из повседневной жизни людей. Государственная политика в сфере туризма нацелена на борьбу с данной негативной тенденцией, особенно проявляющейся в современном потребительском обществе. Она стимулирует осознанное потребление собственной культурной продукции в общенациональных рамках, что служит важным воспитательным и образовательным целями и составляет основу культурного туризма в РК.

5. Государственная политика нацелена на активное использование культурного туризма в качестве живой рекламы корейской культуры и отечественной культурной продукции. За её реализацию отвечает Управление государственной охраны объектов культурного наследия, входящее в состав министерства культуры, спорта и туризма. Оно организует специальные туристические акции, стимулирующие интерес к традиционной корейской культуре. Так, с 2013 г. реализуется программа бесплатного посещения иностранными туристами пяти королевских дворцов Сеула при условии переодевания в корейский национальный костюм [16]. В дальнейшем её распространили на отечественных туристов, в итоге ношение национальной одежды во время экскурсий вошло в моду среди молодежи и других людей, целенаправленно желающих прикоснуться к старинным традициям [8].

6. Государство признаёт, что культурный туризм дает возможность собственным и зарубежным гражданам познакомиться с культурными достижениями и историей страны. Показателен пример акции, адресованной туристам из России: в 2018 г. открыт новый туристический маршрут т. н. «Путь вана Коджона». Это – пешая прогулка по пути бегства Коджона и наследного принца в русское посольство в 1896 г. [11]. Культурный туризм как элемент государственной политики предоставляет отечественным и зарубежным туристам новые возможности для познания истории Кореи, служит поддержанию связи между прошлым, настоящим и будущим страны.

7. Приоритетное развитие культурного туризма отражается на повышении качества услуг: туристических, смежных и пр. В рамках государственной поддержки разработана и внедрена кампания «К-смайл / K-smile», направленная на повышение уровня удовлетворенности иностранных гостей. Она определяется встречей и сопровождением зарубежных гостей в доброжелательной манере, её конечная

цель – придание Южной Корее такого образа, чтобы у туристов возникло желание посетить её вновь [1].

8. В РК приступили к созданию комплексных культурно-туристических зон, идея которых опирается на «халлю», значительная часть финансирования данной программы покрывается государством. В настоящее время реализуются три проекта: «Зона корейской культуры / Корейский туристический хаб» в Сеуле, «Долина Кей-культуры / K-Culture Valley» (г. Коян, пров. Кёнги) и зона «Корейский опыт» [5].

9. Особое внимание уделено развитию наиболее востребованных иностранцами туристических практик, таких как:

- программа «Темплстей», предполагающая проживание в или при буддийском монастыре (в 2009 г. включена ОЭСР в число пяти наиболее успешных в мире культурно-экскурсионных программ [2]);

- программа «Путь тхэквондо», знакомящая иностранцев с традициями страны через исконно корейский вид боевых искусств (с 2004 г. проект имеет общереспубликанский статус Национальной организации туризма Кореи [12]);

- медицинский туризм, не ограничивающийся представлением медицинских услуг, но обеспечивающий туристам доступ к культурно-развлекательной программе и экскурсиям по стране (в 2013–2015 гг. ежегодно в РК за медицинским обслуживанием приезжало 30–35 тыс. чел. [15, с. 24]).

Государственная политика РК в сфере туризма направлена на активное использование национальной культурной традиции и достижений современной культуры с целью сохранения культурного наследия, его популяризации и активного использования в интересах населения и страны. Благодаря развитию туризма потребительский спрос на культурные объекты и продукцию неуклонно возрастает, как в самой РК, так и за её пределами. В таких условиях туризм становится движущей силой современной экономики, а благодаря масштабному вовлечению зарубежных туристов национальные культурные программы становятся более доступными, разнообразными и технически оснащенными.

Столь же значимым достижением государственной политики в сфере туризма является формирование положительного имиджа Южной Кореи на мировой арене и повышение интереса к брендам корейских производителей. В конечном счёте это ведёт к повышению конкурентной способности страны на глобальных рынках и объективно сложит защите и реализации национальных интересов.

Список литературы

1. 2016–2018 한국방문의해 ‘청년 외교대사’, K 스마일로 한국을 알려요! // 한국방문위원회 = Молодёжная дипломатия в 2016–2018 гг.: поездка в РК, познайте Корею с помощью «К-смайла»! // Корейская ассоциация въездного туризма: официальный портал. URL: <https://vk.or.kr/about/vkc/> (дата обращения: 18.10.2020).
2. OECD «템플스테이» 성공적 문화관광상품 // 연합뉴스 = ОЭСР: успешность программы «Темплстей» для туристов // Рёнхап: новостной портал. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/culture/2009/11/11/0907000000AKR2009111169100005.html> (дата обращения: 12.11.2020).
3. 관광 개발정책 // 행정안전부 국가기록원 = Политика в сфере туризма // Национальный архив РК. URL: <http://theme.archives.go.kr/next/organ/organBasic-Info.do?code=OG0027452> (дата обращения: 07.04.2021).
4. 관광 반 세기 대한민국의 가치를 상승. 서울: 한국관광공사, 2012. 113 с. = Полвека туристической отрасли: улучшение имиджа РК. Сеул: Корейская туристическая организация, 2012. 113 с.
5. 고양 K-컬처밸리 테마파크·상업시설 내달 착공 // 연합뉴스 = В следующем месяце в Кояне начнётся строительство тематического парка K-Culture Valley и коммерческого комплекса // Рёнхап: новостной портал. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20180424117800061> (дата обращения: 26.10.2020).
6. 권태일. 2015 관광주간 주요성과 분석 및 정책과제. 서울: 한국관광문화연구원, 2016. 114 с. = Квон Тхэиль. Значение фестиваля «Туристическая неделя – 2015». Сеул: Корейский НИИ культуры и туризма, 2016. 114 с.
7. 김지은. 문화가 있는 날 정책의 정착요인: 석사논문. 서울, 2015. 82 с. = Ким Джиын. Политические факторы фестиваля «День культуры»: дис. ... магистра. Сеул, 2015. 82 с.
8. 내맘에 드는 한복입고 고궁으로 // 서울방문 = Наденем ханбок и во дворец! // Визит в Сеул: туристический портал. URL: https://korean.visitseoul.net/hallyu/내-맘에-드는-한복-입고-고궁으로_/15747 (дата обращения: 28.12.2020).
9. 대한민 국구석구석 / 한국관광공사 = Вся Республика Корея // Национальная организация туризма Кореи: офиц. сайт. URL: http://korean1.visitkorea.or.kr/kor/bz15/where/where_main_search.jsp?cid=126823&areaCode=1 (дата обращения: 15.11.2020).
10. 대한민국 문화체육관광부 = Министерство культуры, спорта и туризма РК: офиц. сайт. URL: <https://web.archive.org/web/20111002133030/http://www.mct.go.kr/english/index.jsp> (дата обращения: 20.01.2021).
11. 아관파천 고종의 길 걸어봤어요 // 서울특별시 = Я прошел по «Пути вана Коджона» // Особый город Сеул: туристический портал. URL: <https://opengov.seoul.go.kr/mediahub/15920028> (дата обращения: 30.11.2020).

12. 우수사례 // 한국문화관광콘텐츠개발 = Наиболее успешные культурные туристические продукты // Разработка контента культурного туризма в РК. URL: http://www.kcntc.com/renewal/sub03_02.asp?step1-3&step2-2 (дата обращения: 23.10.2020).

13. 정광민. 관광주간의 성과와 시사점 // 한국관광정책. 2016. 60 호. С. 16-25. = Чон Кванмин. Достижения и уроки фестиваля «Туристическая неделя» // Туристическая политика Южной Кореи. 2016. № 60. С. 16–25.

14. 조배행. 88 서울 올림픽의 관광에 대한 연구. 서울: 한국관광연구원, 1999. 112 с. = Чо Бэхен. Влияние Олимпийских игр 1988 г. на отечественный туризм. Сеул : Корейский НИИ туризма, 1999. 112 с.

15. 한국 의료관광 마케팅. 서울: 한국관광공사, 문화체육관광부, 2016. 94 с. = Маркетинг медицинского туризма в РК. Сеул : Нац. организация туризма Кореи, Министерство культуры, спорта и туризма РК, 2016. 94 с.

16. 한복 유행을 바라보는 서로 다른 시선 // 한국국제 문화교류진흥원 = Почему столь популярен национальный корейский костюм «ханбок» // Корейский фонд международного культурного обмена : офиц. сайт. URL: http://kofice.or.kr/b20industry/b20_industry_03_view.asp?seq=7939&page=10&find=&search=&genre= (дата обращения: 12.10.2020).

17. 행정안전부 국가기록원 // 문화체육관광부 = Каталог Национального архива РК // Министерство культуры, спорта и туризма РК : офиц. сайт. URL: <http://theme.archives.go.kr/next/organ/organBasicInfo.do?code=OG0027452> (дата обращения: 17.01.2021).

South Korean State Policy in the Scope of Entry Cultural Tourism

Igor A. Tolstokulakov, Han Jihee

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. The report determines the basic principles of South Korean national policy in the sphere of entry cultural tourism. The authors have defined the formation stages and contemporary contents of this policy, devoting the primary attention to contents of South Korean authorities' policy for stimulation of modern tourist programs and objects. Three programs had been distinguished in particular: "Templestay", "Taekwondo Roads" and medical tourism due to its great demand by foreign visitors. Such basic conceptions as "entry tourism" "cultural tourism" had been clarified according to the visions of South Korean realities. Also, the authors have described the bureaucratic accountability of South Korean touristic sphere. In the report modern positions of the cultural tourism and its promoting policies are determined among the general cultural policy of the Republic of Korea as well as cultural policy correlation with South Korean foreign and domestic state policy.

Keywords: cultural tourism; entry tourism; state policy; the Republic of Korea; cultural heritage.

Толстокулаков Игорь Анатольевич, доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета; e-mail: tia1963@rambler.ru

Tolstokulakov Igor Anatolievich, Associated Professor, Doctor of Sciences in History, PhD, Professor at the Chair of Korean Studies, Far Eastern Federal University; e-mail: tia1963@rambler.ru

Хан Чжихи, старший преподаватель кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета; e-mail: jihee.han@yandex.ru

Han Jihee, Senior Lecturer at the Chair of Korean Studies, Far Eastern Federal University; E-mail: jihee.han@yandex.ru

УДК 327

The Survival Strategy of Russia and Korea Focused on Siberia & Arctic

Han Jong-Man

Pai Chai University, Daejeon, Republic of Korea

Abstract. Siberia is a cornucopia of physical distribution via land, water, and air as well as natural and energy resources, covering a huge area equivalent to one tenth of the total land area of the world, or three-quarters of Russia's total land area. Since 2010, Russia has been strengthening New East Policy, Energy, Transport and Arctic Strategies in Siberia for balanced development of the land and a new growth area.

Currently, South Korean society has multiple obstacles. To solve these problems, South Korean society needs to pay attention to Siberia of Russia, which is geographically adjacent to and historically related with Korea. Including the Russian Arctic Circle, Siberia can be a 'land of opportunity' for the future Korean society, providing diverse suppliers of energy and resources, expansion of maritime and continental influences, expansion of life spaces, securement of overseas bases for food storage, satisfaction of global issues on environment and ecology, basis for green growth, the promotion of the inter-Korean integration, and soft landing of the North Korean economy.

In conclusion, it is considered that the future of South Korea, an island-like, resource poor nation in the 21st century, depends entirely on Siberia. In order to secure the competitiveness of the Korean economy as well as the resource, energy, and food, the government and companies will be in dire need to advance into Russia and Siberia and to strengthen human and material exchanges. The strategic partnership between South Korea and Russia has a large rhetorical significance. In order to improve the practical relationship, the FTA with Russia or the Eurasia Economic Union should be a priority goal and South Korea needs strategical investment to secure a bridgehead in the Advanced Special Economy Zone and the free port area in the Far East for embodiment of the 'New Northern' policy.

Keywords: Russia, Korea, Siberia, Arctic, Survival Strategy, Cooperation

I. Introduction

The background of our interest in Siberia coincides with the establishment of diplomatic relations between Korea and Russia (then Soviet Union) in September 1990 and expansion of Korea, which was isolated

like an island, into the North through the establishment of diplomatic relations in the Eastern Bloc during the dissolution of the Soviet Union.

Geographically, the East from the West is divided around Novaya Zemlya Island, the Ural Mountains, and the Caucasus Mountains. Siberia in a broad sense is the Asian region of Russia, which is one-tenth of the world continent and three-quarters of Russia's total area.

In general, West Siberia is from the Ob River to the Yenisei River, East Siberia is from the Yenisei to the Lena River, and the Far East is from the Lena River and the Amur River to the North Pacific and annexed islands. Siberia in the broad sense is incorporated in Urals, Siberia, and the Far Eastern Federal District of the present administrative structure of the Russian Federation. After Putin's administrative reorganization in 2000, the three federal entities of the Siberian Federal Okrug (Tyumen Oblast, Khanty-Mansi Autonomous Region, and Yamal-Nenets Autonomous Region) were incorporated into the Ural Federal Okrug. In November 2018 Republic of Buryatia and Zabaykalsky krai were incorporated into the Far Eastern Federal Okrug. As a result, the number of federal entities in the Siberian Federal Okrug has decreased to 10, and this Federal Okrug's status has weakened compared to the past.

Is the vast area of Russia's Siberian/Arctic region a benefit or a detriment to the development plan? A large 'space' has infinite potential for development and at the same time has a dilemma that requires numerous 'space overcoming costs', such as defense, logistics, and social overhead capital facilities. Despite these shortcomings, considering that most economic subjects prefer a 'big house' over a 'small house', there is no doubt that there are more benefits than harm. Most of the northern regions of Siberia/Arctic were not of high value as permafrost, but their value is increasing as the possibility of resource development and use of sea routes (NSR) increases due to global warming and the development of science and technology.

II. The Importance of Siberia and the Russian Arctic

Siberia and the Arctic are one of the few virgin lands remaining on the planet, and are a treasure trove of eight resources [2, p. 180–181].

① It is a treasure trove of energy resources (oil, natural gas, coal, hydropower, wind power, geothermal heat, nuclear power, etc.) including all mineral resources on earth. In addition, untapped fossil fuels (especially oil and gas) buried in the Arctic Ocean are thought to be mankind's last treasure.

② It is a repository of water resource. More than 10 000 rivers have developed, including the Yenisei, Lena, Ob, Amur and Irtysh rivers, which are over 4 000 km long. In particular, 50 000 lakes, including Lake

Baikal which can supply human beings with drinking water for 60 years, account for a fifth of the world's surface freshwater resources. In addition, the economic value of the ice caps, groundwater, and tundra permafrost glaciers in the southern region is thought to be infinite.

③ Hydropower potential through numerous rivers also accounts for more than 20 % of the world's hydropower potential.

④ Siberian forests, which provide oxygen in the global village, account for more than one-fifth of the world.

⑤ As a treasure trove of aquatic resources, cold-water fish in the East Sea, Sea of Okhotsk, Bering Sea, and Arctic Sea are the largest fishing grounds in the world.

⑥ Southern Siberia is a treasure trove of huge agricultural resources, including animal husbandry.

⑦ It is a repository of ecotourism resources.

⑧ It is an area with high potential for basic science and technology. Examples include the Scientific City of Novosibirsk (Akademgorodok) and its branches.

In addition, Siberia & Russian Arctic has high geo-economics value that can serve as a bridge between continents (Asia and Europe, for example TSR) or oceans (North Pacific and Atlantic oceans, for example, NSR) by land, sea, and air.

Mikhail Lomonosov, a person who recognized this potential and value, from Arkhangelsk, a founder of Moscow State University (MGU), said that “Siberia and the Arctic Ocean provide Russia a national wealth and opportunities for great powers.”

At the beginning of the 20th century, Norwegian polar explorer Fridtjof Nansen (1861–1930) called “Northern Siberia of Russia the land of the future”.

In fact, at the National Security Council in April 2014, Putin declared that “the Arctic is traditionally an area of our special interest, where practically all aspects of national security such as military, politics, economy, technology, environment, resources, etc. are concentrated” and “a place that enables a return to a great power.”

III. Development status and issues of Siberia and Arctic

But why has Russia's Siberian/Arctic development not progressed as expected so far? The reasons for the failure were geographical remoteness, harsh natural environment, reduction or suspension of subsidy from the central government due to the catastrophic economic situation that occurred in the process of system transition, increase in outflow of local residents, unilateral structure of raw material and fuel extraction industry

and military industry, huge territory, poor social overhead capital facility, and struggles for power and interests of the central government elite (between Siloviki, Oligarch, and Technocrat).

Is Russian Siberian/Arctic development possible under state control over the next 15 years? It is hard to judge whether state intervention or control is more effective than the market economy mechanism in the spatial development plan. Empirically, it seems that the space development programs of Canada or Australia, the world's second largest territorial power after Russia, are being successfully achieved through market mechanisms rather than state intervention and control.

Considering that today's Russia is a hybrid or state-led economic system rather than the Soviet-style planned economy, I think that it might learn a lesson from the failed experiences of the past Soviet Union.

As Finance Minister Witte's the state-led Trans-Siberian Railway construction project contributed to Russia's integration and economic development in the late 19th and early 20th century, Russia's current Siberian Arctic development program and strategy should be on a similar track.

The current Russian government's Siberia/Arctic development program is similar to Park Chung-hee's development dictatorship model which is the state-led strategy of building key industries and infrastructure followed by market economy developments with economic freedom of the market and the private.

The prospects for developments of Vladivostok, Khabarovsk, Irkutsk and Krasnoyarsk in the Russian East to be similar with those of Los Angeles, San Francisco and Chicago in the US are only possible from a long-term perspective. The development of the western region of the United States, especially California since the 1960s, has been successful with the film industry, the establishment of excellent universities comparable to Ivy League in the eastern United States and of the Silicon Valley, and attraction of foreign manpower (Chinatown, Koreatown, Japantown, Indiatown, etc.). Considering this, Russia's Siberia and Arctic will need not only the development of 'material social overhead capital' such as energy and logistics, but also establishment of 'immaterial social overhead capital' such as educational facilities, R&D facilities, high-tech industries, and the foreign manpower.

IV. Korea's Survival Strategy and New Northern Policy

Currently, Korean society has obstacles to the positive future developments such as high dependence on imports of energy, resources, and food; increase in logistics costs; competition in logistics hubs in North-east Asia; relatively high level of population density due to small territory; aging; welfare; polarization(by household/company/industry/region)

problems; low happiness index among OECD countries; food problems (agriculture/livestock farming/fisheries); disposal of plastic waste; yellow dust; fine/ultra-fine dust; ecological problems such as carbon dioxide reduction; and North Korea's denuclearization problem.

Korea is strongly constrained by the physical space that is necessary to solve these problems, and the geographical location of the Korean Peninsula and the confrontation between North and South Korea isolate South Korea like an 'island', so that it cannot have benefit of peninsula which is a connecting point of the continental and the maritime societies.

In order to achieve a common denominator between Russia's New Eastern Policy and Korea's New Northern Policy, President Moon Jae-in announced the '9-bridge' strategy between Korea and Russia as the vision of the New Northern Policy at the 3rd Eastern Economic Forum and Korea-Russia Summit in September 2017.

The strategy announced a step-by-step promotion first establishing a foundation for cooperation through joint research and pilot projects, clarifying short-term projects such as fisheries, tourism and agriculture, and long-term projects such as electricity, railroad, gas [3].

Considering that Russia's political and economic system is state capitalism, these projects should be approached in a win-win comprehensive way from the point of view of reciprocity as state cooperation at the highest level.

In order to revitalize large-scale projects and investments between the two countries, the Republic of Korea needs to create and regularize working-level meetings as follow-up measures to adjust details to promote bilateral cooperation for regularization and revitalization of high-level summits and inter-state committees.

To secure Korea's cooperation with Siberia, especially the investment cooperation, and to make good impression of Korean companies, it is important to retain the understanding and support of local people based on 'Corporate Social Responsibility (CSR)'. The fact that Canadian companies that have invested in the Chukotka gold mine contribute to regional development acquired additional gold mine development rights from the Russian side provides many implications.

V. Conclusion

In conclusion, it is believed that the future of Korea, which is a resource-poor country in the 21st century living like an island, depends entirely on Siberia and Arctic.

The strategic partnership between Korea and Russia has great rhetorical significance, and in order to improve the practical relationship, Korea needs to prioritize conclusion of an FTA with Russia or the 'Eurasia Eco-

conomic Union' and to make strategic investments to secure a bridgehead in the 'Advanced Special Economy Zone' and the free port region designated in the Far East and Baikal region to materialize the 'Northern' policy.

So far, Korea has no record of cooperation in the upstream of resource development in the Russian Arctic, and cooperation is only being made in the downstream sector, where oil and gas are imported from Russia. However, it is encouraging that Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering (DSME) won all orders for fifteen Arc7 LNG carriers in the Yamal LNG project.

In the competition for orders (\$4.45 billion) for fourteen transport vessels for the Arctic LNG-2 project on the Gydan Peninsula which will be completed in 2024, Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering (to be merged with Hyundai Heavy Industries) is expected to have measures to actively participate in this project, based on an ice-resistant LNG carrier construction experience, timely supply, and technological advantage.

Russia also developed nuclear icebreakers and ice-resistant tankers through modernization of the Zvezda shipyard in the Far East. However, the Zvezda shipyard located in Bolshoy Kamen, Russia's Far East coastal province, has the potential to cooperate with a Korean shipyard due to a lack of professional manpower, lack of experience in building ice-resistant ships, delay in timely delivery, possible defects, and high ship prices.

At the new northern level, the current government should not only cooperate in the upstream sector in the development of the Russian Arctic & Siberia, but also provide bold investments on various types of ships with icebreaking capabilities and equipment that Korea has comparative advantage and competitiveness, such as ice-resistant ships (LNG ships, tankers, etc.), ocean platforms, drillships, 'floating crude oil production/storage/offloading equipment (FPSO)', transshipment terminal construction, energy-saving and eco-friendly smart ships, and smart ports.

References

1. Han Jong-Man, Kim Joung-Hun, Yi Jae-Hyuk. Definition of Arctic Based on Physical and Human Geographical Division. *KMI International Journal of Maritime Affairs and Fisheries*, 2020, vol. 12, iss. 1, pp. 1-16.
2. Han Jong-man. *The development of Siberia by the hands of the Korean people*. 2009.
3. Byun Hyun-Sub. "Northern Economic Cooperation", "New growth engine of the Korean Peninsula". The Presidential Committee on Northern Economic Cooperation, the 1st Forum, Dec. 2017.
4. Хан Чжон Ман. 'Война' за ресурсные и логистические возможности в российской Арктике: нынешнее состояние и проблемы. 『한국시베리아연구』 (배재대학교 한국-시베리아센터) 제18권 1호, 2014년, pp. 1-33.

5. Хан Джонман. В поисках методов экономического Республики Корея КНДР и Российской Федерации. 『한국시베리아연구』 (배재대학교 한국-시베리아센터) 제8집, 2005년, pp. 159–189.

Стратегия выживания России и Кореи, сфокусированная на Сибири и Арктике

HAN Jong-Man

Университет Пэджэ, Тэджон, Республика Корея

Аннотация. Сибирь – это изобилие и просторы суши, воды и воздуха, а также природных и энергетических ресурсов, занимающее огромную территорию, эквивалентную одной десятой общей площади суши мира, или трем четвертям общей площади России. С 2010 г. Россия активизировала Новую восточную политику и новые энергетическую, транспортную и арктическую стратегии в Сибири для сбалансированного развития земель и создания новых точек роста.

В настоящее время южнокорейское общество сталкивается с множеством препятствий. Для решения этих проблем южнокорейскому обществу необходимо обратить внимание на российскую Сибирь, которая географически примыкает и исторически связана с Кореей. Сибирь, включая российское Заполярье, может быть «страной возможностей» для будущего корейского общества, обеспечивая разнообразные поставки энергоресурсов, расширение морского и континентального влияния, расширение жизненного пространства, обеспечение безопасности зарубежных баз для хранения продуктов питания, удовлетворение потребностей. глобальных проблем окружающей среды и экологии, основы зеленого роста, продвижения межкорейской интеграции и "мягкой посадки" для экономики Северной Кореи.

В заключение можно сказать, что будущее Южной Кореи, островной страны с бедными ресурсами в XXI в., полностью зависит от Сибири. Чтобы обеспечить конкурентоспособность корейской экономики, обеспечить её ресурсами, энергией и продуктами питания, правительству и компаниям будет крайне необходимо продвигаться в Россию и Сибирь и развивать человеческие и материальные обмены. Стратегическое партнерство между Южной Кореей и Россией имеет большое значение. Чтобы улучшить практические отношения, создание зоны свободной торговли с Россией или Евразийским экономическим союзом должно быть приоритетной целью, а Южной Корее необходимы стратегические инвестиции для обеспечения плацдарма в зоне передовой специальной экономики и зоне свободного порта на Дальнем Востоке для реализации «Новой северной политики».

Ключевые слова: Россия, Корея, Сибирь, Арктика, стратегия выживания, сотрудничество.

Han Jong-Man, Honorary Professor, Department of Russian & Central Asian Studies; Pai Chai University; e-mail: jmhan@pcu.ac.kr

Хан Джонман, почётный профессор, Кафедра исследований России и Центральной Азии; Университет Пэджэ; e-mail: jmhan@pcu.ac.kr

Вооруженные конфликты 2020–2021 гг. – новые балансы для Корейского полуострова

В. В. Хрусталеv

North-East Asian Military Studies Project, Владивосток, Россия

Аннотация. Рассмотрен период 2020–2021 гг., который ознаменован двумя вооруженными конфликтами – войной за Нагорный Карабах и обострением между Израилем и Сектором Газа. Обозначено, что оба конфликта позволили практически проверить целый ряд моделей и концепций в области современной вооруженной борьбы между противниками, обладающими большой военно-технологической асимметрией. Делается вывод, что изучение применения современного ракетного вооружения, средств разведки, подземной фортификации позволяет по-новому взглянуть на текущий баланс сил на Корейском полуострове.

Ключевые слова: КНДР, Нагорный Карабах, Сектор Газа, ракеты, подземная фортификация, баланс.

Прошедшие два вооруженных конфликта (в Закавказье и на Ближнем Востоке) позволили в условиях реальной войны проверить ряд предположений относительно баланса сил и возможного характера гипотетического вооруженного конфликта на Корейском полуострове.

Во-первых, потому, что в обоих конфликтах существовала значительная асимметрия общих военно-политических, военно-технических, военно-технологических и военно-экономических потенциалов сторон. Это были классические войны «сильный против слабого».

Во-вторых, боевые действия велись в локациях, где на протяжении длительного времени обе стороны готовились к ведению боевых действий друг против друга со времен прошлых столкновений.

В-третьих, в обоих конфликтах более слабой стороной широко использовала фортификация – «Линия Оганяна» в НКР и «Метро Газы» в Секторе Газа.

В-четвертых, армяно-азербайджанский конфликт 2020 г. позволил в миниатюре воспроизвести ряд условий ведения полноценной сухопутной войны в условиях близких к районам вдоль ДМЗ.

В-пятых, конфликт 2021 г. между Израилем и Сектором Газа позволил проверить в практических условиях ряд моделей относительно перспектив полномасштабного применения реактивной ар-

тиллерии и оперативно-тактических ракет против крупных населенных центров в условиях плотного прикрытия средствами перехвата.

В-шестых, это конфликты эпохи массового применения не только высокоточного оружия, но и беспилотной авиации, в том числе и более слабой стороной.

Какие из этого можно извлечь уроки?

Во-первых, колоссальный разрыв в военных расходах еще не гарантирует заведомого бессилия более слабой стороны и легкой, политически-комфортной победы у стороны сильной. Слабая сторона, правильно расставляя приоритеты и современно корректируя военное строительство, способна в значительной степени нейтрализовать превосходство оппонента.

Во-вторых, большие объемы выполненных фортификационных сами по себе ничего и никому не гарантируют. Необходимы высокая плотность, избыточность, и адаптация тактики ее применения к современным условиям (современные средства наблюдения и разведки, высокоточные средства поражения, существующее время реакции и т. д.). И тогда происходит нелинейный переход от «почти бесполезной» к «почти всесильной» обороне.

В-третьих, если в 1990-х и 2000-х гг. отсутствие достаточного количества высокоточных средств поражения можно было как-то компенсировать «числом стволов на километр фронта» и разными асимметричными ходами, то это уже не работает. Собственно, успешные работы КНДР в 2010-х гг. по повышению точности тактических и оперативно-тактических ракет, разработке дронов-камикадзе, многоцелевых управляемых ракет применяемых вне зоны прямой видимости с управлением по кабелю – указывают на то, что в Пхеньяне осознают проблему.

В-четвертых, более слабой стороне не имеет смысла ограничивать размах своих действий, особенно на начальном этапе. Наоборот. Чем жестче и масштабнее активность – тем быстрее даже более сильный будет мотивирован завершить конфликт. Потому для КНДР логична скорее непропорциональная реакция, нежели пропорциональная, в случае атаки.

В-пятых, ход конфликта в Нагорном Карабахе показал, что многие решения северокорейских конструкторов 1980–2000-х гг. по части массового использования боевых бронированных машин оснащенных блоками РСЗО или пулеметными блоками были в целом оптимальным решением для сильно пересеченной местности при отсутствии массового недорого высокоточного оружия. Отсутствие

массово подобных несложных машин у армянской стороны сыграло важную роль в ряде поражений.

В-шестых, даже без применения ядерного оружия у КНДР до 2030 г. будут в наличии различные возможности обеспечить Южной Корее крайне разрушительный формат даже ограниченной войны вдоль ДМЗ, несмотря на явное превосходство оппонента в современной материальной базе ведения войны. Даже при колоссальной плотности дорогостоящих средств обороны более сильной стороны в современных условиях удастся отражать лишь относительно слабые атаки дальнобойных средств поражения. И уничтожить их пусковые платформы в первые же часы конфликта пока не удастся даже в полигонных условиях очень небольшого Сектора Газа. В случае с ДМЗ сложность задачи вырастает на несколько порядков.

Armed Conflicts of 2020–2021 – New Balances for Korean Peninsula

Vladimir V. Khrustalev

North-East Asian Military Studies Project, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. 2020–2021 years were marked by two armed conflicts – war for Nagorno-Karabakh and conflict between Israel and Gaza Strip. Both conflicts allowed to check practically a row of models and concepts in the field of modern armed struggle between opponents who have significant military-technological asymmetry. Research of applying the modern missiles, reconnaissance equipment, underground fortification and etc. shows many interesting features for the balance on the Korean peninsula.

Keywords: DPRK, Nagorno-Karabakh, Gaza Strip, missiles, underground fortification, balance.

Хрусталеv Владимир Владимирович, эксперт; North-East Asian Military Studies Project; e-mail: Hrustalev.Vlad@yandex.ru

Khrustalev Vladimir Vladimirovich, expert; North-East Asian Military Studies Project; e-mail: Hrustalev.Vlad@yandex.ru

Секция 2

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

УДК 322

Деятельность южнокорейских маргинальных религиозных движений на территории РФ

К. В. Асмолов

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия

Аннотация. Проводится анализ деятельности южнокорейских маргинальных религиозных сект в конце XX – начале XXI в. Отмечается, что работая с аудиторией из числа российских корейцев, некоторые секты пытались превратить свою паству в аналог лоббистских структур, способных усиливать политическое влияние Сеула. Также имели место попытки использования подобных сект для ведения шпионской деятельности.

По мнению автора, подобная активность наносит существенный вред отношениям двух стран и, несмотря на улучшение ситуации в данном направлении в последние годы, во избежание нежелательного развития событий Российской Федерация и Республика Корея должны уделять этому вопросу большее внимание.

Ключевые слова: «Хвандан коги», церковь «Благодать», церковь Good News Mission, деструктивные секты, шпионаж.

Материалы, касающиеся противоправной деятельности южнокорейских сект на территории Российской Федерации, обычно касаются Церкви Объединения преподобного Муна, но помимо неё на территории РФ активно действовали и действуют иные движения, признаваемые властями страны деструктивными сектами.

При этом следует отметить, что поскольку статус пастора позволяет «совмещать религию и работу», в целом ряде историй южнокорейские проповедники фигурировали как бизнесмены или правозащитники, а их членство в соответствующих конгрегациях не упоминалось.

Еще в 1990-е отмечалось, что «пасторы» из числа граждан США и Кореи активно занимались разведывательной деятельностью и вовлечением россиян в секты, в том числе с применением наркотиков.

Так, «сектоборец» отец Олег Стеняев упоминал участие сект в коммерческих предприятиях на Сахалине, скупку ими земли, и, более того, факты вывоза сектантами в Южную Корею стратегического сырья или сообщения о причастности пасторов данных сект к сбору информации о деятельности военных заводов и военных баз[5].

Работая с аудиторией из числа российских корейцев, секты пытались превратить свою паству в аналог лоббистских структур, способных усиливать политическое влияние Сеула. Лоббировались самые разные проекты вплоть до создания на Дальнем Востоке РФ автономной области или района с преимущественно корейским населением. Однако гражданская самоидентификация российских корейцев преобладала над этнической, и потому переориентировать их лояльность так, чтобы Россия воспринималась ими только как «страна пребывания», не вышло.

Особенную активность такого рода проявляла секта «Благодать», Стеняев отмечал, что её представители доказывали аудитории, что «Россия – спившаяся страна, где от президента до последнего безработного все злоупотребляют алкоголем» [5], однако именно эта конгрегация официально попалась на вербовке с применением психотропных препаратов. В 2010 г. трое хабаровчан обвинили секту в том, что её практики нанесли вред их психическому здоровью: на трехдневном «семинаре» их подвергали психологической обработке с участием наркотиков и чуть не свели с ума: такое заключение дали психиатры[6].

В феврале 2011 г. ещё двое бывших прихожан церкви вскрыли творившиеся в ней финансовые махинации, и в итоге «Благодать» обвиняли в обмане верующих, даче взятки, уклонении от налогообложения, а также хранении сильнодействующих психотропных веществ и шпионаже[7].

Секта была весьма влиятельна, процесс затянулся, но благодаря общественному вниманию 27 апреля 2011 г. Хабаровский краевой суд закрыл церковь «Благодать» с формулировкой «за многочисленные нарушения российского федерального законодательства» [8]. Утверждается, что от деятельности секты в городе пострадали более 15 тыс. человек.

С 1992 г. в России действует секта Гуд Ньюз (Good News Mission / «Благая Весть») под руководством пастора Пак Ок Су. Как и известная «Секта Спасения», Гуд Ньюз проповедует тезис, что вступившие в неё автоматически спасены и не нуждаются в дальнейшем покаянии[11]. Акцент в толковании библейских текстов делается на грехах прихожан, которыми они наделены с рождения, а необходи-

мость их искупления заключена в регулярном чтении молитв и «поддержании Божьей работы финансами»[4]. Политическая пропаганда, сотрудничество с криминальными элементами[3] и использование определенных психотехник также прилагается.

С 2001 г. для усиления миссионерской деятельности среди российской молодёжи Пак создал т. н. International Youth Fellowship. Сектанты именовали себя евангельскими христианами или маскировались под курсы корейского языка или тренинги личностного роста, а равно – эксплуатировали интерес молодежи к корейской волне. В итоге в 2018 г. в сети появилась серия материалов, разоблачающих нелегальную миссионерскую деятельность International Youth Fellowship, после чего как минимум в Удмуртии деятельность секты была остановлена, а миссионеры выдворены за пределы РФ.

К деятельности сектантов имела отношение и попытка покушения на Ким Чен Ына в 2015 г.[1] В июне 2014 г. главный фигурант дела Ким Сон Иль был завербован, когда был рабочим лесозаготовительного предприятия в Хабаровском крае[10], а контакт произошёл при помощи протестантского пастора и директора СННК (Гражданской коалиции за права похищенных и северокорейских беженцев) До Хи Юна, хорошо известного своей активностью на постсоветском пространстве. До познакомился с Кимом по интернету, и сумел сблизиться с Кимом, подкупая его деньгами и вещами.

В середине сентября 2014 г. по наводке До Хи Юна Ким Сон Иль встретился с Сергеем Кимом, живущим в северной части Хабаровска, и получил от него планшет, при помощи которого начал слушать антипхеньянскую пропаганду и стал напрямую общаться с До и его покровителями. Дальнейший инструктаж и снабжение шпионской техникой проходили на территории Хабаровска при участии граждан РФ. В середине августа 2015 г. Ким Сон Иль встречался в Амурском парке Хабаровска с неким Ханом, который представился региональным руководителем разведки РК и обсуждал с ним детали покушения.

По сведениям из неофициальных источников указанные граждане были членами протестантских сект, да и контакт Кима и До прошёл по их наводке – как иначе северокорейский рабочий мог найти в Сети южнокорейского правозащитника?

Это не единственная история такого рода – с 2012 г. автору известно о серии попыток вербовки российских корейцев для подрывной деятельности в КНДР под фальшивым флагом «христианского сопротивления». Как правило, сектанты искали лиц, отслуживших в спецвойсках, и предлагали им «за идею» совершать террористические действия. Правда, ни одна из попыток не увенчалась успехом.

Помимо протестантов, на российской территории пытались укрепиться представители *чынсандо*, позиционировавшие себя как созданное в 2014 г. «Международное научное общество истории и культуры Хвандан», которое 20 февраля 2016 г. провело в Москве смесь научной конференции по «Хвандан коги» с религиозным действием во главе с патриархом секты Ан Гён Чжоном, однако российские учёные дали отпор столь одиозному искажению истории [9].

Ан Гён Чжона представили как переводчика «Хвандан коги» на русский язык, однако в процессе лекции (вместо полутора часов он говорил три) патриарх решил поведать слушателям «истинную историю России» (оказывается, российское *родноверие* происходит от корейского *сингё*, о чем говорят символика креста и троицы, а викинги – «кочевники-скотоводы предположительно азиатского происхождения») и закономерно ушёл в дебри *чынсандосской* теологии, включая декламацию мантр, которые подхватывали рассаженные в зале адепты секты.

После неудачи в Москве сектанты попытались проникнуть в ряд иных регионов, в частности в Якутию, но и там их попытки закрепиться не удалось. Похожую стратегию мимикрии под учёных использует и Церковь Объединения, действующая от имени «Федерации за всеобщий мир».

Распространено представление, что в 2008–2016 гг. деятельность сектантов проходила при негласном потворстве властей РК. Напомним, как при Ли Мён Баке обогатились его соратники по протестантскому приходу, а к окормлению *чынсандо* имела отношение сестра Пак Кын Хе Пак Кын Нён.

С правлением Мун Чжэ Ина деятельность сектантов пошла на убыль: вспоминается только скандал, связанный с попыткой «Генеральной Ассамблеи Церкви Бога» вести незаконную миссионерскую деятельность в Челябинске [2]. Предложения послушать лекции и участвовать в богослужениях поступали в ходе уличных опросов или переговоров по телефону, листовки с информацией о «Церкви бога» распространялись возле челябинских вузов. В итоге гражданское общество обратило внимание на такую активность, и гражданка Южной Кореи была оштрафована на 30 тыс. руб. за незаконные проповеди.

По мнению автора, подобная активность наносит существенный вред отношениям двух стран и, несмотря на определенный спад в последние годы, во избежание нежелательного развития событий Российская Федерация и Республика Корея должны уделять этому вопросу большее внимание. И хотя в случае каждой конгрегации зёрна надо отделять от плевел, деструктивные секты РК автор счита-

ет серьезной угрозой, в том числе с точки зрения их влияния на региональную стабильность – вероятность того, что их адепты могут спровоцировать межкорейский конфликт, не является нулевой.

Список литературы

1. Асмолов К. В. К попытке покушения на Ким Чен // Новое восточное обозрение. 18.07.2017. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/07/18/k-poryu-tke-pokusheniya-na-kim-chen-y-na/> (дата обращения: 17.05.2021)
2. В Челябинске корреспондента «МК» едва не завербовали в южнокорейскую секту // МК. 07.02.2017. URL: <https://chel.mk.ru/articles/2017/02/07/v-chelyabinske-korrespondenta-mk-edva-ne-zaverbovali-v-yuzhnokoreyskiyu-sektu.html> (дата обращения: 17.05.2021)
3. Максим Яковлев, дети и секта Good News Mission // The Yakovlev Papers : сайт. URL: <http://maximyakovlevrussia.net/46-maksim-yakovlev-deti-i-sekta-good-news-mission/> (дата обращения: 17.05.2021)
4. Миссия по-корейски. 16 Ноября 2018 г. // Воткинский район. Удмуртская Республика : сайт. URL: <https://votray.ru/about/news/2/30245/> (дата обращения: 17.05.2021).
5. Рапорт руководителя Центра реабилитации жертв нетрадиционных религий священника О. Стеняева Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II о результатах миссионерской поездки на о. Сахалин с 3 по 10 декабря 1996 г.
6. Скойбеда У. В Хабаровске запретили церковь «Благодать» // Комсомольская правда. 27.04.2011. URL: <http://www.kp.ru/daily/25676/836499/> (дата обращения: 17.05.2021).
7. Скойбеда У. Южнокорейские сектанты зомбируют россиян // Vlasti.net. 16.09.2010. URL: <http://vlasti.net/news/102775> (дата обращения: 17.05.2021).
8. Тоталитарная секта «Церковь «Благодать» // Храм Рождества Пресвятой Богородицы. URL: <http://hram-rpb.cerkov.ru/chto-predstavlyaet-iz-sebya-sekta-cerkov-blagodat/> (дата обращения: 17.05.2021)
9. Хвандан Гоги, магоги и, возможно, даже гиви – 25.03.16 // Центр религиозно-исследовательских исследований во имя священномученика Ирины Лионского : сайт. URL: <https://iriney.ru/okkultnyie/neoazychniki/novosti-o-neoazychnikah/xvandan-gogi,-magogi-i,-vozmozhno,-dazhe-givi.html> (дата обращения: 17.05.2021)
10. ЦРУ за \$20 000 завербовало в России корейца для покушения на Ким Чен Ына. 13 мая 2017 г., ИА «Амител» // АМИС : сайт. URL: <https://www.amic.ru/news/386901/> (дата обращения: 17.05.2021)
11. Что представляет из себя церковь Благодать // Good News – all the truth / Учение Ок Су Пака // IYF: авторский блог. URL: http://goodnewscritic.blogspot.com/2012/08/blog-post_15.html (дата обращения: 17.05.2021)

Activities of South Korean Marginal Religious Movements on the Territory of the Russian Federation

Konstantin V. Asmolv

Institute of Far Eastern Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. In addition to the Unification Church of Reverend Moon, there are other South Korean congregations on the territory of the Russian Federation that are

recognized as destructive sects in terms of dogmas and methods. Back in the 90s, the "pastors" were actively engaged in intelligence activities and the involvement of Russians in sects with the use of drugs. A special activity of this kind was shown by the sect "Grace", which was founded on April 27, 2011. The Khabarovsk Regional court closed "for numerous violations of Russian federal law", and the sect Good News Mission, officially expelled from Udmurtia in 2018.

The attempt to assassinate Kim Jong – un in 2015 was also related to the activities of sectarians-the main person involved in the case was recruited in the Khabarovsk Territory, and his training and supply of spy equipment took place with the participation of Russian citizens who worked for the South Korean special services. In addition, the author is aware of attempts to recruit Russian Koreans for subversive activities in the DPRK under the false flag of the "Christian resistance".

In addition to the Protestants, representatives of Chynsando, who positioned themselves as the "International Scientific Society of the History and Culture of Hwandan", tried to strengthen themselves on the Russian territory.

With the rule of Moon Jae-in, the activities of sectarians have declined, but in order to avoid undesirable developments, our countries should pay more attention to this issue.

Keywords: "Hwangdan gogi", "Grace" Church, Good News Mission Church, destructive sects, espionage.

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН; e-mail: asmolov@ifes-ras.ru

ORCID ID: 0000-0003-1584-2748

Asmolov Konstantin Valerianovich, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Korean Studies Center, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS); e-mail: asmolov@ifes-ras.ru

ORCID ID: 0000-0003-1584-2748

Endangered Turkic Languages of the Minorities in Russian Arctic Circle: Focusing on Dolgan and Yakut Languages

Seo Seunghyun

Dongduk Women's University, Seoul, Republic of Korea

Abstract. The article examines the degrees of endangerment of Dolgan and Yakut languages based on the UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger, UNESCO Red Book on Endangered Languages and Vachtin (Вахтин)'s 'Language life of minority languages in the Russian Altai regions'.

According to the analysis of Dolgan and Yakut data, there is always the possibility that these minority languages fall into the 'language of extinction crisis', and if the active and practical measures for conservation and restoration of these languages are not taken, the languages will gradually fall into the path of extinction. Then, most of the other Turkic minority languages share a serious problem in that they are similar to or worse than the situation of the Bashkir or Chulym (Tatar).

As a measure to preserve the minority languages of the Arctic Circle, the article urges that the Russian government and other related administrative agencies should urgently develop appropriate language policy and language education programs by encouraging public attention and awareness of the issue. We must bear in mind that intangible human heritages, such as language, are irrevocable once they are lost.

Keywords: endangered, Turkic languages, Russian Arctic Circle, Dolgan language, Yakut language, preservation.

I. Introduction

In the global economic era, the importance of the Arctic Circle has been highlighted. The Arctic Circle regions are resource-rich areas and are becoming a political and economic emerging power in the international arena that is being restructured in the 21st century. However, one of the cultural crises faced by ethnic minorities living in this region is the gradually disappearing local languages. Despite the fact that it is not necessary to explain how important it is for peoples to keep their own languages to maintain their identities, it is a meaningful attempt to suggest ways to preserve these languages, as the ethnic languages are at stake due to indifference to minorities and national language preference policies by Russian governments. The study of the language situation of the region and the preservation measures is not limited to the study of language but can be main basic data for understanding the politics, economy, society and culture of the region since a language is a container for social phenomena. Thus, the research of critical situations of minority languages provides a very useful framework for understanding the Arctic Circle.

However, understanding the situation of all ethnic minority languages living in the region and analyzing data showing the degree of crisis require in general a long period of time and a large number of specialized research personnel. Therefore, I set the scope of the study as Dolgan and Yakut languages, the Turkic languages in Arctic Circle. The Turkic languages are a language family of at least 35 documented languages, spoken by the Turkic peoples of Eurasia from Southern Europe, Eastern Europe, Central Asia, Western Asia, North Asia (particularly in Siberia), and East Asia. The Turkic languages originated in a region of East Asia spanning Western China to Mongolia, where Proto-Turkic is thought to have been spoken, from where they expanded to Central Asia and farther west during the first millennium.

The Sakha Republic in Northeastern Siberia which is the representative Turkic region of Russia is rich in forest resources such as wood as well as underground resources such as oil, diamond, iron and aluminum. In particular, Russia is one of the countries with a compatible industrial structure with S. Korea. The main income source of the Russian economy is underground resources. As S. Korea is a resource-poor country, it depends on the export of industrial products to the national economy. At present, industrial products made in S. Korea such as IT related goods, automobiles and electronic products are the most popular items in Russia. In this way, S. Korea and Russia have mutually beneficial and compensatory relations. The relationship between S. Korea and Russia's Arctic region, in this sense, will become even more important in the energy era of the 21st century. The Chinese and Japanese advances in the Arctic region are proceeding very steadily. Although S. Korea is a little late, it needs to secure a bridgehead to enter this area.

II. The Need to Preserve Ethnic Minority Languages

Why do we have to preserve these languages currently in crisis? What does extinction of language have to do with our lives? Over the past two hundred years, the process of language extinction has been accelerating, and the extinction of language has become a very serious problem for human like the threat of extinction of species in ecosystem. The decrease of diversity of species in general is a sign of the ecosystem crisis. The survival of life to ensure stability is possible only when species diversity is guaranteed. The species diversity is an essential factor in the sustainability and inheritance of biological ecology. In this respect, biological diversity is like a natural resource that cannot be replaced. Likewise, the extinction of linguistic diversity is a disaster for the intellectual civilization of mankind and a signal for the upcoming misfortune. The reduction of the linguistic diversity implies that the potential intellectual base that we may someday draw becomes low, which in turn can lead to a crisis that human adaptability to environment is significantly reduced.

Sengupta [3, p. 17] emphasizes that language is crucial to human basic mental activities such as thinking, understanding, and even dreaming. Arguments for preserving linguistic diversity in terms of protecting and activating languages and providing linguistic rights can be categorized into three broad streams; identity-based, fairness-based, and diversity-based arguments. Reaume [1] also asserts that linguistic diversity is an essential element of the human heritage that embodies the unique cultural and historical wisdom of human. Losing a language is an irreversible loss to all mankind [1, p. 250]. Thus, the languages of ethnic minorities are the temple of their souls built by the peoples as well as the works of mankind. Therefore, the endangered situations of Dolgan and Yakut languages already in the process of extinction could become a factor for crisis of intellectual inheritance.

III. Classification of Language Life and Its Degrees & Criteria

Currently there are over 6900 languages on the planet. However, many of these languages are rapidly dying out. If the language loss continues at this rate, there will be only about 600 languages (about 10 %) left in the world after 100 years. Not long after that, mankind could reach the situation before the Babel Tower. It was in the early 1990s that the scholars began to pay attention to the endangered languages. In 1991, the American Linguistic Society focused on languages in crisis at the 65th Annual Conference, and "Linguistics fulfilling the duty" directly related to human life was emphasized in *Language* (1992, Vol. 68, N 1), which contained the results of the discussions. The study of the languages in crisis was regarded as an axis of linguistics which fulfills its duty. The preservation of the endangered languages was perceived as a way to preserve the traditional and non-material cultural heritages of the world. It was advocated that cultural diversity is ensured, most of all, by linguistic diversity. The European Union adopted the European Charter on 'local languages and ethnic minorities' in 1992 and under this charter all EU member states have the obligation to guarantee the linguistic rights to minorities.

In this context, the article aims to provide information of languages in crisis based on the data of the language life by UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger¹, UNESCO Red Book on Endangered Languages² and Vachtin (Вахтин)'s 'Language life of minority languages in the Russian Altai regions' [7, p. 161–162]. Specifically, I want to raise awareness of critical conditions of Dolgan language in the Arctic Circle by presenting the data. The above three classifications of language life define the degrees of endangerment and its criteria as follows.

¹ <http://www.unesco.org/languages-atlas/>

² http://www.helsinki.fi/~tasalmin/nasia_report.html

VI. How Seriously Are Dolgan and Yakut Languages in Endanger?

I will examine the degrees of endangerment of Dolgan and Yakut languages based on the UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger, UNESCO Red Book on Endangered Languages and Vachtin (Вахтин)'s 'Language life of minority languages in the Russian Altai regions'¹. Actually Vachtin (Вахтин)'s 'Language life of minority languages deals with only 3 Turkic languages of Siberian regions (Dolgan, Shor and Chulym (Tatar)).

Table

Language Life Classification

(Grade 1 indicates the safest languages and Grade 7 means the most endangered ones.)

	UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger	UNESCO Red Book on Endangered Languages	Vachtin's 'Language life of minority languages in the Russian Altai regions'
Grade 1	Safe: Language is spoken by all generations; intergenerational transmission is uninterrupted	Not endangered languages with safe transmission of language to new generations	All adults can freely speak their ethnic language and most of them speak Russian
Grade 2	Vulnerable: Most children speak the language, but it may be restricted to certain domains (e.g., home)	Potentially endangered languages with a large number of children speakers but without an official or prestigious status	Most middle-aged and elderly people can speak their ethnic language freely, but young people understand the ethnic language, but rarely use it. All speak Russian
Grade 3	Definitely endangered: Children no longer learn the language as mother tongue in home	Endangered languages with some children speakers at least in part of their range but decreasingly so	Middle-aged and elderly people use the ethnic language, but middle-aged people use the ethnic language less than elderly people. Adolescents and young adults do not actually speak the ethnic language. All of them can speak Russian
	UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger	UNESCO Red Book on Endangered Languages	Vachtin's 'Language life of minority languages in the Russian Altai regions'

¹ For convenience's sake I will hereupon abbreviate UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger to UNESCO Atlas, UNESCO Red Book on Endangered Languages to UNESCO Red Book, and Vachtin (Вахтин)'s 'Language life of minority languages in the Russian Altai regions' to Vachtin.

Grade 4	Severely endangered; Language is spoken by grandparents and older generations. While the parent generation may understand it, they do not speak it to children or among themselves	Seriously endangered languages with a more substantial number of speakers but practically without children among them	Elderly people communicate in an ethnic language, but middle-aged people can only understand it without speaking the ethnic language. Adolescents and young adults do not actually speak the ethnic language
Grade 5	Critically endangered: The youngest speakers are grandparents and older, and they speak the language partially and infrequently	Nearly extinct languages with maximally tens of speakers, all elderly	Only the elderly can communicate in the ethnic language. Only a few middle-aged people can understand simple ethnic languages. Everyone can speak Russian
Grade 6	Extinct: There are no speakers left	Possibly extinct languages without reliable information of remaining speakers	All ages use Russian and only a few elderly people are able to communicate in the ethnic language
Grade 7		Extinct languages other than ancient ones	

1) Dolgan

UNESCO Atlas classifies Dolgan as a definitely endangered language which belongs to Grade 3. The number of speakers is 4 865 according to the 2002 census. The speakers settle in Dudinka and Khatanga counties in former Taymyr (Dolgan and Nenets) Autonomous District, and Anabar County in the Sakha Republic.

According to UNESCO Red Book, Dolgan is classified as a potentially endangered language which belongs to Grade 3. The present state of the language in detail is as follows:

(a) Children speakers: It seems that a fair proportion of children are still learning the language, though Russian is also learned at an early age as a second language.

(b) Total number of the speakers is approx. 5 600.

(c) Degree of speakers' competence: The speakers are apparently fluent, though with interference from Russian. Generally, Dolgan has undergone more Russian influence than Yakut has done. Dolgan also has a position as the lingua franca of Aboriginal Taymyr, and some knowledge of

it is not uncommon among speakers of neighboring languages, notably Nganasan.

(d) Dolgan is also exceptionally vigorous among the languages of the so-called "Peoples of the Far North" in Russia. Nevertheless, in view of the small number of speakers as well as the demographical and ecological problems of the Taimyr region, it can hardly be considered safe.

Meanwhile, Vachtin also classifies Dolgan as Grade 2 which implies that i) most middle-aged and elderly people can speak their native language freely, however young people understand the native language, but rarely use it; ii) all speak Russian. Then, Vachtin states that the number of speakers is estimated as 6 548.

2) Yakut

In the case of Yakut, according to the 2002 census, the number of language users is 456 288. The language may look stable and optimistic considering the number of speakers. However, UNESCO Atlas classifies Yakut as Grade 2 and Unesco Red Book does it as Grade 2, which generally regards it as an unstable language with potential danger. Yakut is spoken in northeastern Siberia, mainly in the Sakha Autonomous Republic within the Russian Federation, which is extremely large (more than 3 million square km) and has a very low population density. The republic has one million inhabitants of whom one-third are Yakuts. Yakut is also used as a second language by speakers of the Tungusic languages Evenki and Even as well as by Yukaghir speakers (an isolate).

If effective language preservation measures are not implemented, in fact linguists expect that even the minority languages of Grade 2 such as Yakut language will be extinct within a few decades. Therefore, there is always the possibility that these minority languages fall into the 'language of extinction crisis', and if the active and practical measures for conservation and restoration of these languages are not taken, the languages will gradually fall into the path of extinction. Then, most of the other Turkic minority languages share a serious problem in that they are similar to or worse than the situation of the Bashkir or Chulyum (Tatar).

The risk factors of minority ethnic languages, which are strategically important to us, include Russian language empowerment policy, a selective ethnic language education policy, an overwhelming proportion of Russians, an increase in the number of ethnic minority language users migrating to cities in search of the convenience of living, an increase in the number of Russian users in the family, and changes in lifestyle due to the threat of life caused by the development of the Arctic Circle.

V. Conclusion

In the past, the language policy of the Soviet Union showed a dual and conflicting character between the guarantee of equal rights of the ethnic languages and the Russian assimilation policy. The ethnic language revival policy represented by the Russian Revolution in 1917 was based on Lenin's equalitarianism on the basis of socialism, but then the language policy of Soviet Union was changed into Russian assimilation policy through Stalin, Khrushchev and Brezhnev. In the end the policy was transformed into Pan-Russianism that puts Russia at the center of every policy, distinguishing the center from the periphery.

Thus, the dual and contradictory attitudes of the Soviet language policy are inherited to the language policy of the Russian Federation, post-Soviet period. On the surface, political leaders of the Russian Federation have guaranteed the use and education of the ethnic languages of the peoples of the Russian Federation, while at the same time they have compelled the use of Russian as a single official language. As a result, Russian is becoming increasingly imperative in many areas and becomes a tool for suppressing the languages of ethnic minorities.

However, the article aims at helping to maintain linguistic diversity by analyzing the Turkic linguistic situations of ethnic minorities in the Arctic Circle. In fact, the most important aspect of the diversity is the fact that language implements the intellectual richness of those who use it. The language and the intellectual products produced by those who use it cannot be considered separately. Verse, lyrics, poetry and etc. are heavily dependent on the morphological, phonetic, and syntactic characteristics of the language they are using. In this sense, art cannot exist without language. Although the level of dependence is not as strong as that of the former, intellectual traditions become the part of people's linguistic ethnography and are in fact difficult to separate from languages. More importantly, losing someone's linguistic heritage implies losing the knowledge, beliefs, and values that the language interprets and communicates [6].

Therefore, the academic value of the article is to urge to document the languages in crisis, to preserve the languages in grammar books, dictionaries and textbooks by documenting them and to enhance the linguistic diversity as an important component in human life. In addition, as a measure to preserve the minority languages of the Arctic Circle, the Russian government and other related administrative agencies should urgently develop appropriate language policy and language education programs by encouraging public attention and awareness of the issue. We must bear in mind that intangible human heritages, such as language, are irrevocable once they are lost.

Список литературы

1. Reaume, Denise. Official Language Rights: Intrinsic Value and the Protection of Difference. Will Kymlicka, Wayne Norman (eds.). Citizenship in Diverse Societies. Oxford University Press, 2000.
2. Red Book on Endangered Languages: Northeast Asia. URL: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/nasia_report.html
3. Sengupta P. Endangered Languages: Some Concerns // Economic and Political Weekly. 2009. Vol. 44. N 32.
4. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/>
5. Yakut. An insatiable appetite for ancient and modern tongues. URL: <http://www.languagesgulper.com/eng/Yakut.html>
6. Zent, S. Acculturation and Ethnobotanical Knowledge Loss among the Piaroa of Venezuela: Demonstration of a Quantitative Method for the Empirical Study of TEK Change // On Biocultural Diversity: Linking Language, Knowledge and the Environment / L. Maffi (ed.). Washington, DC, Smithsonian Institution Press, 2001.
7. Вахтин Н. Б. Язык народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001.

Endangered Turkic Languages of the Minorities in Russian Arctic Circle: Focusing on Dolgan and Yakut Languages

Со Сынхён

Женский университет Тондук, Сеул, Республика Корея

Аннотация. Исследуются степени опасности долганского и якутского языков на основе Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения ЮНЕСКО, Красной книги ЮНЕСКО по исчезающим языкам и «Языковой жизни языков меньшинств в регионах Русского Алтая». Согласно анализу данных по долганскому и якутскому языкам, всегда существует вероятность того, что эти языки меньшинств попадут в категорию «исчезающих языков», и если не будут приняты активные и практические меры по сохранению и восстановлению этих языков. Схожие проблемы имеются и у других тюркских языков, например, башкирского и чулымского. В качестве меры по сохранению языков меньшинств за Полярным кругом в статье содержится призыв к российскому правительству и другим соответствующим административным органам в срочном порядке разработать соответствующую языковую политику и программы языкового образования, привлекая внимание общественности к этой проблеме и повышая ее осведомленность. Мы должны помнить, что нематериальное человеческое наследие, такое как язык, является безвозвратным после его утраты.

Ключевые слова: языки находящиеся под угрозой исчезновения, тюркские языки, российское Заполярье, долганский язык, якутский язык, сохранение языков.

Seo Seunghyun, Ph. D., Professor; Dongduk Women's University; e-mail: seoseung5@hanmail.net

Со Сынхён, Ph. D., профессор; Женский университет Тондук; e-mail: seoseung5@hanmail.net

Сравнительный аспект государственной молодежной политики в России и Республике Корея: законы, принципы, приоритеты

И. В. Цой, П. И. Зайнуллина

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Дана краткая историческая справка и представлены основные направления, приоритеты и цели молодежной политики в России и Республике Корея. В сравнительном аспекте рассмотрены переходные процессы и особенности государственной молодежной политики, а также основные положения, изложенные в основных законодательных актах.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, ГМП, законы, государственная политика.

Государственная молодежная политика (ГМП) является обязательной составляющей социальной политики в силу своей стратегической направленности. Так, и в России, и в Республике Корея этому вопросу уделяется большое внимание как на высшем уровне государственного управления, так и локально. Именно молодежь является той группой, от реализации которой будут зависеть благосостояние страны и уровень социальной стабильности в долгосрочной перспективе.

Е. В. Андрюшина одним из наиболее значимых факторов развития ГМП в России выделяет негативные демографические тенденции [1, с. 270], приводя следующую статистику: по некоторым прогнозам, к 2025 г. молодое население в России составит лишь 25 млн человек, в сравнении, например, с 35,2 млн в 1995 г., 39,5 млн – в 2005 г. [5]. Информация, опубликованная на сайте Федерального агентства по делам молодежи, демонстрирует, что на 1 января 2020 г. доля молодежи в общей численности населения России составляет 18,65 % (27,3 млн человек), в то время как в 2013 г. эта доля составляла 23,9 % (34,2 млн человек) [6].

В Республике Корея демографическая ситуация одна из самых проблемных и вызывает тревогу среди корейских специалистов. Второй год подряд уровень рождаемости в РК – самый низкий в мире. С гласно отчету о численности населения мира (по состоянию на 14 апреля 2021 г.), опубликованному Фондом Организации Объединенных Наций в области народонаселения (UNFPA), общий коэффициент фертильности в РК составил 1,1, как и в 2020 г.; таким обра-

зом, Республика Корея заняла последнее – 198-е место из 198 стран [10]. Общий коэффициент рождаемости в РК, которая в 2019 г. занимала 192-е место (1,3 ребенка), в прошлом году впервые рухнул после двухлетнего падения. По состоянию на май 2020 г. численность молодежи в РК составила 8 млн 934 тыс. человек, что на 139 тыс. (-1,5 %) меньше, чем за тот же месяц предыдущего года [11].

Необходимо отметить, что в России существует большое количество ведомственных актов, распоряжений Правительства, постановлений палат Федерального Собрания РФ и субъектов, подзаконных актов, касающихся молодежной политики, в данной работе рассмотрены два основных правовых документа: Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. и Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. «Об основах государственной молодежной политики до 2025 года». Сразу обратимся к возрастной рамке, в которую государство вписывает понятие «молодежь». Так, «Основы» определяют молодежь как социально-демографическую группу в возрасте от 14 до 30 лет, оговаривая, что ряде случаев, в эти рамки могут входить и граждане РФ в возрасте «до 35 и более лет» [3]. ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» включает в понятие молодежи «лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно» [7].

В Республике Корея молодежная политика регулируется двумя основными законами: Основным законом о молодежи (возрастная группа от 9 до 24 лет) от 20 ноября 2020 г. [12] и Рамочным законом о молодежи (возрастная группа от 19 до 34 лет) от 5 августа 2020 г. [13]. Нормативно-правовая база этих двух Законов разрабатывается с учетом содержания ежегодного Базового плана детской и молодежной политики, который рождается в недрах Министерства по вопросам гендерного равенства и семьи. Так, на 2018–2022 гг. был разработан и принят Шестой Базовый план [14] с учетом плюсов и минусов предыдущих пяти Планов (начиная с 1993 г.). Для РК это основной документ, в котором излагается содержание национальной молодежной политики на ближайшие годы.

Далее кратко дадим характеристику рассматриваемым законодательным актам. В целях Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года значится «совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны» [3]. В вводной части

в качестве стратегического приоритета ГМП дана следующая формулировка: «создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся, эрудированной, конкурентоспособной, равнодушной, обладающей прочным нравственным стержнем, способной при этом адаптироваться к меняющимся условиям и восприимчивой к новым созидательным идеям».

К. В. Подъячев и И. А. Халий указывают расхождения этого положения с реальностью, лежащие в плоскости социологии: «государство готово выполнять патерналистские функции – создавать условия для молодежи. Но молодежь – социальная группа, которая скорее антипатерналистски настроена, ориентирована на самостоятельные действия и создание условий своей жизни – на это и должна быть направлена молодежная политика государства» [4, с. 265].

ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» в качестве целей ставит защиту прав молодежи; обеспечение равных условий развития и самореализации молодежи; создание условий для участия молодежи в жизни общества; повышение уровня согласия в молодежной среде; формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям; формирование культуры семейных отношений, поддержка молодых семей, способствующие улучшению демографической ситуации в Российской Федерации [7]. Отдельно ФЗ определяет понятие «самореализация молодежи». В этом можно заметить три основные тенденции.

Во-первых, государство делает попытку отойти от патерналистских установок в молодежной политике. Тем не менее, в принципах и основах, изложенных в ФЗ, акцент ставится на поддержку молодежи и молодых семей, обеспечение равного доступа к мерам социальной поддержки, внимание незащищенным слоям населения. Е. В. Андрюшина указывает, что российская государственная молодежная политика не делает акцент на экономическом развитии молодежи, эффективности социальных лифтов [1, с. 277].

Во-вторых, можно проследить ориентацию на профилактику социальной (в том числе религиозной, национальной, расовой) напряженности, экстремизма. Это отражает остроту политической повестки современной России и во многом является реакционной мерой на актуальные процессы. Некоторые исследователи замечают, что на направления ГМП сильно влияет повестка дня политического лидера [2, с. 61].

В-третьих, государство подчеркивает важность поддержки молодых семей, формирование семейных ценностей в обществе, что должно в итоге способствовать «улучшению демографической ситуации в Российской Федерации». Отдельно ФЗ дает определение такой социальной категории, как «молодая семья».

Южнокорейское Министерство по вопросам гендерного равенства и семьи разработало и продвигает «Шестой Базовый план молодежной политики (2018–2022 годы)», чтобы активно реагировать на изменения в социальной среде. Шестой Базовый план молодежной политики преследует следующие четыре цели: 1) вовлечение молодежи и расширение ее прав, 2) активизация деятельности под руководством молодежи, 3) самостоятельность молодежи и усиление мер по ее защите, 4) реформы и инновации в системе продвижения молодежной политики. Для реализации Плана Министерство определило 12 ключевых задач и 144 конкретные задачи, которые должны быть выполнены к 2022 г.

Одна из целей – содействовать всесторонней поддержке молодежи в проявлении способностей и овладении компетенциями, необходимыми в будущем. Кроме того, ставятся задачи по расширению участия молодежи и укреплению социальной основы, уважающей молодежь, с тем чтобы молодые люди могли расти как демократические граждане посредством мероприятий, которые они самостоятельно планируют. Согласно Плану, для того чтобы помочь молодежи адаптироваться к быстрым социальным изменениям и проявить свои творческие таланты, парадигма молодежной политики должна быть преобразована в молодежные программы, ориентированные на молодежь как на потребителя, а не как на поставщика. Кроме того, обновленная программа включает политику укрепления системы социальной защиты, с тем чтобы молодежь, находящаяся в трудных условиях, таких как социальное неравенство и нищета, могла расти без дискриминации.

Если говорить о южнокорейском опыте, то как пишут исследователи из Корейского института здравоохранения и социальных вопросов (KIHASA) Чон Сечжон и Рю Чина, «услуги, которые молодые люди получают в рамках новой системы реализации молодежной политики, должны быть существенными и предоставляться профессионально, согласованно и подотчетно. Если предлагаемая система реализации молодежной политики, ориентированная на «молодежь» как коллективную идентичность, преследует цель помочь молодым людям преодолеть маргинализацию и накопить социальный капитал, она также должна стать средой, которая стимулирует

ет разрозненных людей взаимодействовать таким образом, чтобы они могли получить более широкий доступ к ресурсам» [9, с. 5]. Специалисты по молодежной политике высказывают мнение о том, что «среди молодежи наблюдается заметная тенденция к депрессивным симптомам и гневу, связанным с настороженностью по отношению к COVID-19» [9, с. 5].

Важно понимать, что проблему одиночества и озабоченности можно уменьшить с помощью отношений и общения и, прежде всего, с помощью того, что Питер Баккер назвал «разделяемыми эмоциями» [8]. В быстро меняющемся социально-экономическом ландшафте РК переход молодежи во взрослую жизнь становится все более отложенным, диверсифицированным и стратифицированным, что затрудняет определение молодежи в качестве целевой группы социального обеспечения. В свете этих обстоятельств предлагаемая система реализации молодежной политики должна функционировать как универсальная система социальной защиты, отвечающая потребностям молодежи, до тех пор, пока существующие программы социального обеспечения не превратятся в целостную и постоянную систему, способную реагировать на целый ряд социальных изменений и рисков.

Возникшая в ответ на потребности молодежи, молодежная политика Республики Корея охватила сферу своей деятельности от молодежных активистов и местных органов власти до национального правительства, от деятельности частного сектора до государственной сферы. Сейчас молодежная политика выступает в качестве ключевого средства для изменения южнокорейского общества. Следует изыскивать пути обеспечения участия молодежи в разработке молодежной политики и программ, а также сохранения и использования импульса и инноваций, предлагаемых активистами частного сектора [9, с. 5–6].

Таким образом, относительно молодежной политики в России ученые указывают на перекося в сторону гражданского и патриотического воспитания [2, с. 64], декларативный характер ГМП [2, с. 65], недооценку роли молодежи в процессах развития общества [4, с. 195], их отстраненность от активного участия в решении проблем молодого поколения [4, с. 195]. Самореализация встречается в тексте основных документов, регламентирующих ГМП, однако ключевая роль отводится социальной поддержке. В случае с Южной Кореей вектор развития молодежной политики лежит не в плоскости патриотического воспитания молодежи и патерналистских установок, а главной целью является эффективная и своевременная адаптация

молодежи к быстро меняющимся социально-экономическим условиям, стремление к большей вовлеченности молодежи в развитие молодежных программ и руководство этими программами.

Список литературы

1. Андрюшина Е. В. Государственная молодежная политика в российском обществе: этапы, основные направления, показатели результативности // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 269–281.
2. Андрюшина Е. В., Панова Е. А. Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики // Власть. 2017. № 7. С. 60–65.
3. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Правительство Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).
4. Подъячев К. В., Халий И. А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 2 (20). С. 263–276.
5. Стратегия развития молодежи в РФ до 2025 года // Центр молодежных проектов в Ставропольском крае. URL: <http://www.kdm26.ru/img/strategiya-razvitiya-molodezhi-v-rf-do-2025goda.doc> (дата обращения: 01.06.2021).
6. Статистика // Росмолодежь : офиц. сайт. URL: <https://fadm.gov.ru/activi-ty/statistic> (дата обращения: 01.06.2021).
7. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 01.07.2021).
8. Peter C. Baker. ‘We can’t go back to normal’: how will coronavirus change the world? URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/31/how-will-the-world-emerge-from-the-coronavirus-crisis> (mode of access: 12.07.2021).
9. Se-jeong Cheong, Jin-A Ryu. Issues and Recommendations for the Establishment of a National Youth Policy Delivery System: A Look at Seoul’s Case // Research in Brief / Korea Institute for Health & Social Affairs. 2021. Issue 6. P. 5–6.
10. 한국 출산율 2 년 연속 전세계 꼴찌...14 세이하 비율도 최하위 = Уровень рождаемости в РК в последние два года – по-прежнему самый низкий в мире. Доля людей в возрасте до 14 лет также самая низкая). URL: https://imnews.imbc.com/news/2021/world/article/6149171_34880.html (дата обращения: 12.07.2021).
11. 2020 년 5 월 경제활동인구조사 청년층 부가조사 결과 = Результаты дополнительного исследования молодежи в рамках исследования экономически активного населения по состоянию на май 2020 года). URL: <https://eiec.kdi.re.kr/policy/materialView.do?num=203152&topic> (дата обращения: 12.07.2021).
12. 청소년 기본법 = Основной Закон о молодежи (подростково-юношеский возраст). URL: <https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9%EC%B2%AD%EC%86%8C%EB%85%84%EA%B8%B0%EB%B3%B8%EB%B2%95> (дата обращения: 07.07.2021).

13. 청년 기본법 = Рамочный Закон о молодежи. URL: <https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EC%B2%AD%EB%85%84%EA%B8%B0%EB%B3%B8%EB%B2%95> (дата обращения: 07.07.2021).

14. 제 6 차 청소년정책기본계획 = 6-й Базовый план детской и молодежной политики). URL: http://www.mogef.go.kr/mp/pcd/mp_pcd_s001d.do;jsessionid=I75x4nZhCUdOWZGIZytEboqS.mogef11?mid=plc502&bbtSn=704748&pageIndex=1&upDispYn=&schBgnDt=&schEndDt=&searchCondition=title&searchKeyword (дата обращения: 07.07.2021).

Comparative Aspect of State Youth Policy in Russia and the Republic of Korea: Laws, Principles, Priorities

Inna V. Tsoy, Polina I. Zaynullina

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The report provides a brief historical background and presents the main directions, priorities and goals of youth policy in Russia and the Republic of Korea. Transitional processes and features of the state youth policy, as well as the main provisions set out in the main legislative acts, will be considered in a comparative aspect.

Keywords: youth, youth policy, national youth policy, laws, public policy.

Цой Инна Валериантовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра корееведения; Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: i.tsoy@spbu.ru

Tsoy Inna Valeriantovna, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Korean Studies; St. Petersburg State University; e-mail: i.tsoy@spbu.ru

Зайнуллина Полина Игоревна, аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: p.zaynullina@spbu.ru

Zaynullina Polina Igorevna, Postgraduate; St. Petersburg State University; e-mail: p.zaynullina@spbu.ru

Опыт перевода Коммерческого кодекса Республики Корея*

Д. В. Шорников

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Исследуются некоторые особенности перевода на русский язык одного из основополагающих актов частного законодательства Кореи – Коммерческого кодекса Республики Корея, – исходя из авторского опыта. Анализируются некоторые количественные и качественные особенности данного документа, проводится ряд сравнений его с Гражданским кодексом Российской Федерации.

Ключевые слова: Коммерческий кодекс Республики Корея, Гражданский кодекс Российской Федерации, сравнительно-правовой анализ, особенности перевода.

Обращение автора к Коммерческому кодексу Республики Корея имеет некоторую предысторию, ведущим элементом которой является работа над переводом Гражданского кодекса Кореи, начавшаяся во время научно-исследовательской деятельности автора в Университете Пэ Джэ (г. Тэджон, Корея) в 2005–2007 гг. и завершившаяся изданием аннотированного и комментированного перевода уже на иркутской земле в 2014 г. [1]. Вслед за переводом Гражданского кодекса Республики Корея последовали переводы Гражданского кодекса Испании и Конституции Италии [2; 3].

Автор исходит из той точки зрения, согласно которой сравнительно-правовые исследования, в том числе, практика переводов зарубежных нормативно-правовых актов, особенно, в части таких концептуальных документов, как кодексы или конституции, служат, прежде всего, развитию национального права, причем не только в узком законодательном, нормативном плане, но, шире, развитию права в целом, включая и правовую доктрину, и правоприменительную практику. В то же время не следует забывать и чисто утилитарную пользу такого рода деятельности, поскольку любой перевод иноязычного нормативного акта позволяет, во-первых, отечественному юристу-практику с легкостью им пользоваться; во-вторых,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Корейского фонда (Korea Foundation) в рамках проекта «Российско-корейские отношения в контексте новых социально-экономических вызовов в постковидную эпоху: восстановление экономических связей и проблема трансграничной миграции».

глубже и точнее понимать смысловое и контекстуальное поле тех или иных правовых терминов и конструкций, бытующих в зарубежном праве, особенно в плане их сопоставления и согласования с российскими правовыми конструктами. Наконец, в-третьих, сам процесс перевода иноязычных источников на родной язык – это достаточно изысканное интеллектуальное удовольствие, что само по себе является вполне ощутимым стимулом к работе.

Частное законодательство Республики Корея, в отличие от российского, дуалистично, имея в своей основе два базовых акта, соответственно Гражданский кодекс и Коммерческий кодекс, чья сфера регулирования вполне очевидна из их названий. Сразу же стоит заметить, что, обращаясь к названиям, и это, пожалуй, будет одним из весьма наглядных примеров трудностей и особенностей работы переводчика нормативно-правовых актов, стоит заметить, что автор на момент написания данных тезисов еще до конца не определился, следует ли в русскоязычной версии говорить о Коммерческом кодексе или перед нами Предпринимательский кодекс: есть соответствующие доводы в пользу и того и другого варианта названия, учитывая, что в отечественной правовой традиции они если не идентичны, то чрезвычайно близки друг к другу. К слову, сами корейцы переводят название кодекса на английский как Коммерческий акт (Commercial Act), а не предпринимательский (соответственно, Entrepreneurial Act). Здесь же заметим, что мы используем более исторически устоявшееся и принятое для такого рода источников на нашей правовой почве понятие «кодекс», а не «акт» (что, наверное, было бы точнее при буквальном подходе).

Одним из первых, бросающихся в глаза отличий Коммерческого (или Предпринимательского) кодекса Кореи от его российского аналога – Гражданского кодекса Российской Федерации, собственно, еще до начала работы над его переводом по существу, является значительно меньшее число редакционных изменений. На момент написания данных тезисов, Коммерческий кодекс Кореи, введенный в действие Законом № 1000 от 20 января 1962 г. претерпел всего 28 редакций, при этом подавляющее их большинство (собственно, 19 из 28) приходится уже на нынешнее столетие. Интересно заметить, что почти столько же редакционных изменений, 29, претерпел и его собрат – Гражданский кодекс Кореи. В то же время только в первую часть Гражданского кодекса Российской Федерации, принятую 30 ноября 1994 г. на момент создания данного материала изменения вносились уже 122 раза [4], а, например, Испанский гражданский кодекс, насчитывающий с момента своего принятия в 1889 г.

уже более 132 лет, редактировался за это время всего 72 раза [5]. Таким образом, мы должны констатировать тот факт, что стабильность Коммерческого кодекса Кореи, по крайней мере в количественном выражении, достаточно высока, что делает скорость его эволюционного развития вполне сопоставимой с развитием европейского частного законодательства.

Коммерческий кодекс Республики Корея, так же как и Гражданский, имеет пять разделов: Общие положения; Торговые сделки; Компании; Страхование; Морское право. Данные пять разделов раскрываются в без малого тысяче статей, если быть совсем точным в 935 статьях основного текста кодекса и еще порядка двух сотнях статей дополнительных положений. Не будет открытием также, что Коммерческий кодекс вслед за ГК Кореи, особенно в своей первоначальной версии, и структурно, и по существу опирался на Германское торговое уложение 1898 г., точно так же как опирается на него в своей основе российский ГК. Наличие такого общего «прародителя» в целом в определенной степени облегчает для переводчика понимание концептуальной природы корейского нормативного акта, его структуры, общей логики внутреннего развития *etc.* Однако, помимо безусловного влияния континентального права, корейский Коммерческий кодекс в течение всего своего периода существования испытывал и испытывает сейчас существенное, да, пожалуй, определяющее воздействие права англосаксонского, прежде всего, американского, что вполне понятно и даже очевидно, учитывая объем коммерческих, предпринимательских отношений между Республикой Корея и Соединенными штатами Америки, но совсем не облегчает для российского правоведа понимание правовых реалий и коннотаций в тексте.

Одним из наиболее понятных и вполне характерных примеров трудных для восприятия отечественного глаза положений Кодекса можно найти, обращаясь к тому его разделу, который называется «Компании». В ст. 170 Кодекса выделяется 5 типов «коммерческих компаний» или, как мы бы сказали, пять организационно-правовых форм, в которых возможна организация в Корее юридических лиц, ведущих предпринимательскую деятельность. Сложность даже не в том, что значительная часть типов корейских «коммерческих компаний» не имеет аналогов в отечественном правовом поле, но в том, что если переводить их названия дословно, то мы рискуем получить пять практически одинаково называющихся «акционерных обществ». Для того чтобы сперва понять отличия между ними, а затем попытаться отразить их особенности при переводе, необходимо

не только проработать закрепленные в кодексе правила их создания, функционирования и ликвидации, но и обратиться, как раз к англосаксонской правоприменительной практике в области предпринимательского права.

Итоговым вариантом стала следующая редакция ст. 170 (Типы компаний):

Компании подразделяются на пять типов, а именно: товарищество, командитное товарищество, компания с ограниченной ответственностью, акционерное общество и общество с ограниченной ответственностью.

Понятно, что в дальнейшем приходится не только здесь же в ссылках комментировать статью, собственно, объясняя принципиальные детали отличий одной «коммерческой компании» от другой «коммерческой компании», но и постоянно держать их в голове при переводе норм, регулирующих взаимодействие различных типов «компаний» друг с другом, в частности, при их преобразовании, слиянии и так далее.

Примеров подобного рода сложных для перевода особенностей, в том числе, в той части положений кодекса, которая отражает рудименты национального обычного права Кореи¹ можно привести достаточно много. Любопытным здесь, на наш взгляд, является сравнение корейского оригинала и близкого к официальному переводу на английский язык, который осуществлен под эгидой правительства Кореи Научно-исследовательским институтом законодательства Кореи при помощи Центра перевода права Кореи [6]. В целом ряде мест англоязычная версия гораздо богаче и подробнее оригинала. Оставляя за Правительством Кореи определенное право развернутой трактовки положений нормативного акта при его переводе на иностранный язык, представляется, все же, что автор такого права лишен и стремление перевести текст Коммерческого кодекса как можно ближе к его оригинальному смыслу вполне обоснованно, а все пояснения, разъяснения и трактовки должны быть и были вынесены автором в комментарии.

¹ Безусловно, влияние обычного права на правовое регулирование предпринимательских отношений в Корею сегодня быстро снижается (в том числе, даже по сравнению с гражданским правом), однако некоторые его следы в тексте Коммерческого кодекса все еще вполне заметны, прежде всего, наверное, в манере формулирования тех или иных положений.

Список литературы

1. Шорников Д. В. Гражданский кодекс Республики Корея. Аннотированный перевод. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 252 с.
2. Шорников Д. В. Гражданский кодекс Испании. Аннотированный перевод. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 336 с.
3. Конституция Итальянской Республики = Costituzione Italiana. Edizione in Lingua Russa. Senato della Repubblica / Дивизова И., Шорников Д. Roma, Italy, Libreria multimediale. 110 p.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.08.2021)
5. Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil. URL: <https://boe.es/buscar/act.php?lang=en&id=BOE-A-1889-4763&tn=6&p=20151006> (mode of access: 08.08.2021) (на исп.)
6. Commercial Act. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=54525&lang=ENG (mode of access: 08.08.2021)

Experience in translating the Commercial Code of the Republic of Korea *

Dmitry V. Shornikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The author investigates some features of the translation into Russian of one of the fundamental acts of private legislation in Korea: the Commercial Code of the Republic of Korea, based on the author's experience. Some quantitative and qualitative features of this document are analyzed, and a number of comparisons are made with the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: Commercial Code of the Republic of Korea, Civil Code of the Russian Federation, comparative legal analysis, translation features.

Шорников Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института правовой охраны Байкала; заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Юридического института; Иркутский государственный университет; e-mail: abirvalg35@mail.ru

Shornikov Dmitry Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor, Director of the Scientific Research Institute of Legal Protection of Baikal; Head of the Department of International Law and Comparative Law of the Law Institute; Irkutsk State University; e-mail: abirvalg35@mail.ru

* This article was supported by the Korea Foundation under the project "Russian-Korean relations in the context of new socio-economic challenges in the post-COVID era: restoration of economic ties and problem of cross-border migration".

Секция 3

ИСТОРИЯ

УДК 902+903+519.3+519.5

Почему сибирским археологам важно знать археологию Корейского полуострова?*

С. В. Алкин

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация. Приводятся аргументы о необходимости изучения отечественными археологами, в особенности археологами Сибири и Дальнего Востока, источниковой и материальной базы археологии Корейского полуострова. Отмечается, что чрезвычайно важен опыт использования отечественных и корейских методов полевой археологии при совместном изучении разновременных поселенческих и погребальных памятников. Данный подход позволяет достичь большей степени достоверности результатов при проведении сравнительно-исторических исследований синхронных археологических культур на территориях российского и зарубежного Дальнего Востока.

Ключевые слова: археология, Сибирь, Корейский полуостров, материальная и духовная культура, этногенез, этническая история.

Традиционно наибольший интерес к археологии Корейского полуострова испытывают археологи российского Дальнего Востока. Это связано с тем, что в древности, в эпоху палеометалла и раннего Средневековья территории юга российского Приморья и сопредельных регионов Кореи были тесно связаны. Там существовали одни и те же или родственные археологические культуры. Имеется немало свидетельств о том, что в каменном веке и в последующие эпохи население Корейского полуострова и восточных районов Сибири и юга Дальнего Востока было включено в сложные миграционные потоки, контактировало между собой, на что оказывали воздействие

* Работа выполнена про проекту «Теория и практики сохранения культурного наследия Республики Корея и их влияние на корейскую диаспору России», поддержанному Корейским фондом научных обменов.

разные факторы: от экологических изменений до политических потрясений. Связи были не только прямыми, но и опосредованными. Важную роль играла обширная контактная зона между двумя цивилизационными зонами, включающая регионы Маньчжурии и Монголии. Кроме того, нельзя забывать о том, что восточная часть Маньчжурии входила в состав этнической территории корейцев. Очевидна историческая взаимосвязанность этнокультурного развития и исторических процессов, которые происходили на сопредельных территориях означенного региона в древности в средневековье

Для сибирских археологов изучение корейской археологии имеет большой потенциал. Во-первых, понимание существа этногенетических связей и культурных контактов населения Корейского полуострова и сопредельных территорий континентальной и основной Восточной Азии позволяет решать вопросы культурогенеза и этногенеза в широком хронологическом диапазоне. Для эпохи каменного века это не только проблема первоначального заселения региона в палеолите, но и важнейшее значение переходного периода с сложнейшими процессами неолитизации. Неолитические культуры Корейского полуострова и соседних территорий характеризуются высоким уровнем развития новых технологий, быстрыми темпами становления производящего хозяйства и яркими феноменами в области духовной культуры. Анализ результатов исследований корейских археологов даёт чёткое подтверждение того, что в уже раннеолитическое время в Корее сформировался оригинальный культурный центр, который в процессе дальнейшего этнокультурного и исторического развития сохранил самобытность и оказал существенное воздействие на развитие неолитических и более поздних культур не только континентальной, но и островной части Дальнего Востока.

Корейскими археологами выделен ряд археологических культур, сделаны важные обобщения в плане определения их хронологии, географии распространения и типологических характеристик. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы достаточно полно характеризуют общее направление развития археологических культур Корейского полуострова и иллюстрируют локальные их особенности, особо ярко проявляющиеся на фоне выраженного эколого-географического районирования внутри этого небольшого, но разнообразного по природным особенностям региона.

На археологических источниках эпохи раннего металла (бронзовый и ранний железный века) и раннего Средневековья изучаются проблемы определения источников, характера освоения и распространения новых технологий, происхождения этносов и становления ранней государственности в регионе.

Во-вторых, бурно развивающаяся археология Корейского полуострова даёт обширную базу для расширения возможностей сравнительного анализа при изучении материальной и духовной культуры древности и раннего Средневековья сопредельных территорий, где работают российские археологи.

Первое знакомство русских с археологическими памятниками корейской истории случилось в начале XX в. Российский временный поверенный, а затем генеральный консул в Корее К. И. Вебер передал в Кунсткамеру предметы из курганов в районе Сеула [2, с. 440–441]. А в русскую прессу времён русско-японской войны попали впечатления очевидцев о курганах в районе одной из первых столиц Когурё на территории Маньчжурии.

Современная эпоха характеризуется тесным сотрудничеством археологов России и Кореи. За два с лишним десятилетия со времени первых совместных полевых археологических работ новосибирских и южнокорейских археологов в на Нижнем Амуре список разновременных археологических памятников, которые изучаются археологами двух стран на Алтае в Сибири и в Приамурье и Приморье на Дальнем Востоке постоянно расширяется. В начале XXI в. мы имеем уже немало примеров сотрудничества специалистов из Сибири, Приморья и Кореи в решении конкретных проблем археологии Востока Азии [1; 3; 4].

Как практический археолог отмечу, что для нас также чрезвычайно важен опыт использования отечественных и корейских методов полевой археологии при совместном изучении разновременных поселенческих и погребальных памятников. Это позволяет достичь большей степени достоверности результатов при проведения сравнительно-исторических исследований синхронных археологических культур на территориях российского и зарубежного Дальнего Востока. Это, конечно, не отменяет разницы в подходах при решении конкретных проблем археологии и ранней истории региона, но помогает находить взаимопонимание по целому ряду вопросов

Список литературы

1. Алкин С. В. Российско-корейское сотрудничество в изучении археологии Сибири и Корейского полуострова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. № 34. С. 39–49.
2. Ионова Ю. В., Суслова И. В. Уникальные и редкие корейские коллекции в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) // Петербургское востоковедение, 1993. Вып. 3. С. 439–444.
3. Клюев Н. Н. Итоги совместных российско-корейских археологических исследований в Приморье в 2006–2019 гг. // 2019 Asian Archaeology Кукчжэ

хаксуль симпозиум: Россия кыкдоный сонса-чунсэсидэ когомунхва ёнгу, кы сонгвава чонман = Изучение древней и средневековой археологии и культуры Дальнего Востока России: результаты и перспективы : материалы Междунар. симп. 2019 Asian Archaeology). Тэджон : National Research Institute of Cultural Heritage of Korea, 2019. С. 46–56.

4. *Нестеров С. П.* Российско-корейские археологические исследования в Амурской области в начале XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2019. Т. 18. № 5 : Археология и этнография. С. 21–35.

Why is Knowing the Archeology of the Korean Peninsula Important for Siberian Archaeologists?

Sergei V. Alkin

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. Archaeologists of the Russian Far East traditionally have shown the greatest interest in the archeology of the Korean Peninsula. This is due to the fact that the territories of the southern Primorye (the southern part of the Russian Far East) and adjacent regions of Korea were closely connected during the Paleometal period and the early Middle Ages. The archaeological cultures located there were identical or related. However, there is a lot of evidence that due to specificities of ethnic cultural development of the ancient and medieval peoples of East Asia, the population of the Korean Peninsula and Eastern regions of Siberia had diverse contacts and connections during the Stone Age and subsequent periods. These connections were not only direct, but also indirect. The important role was played by an extensive contact zone embracing the regions of Manchuria, Mongolia and the Western regions of the modern Russian Far East.

For Siberian archaeologists, the studying of Korean archeology is a matter of considerable potential. First, the identification of ethnogenetic ties and cultural contacts of the population of the Korean Peninsula and adjacent territories of continental Asia provides an opportunity to address the issues of cultural genesis and ethnogenesis in a broad historical range: from the Stone Age (including such issues as initial settlement of the Far East region and neolithization) to the Early Metal period (including the problems of the origin and diffusion of new technologies) and the early Middle Ages (the origin of local ethnic groups and early states). Secondly, the archeology of Korea, developing rapidly, provides an extensive source base for expanding the comparative analysis in the study of material and spiritual culture of Siberian regions, dating to antiquity and the early Middle Ages. At the beginning of the 21st century, a considerable number of examples of cooperation between specialists from Siberia and Korea in solving specific issues of archeology in East Asia has been demonstrated.

Keywords: archaeology, Siberia, Korean Peninsula, cultural heritage, antiquity, Middle ages.

Алкин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент НГУ, директор Центра корейских исследований Гуманитарного института НГУ; e-mail: alkin-s@yandex.ru

Alkin Sergei Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of Novosibirsk State University, Director of the Centre for Korean studies of Institute for the Humanities, NSU; e-mail: alkin-s@yandex.ru

Оформление правового положения корейских мигрантов в России в 80-х гг. XIX века

Е. С. Бурдин

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС
Хабаровск, Россия

Аннотация. Рассматривается проблема оформления правового положения корейских мигрантов в Российской империи в конце XIX в. В ходе исследования делается вывод, что при решении задач, связанных с легализацией переселенцев из Кореи, российские власти должны были учитывать позицию и интересы не только Кореи, с которой долгое время не было официальных отношений, но и Цинского Китая.

Ключевые слова: Дальний Восток, Корея, корейская миграция, Южно-Уссурийский край.

Вторая половина XIX в. характеризовалась активизацией внешней политики России на Дальнем Востоке. Воспользовавшись слабостью Китая из-за восстания тайпинов (1851 г.) и второй «опиумной войны» (1856–1860 гг.), России удалось подписать Айгунский (1858 г.) и Пекинский договоры (1860 г.). По условиям данных соглашений в состав Российской империи вошли Приамурье и Приморье, тогда же по реке Туманган была определена граница между Россией и Кореей. В начале 1864 г. через эту границу в Южно-Уссурийский край пришли первые семьи корейцев общей численностью в 65 человек. Гонимые голодом, нищетой и деспотизмом корейских властей мигранты образовали первое корейское поселение в России – деревню Тизинхэ, получившую название в честь одноимённой реки. Данное событие стало началом корейской миграции на российский Дальний Восток.

С этого момента местные власти стали предпринимать попытки оформить правовой статус иностранных мигрантов [3, с. 95]. В частности, в 1865 г. военный губернатор Приморской области контр-адмирал П. В. Казакевич, чтобы оградить переселенцев от преследований правительства Кореи и китайских чиновников (Сеул в тот период находился под влиянием Пекина), предложил Совету главного управления Восточной Сибири зачислять их в «государственных крестьян». Однако это предложение было отклонено, поскольку у корейцев отсутствовало российское подданство.

В 1866 г. вопросами устройства быта корейцев в Приморской области заинтересовался генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков. По его распоряжению, с 1 января 1887 г. был введён новый порядок управления Южно-Уссурийским краем, заселённым преимущественно выходцами из Кореи [4, с. 207–208]. В соответствии с ним, окрестности залива Петра Великого выделены в отдельную административно-территориальную единицу – Суйфунский округ. Руководство округом было возложено на начальника Новгородского поста. Ему в помощь назначался офицер, который управлял населением на правах земского исправника. Позднее в округе была учреждена ещё одна офицерская должность «заведующего корейцами» [3, с. 98]. Его деятельность регламентировалась «Инструкцией заведующему Суйфунским округом по управлению туземным, корейским, китайским и маньчжурским населением по доставлению срочных сведений», которую составил военный губернатор Приморской области И. В. Фуругельм в конце 1866 – начале 1867 г. Инструкция предписывала избрать старшину и двух помощников в каждом корейском селе и урочище, где находится не менее 10 дворов. На них возлагалась обязанность предупреждать и пресекать беспорядки и самоуправство, а также доносить о всех подобных случаях и прочих происшествиях командованию поста. Полномочия налагать на нарушителей какие-либо взыскания старшинам не предоставлялись.

Со второй половины 1870-х гг. Корея попала под сильное влияние Японии, прекратилась политика самоизоляции корейского государства. Изменившаяся ситуация на Дальнем Востоке позволила российскому правительству в конце 1870-х гг. начать переговоры об установлении официальных отношений с Сеулом, а администрация Восточно-Сибирского генерал-губернаторства занялась корейским вопросом [1, с. 38]. Такое пристальное внимание центральных и местных властей свидетельствовало о значимости российско-корейских отношений в целом, и определении судьбы и статуса мигрантов в частности. Для организации переписи корейского населения, а также сбора сведений о поселениях корейцев, их образе жизни и занятиях генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-адъютант барон Фредерикс направил в Южно-Уссурийский край старшего чиновника особых поручений при главном управлении Восточной Сибири В. Н. Висленёва.

В 1884 г. Россия и Корея установили дипломатические отношения, однако внешнеполитическим ведомствам обеих стран не удалось сразу выработать единый подход по проблеме обосновавшихся

в России корейских подданных. Российская сторона была нацелена на признание этих мигрантов российскими подданными. Именно такая идея была заложена в инструкции Министерства иностранных дел российскому поверенному в Корею К. И. Веберу. Ему было предписано провести переговоры с корейским правительством о признании подданными России и наделении соответствующими правами всех корейцев, переселившихся на российскую территорию до заключения договора 1884 г. [1, с. 51]. Правовой статус корейских мигрантов обсуждался и в 1886–1888 гг., в ходе переговоров о сухопутной торговле. Хотя К. И. Вебер и президент коллегии иностранных дел Кореи Ким Юн Сик смогли договориться о внесении в проект договора статьи о признании русскими подданными всех корейцев, прибывших в Россию до 1884 г., в последний момент корейское правительство отказалось от данной договоренности. При этом корейская сторона не возражала против того, чтобы российские власти продолжали соблюдать достигнутые устные договоренности [3, с. 103]. Таким образом, в 1888 г. вопрос о подданстве корейских переселенцев в России не получил окончательного оформления. Мероприятия по оформлению правового статуса мигрантов отныне проводились на основании норм российско-корейской конвенции о приграничных сношениях 1888 г., а также устного (джентльменского) соглашения между К. И. Вебером и Ким Юн Си Ком. Было решено, что корейцы, прибывшие в Россию до заключения договора между Россией и Кореей о дружбе и торговле, т. е. до 25 июня (7 июля) 1884 г., признавались русскими подданными. Колонисты, переселившиеся после этого срока, подлежали выселению. Им предписывалось получить за определённую плату так называемые русские билеты (виды на жительство), в течение 2 лет ликвидировать свои хозяйства и вернуться на родину.

В феврале 1891 г. Приморский губернатор П. Ф. Унтербергер направил представление Приамурскому генерал-губернатору А. Н. Корфу, в котором предложил разделить проживающих в Приморской области корейцев на три категории, а также предложил порядок действий властей по отношению к каждой из этих групп. Представление было изучено и доработано в канцелярии генерал-губернатора, после чего в виде циркуляра № 2977 от 21 июля 1891 г. разослано в адрес военных губернаторов Приморской и Амурской областей [3, с. 106]. По распоряжению А. Н. Корфа, корейцев следовало разделить на три категории [2, с. 3]:

Первая категория – корейцы, предназначенные к принятию в русское подданство. К их числу были отнесены переселенцы, обос-

новавшиеся в крае до подписания договора об установлении русско-корейских дипломатических отношений, т. е. до 25 июня (7 июля) 1884 г. В отношении домохозяйств, состоящих из этих мигрантов, предписывалось выдавать свидетельства за подписью начальника округа с указанием года переселения и состава семьи. На основе выданных свидетельств формировались посемейные списки и передавались на хранение в местные сельские общественные управления.

Мигранты первой категории привлекались к исполнению денежных и натуральных земских повинностей наравне с крестьянами, прожившими в крае не менее 20 лет. В случае создания деревень или сельских обществ им выделялись особые земельные наделы из расчёта 15 десятин на семью с запретом сдавать их в аренду корейцам, временно приходящим в край.

Корейские селения вводились в состав крестьянских обществ или из них образовывались особые общественные управления на основаниях, как у других крестьянских поселенцев. На таких же общих основаниях допускался переход корейцев из одного сельского общества в другое. Мигрантам предписывалось состричь шишки и косы, являющиеся элементами традиционной причёски в Корее. Корейцы первой категории приводились к присяге на русское подданство.

Вторая категория – это корейцы, переселившиеся в Россию и приобретшие осёдлость после 25 июня (7 июля) 1884 г., но желавшие принять русское подданство и исполнять правила, введённые для корейцев первой категории. Указанных лиц предписывалось проинформировать с отбором подписки о том, что они лишаются права на дальнейшее пользование казённой землей и в течение 2 лет после этого объявления должны ликвидировать свои хозяйства, приобрести национальные паспорта и освободить в пользу казны занятые ими земли. Им выдавались годичные русские билеты с взиманием налога в размере, установленном для корейцев, прибывающих из Кореи. К лицам, которые в двухлетний срок не выполнили необходимых требований, применялись те же правила, что и по отношению к мигрантам, прибывшим из заграницы без национальных паспортов. В течение 2 лет корейцы этой категории должны были нести денежные и натуральные повинностям на тех же условиях, что и корейцы первой категории.

К третьей категории отнесли корейцев, проживавших в Примурском крае временно с целью заработка. Представители этой категории могли оставаться на территории России только после получения русских билетов. Им было запрещено самовольно селиться и устраивать хозяйства на казённых землях.

Корейское население было распределено по категориям летом 1892 г. Главную роль в этом сыграла особая комиссия под председательством начальника Южно-Уссурийского края А. В. Суханова [1, 54]. В результате её деятельности к первой категории были отнесены 1855 семей, ко второй – 1055 [5, с. 33].

В дальнейшем распоряжением властей Приамурского края полномочия по определению лиц, подлежащих выселению, были переданы корейским обществам [3, с. 107]. Главную роль в отборе кандидатов на получение подданства стали играть корейская сельская и волостная администрация, а также нижние чины полиции [2, с. 54–55]. Это спровоцировало различные злоупотребления как со стороны представителей корейских обществ, так российских чиновников.

В этот период в адрес властей поступали индивидуальные и коллективные обращения корейцев второй категории с просьбой оставить их в России. Приамурская администрация однако принципиально отклоняла все подобные запросы, чтобы не создавать нежелательных прецедентов. Убедившись в твёрдости позиции властей, корейцы начали постепенно ликвидировать свои хозяйства и переселяться обратно в Корею. Часть мигрантов, однако, предпочла осесть в Манчжурии, где им было предложено занять свободные земельные участки [6, с. 112–13].

Пришедший на смену А. Н Корфу в 1893 г. новый Приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской оказался сторонником использования труда корейцев для освоения края и настаивал на принятии их в русское подданство с наделением землёй. Ссылаясь на положительный опыт, С. М. Духовской требовал ускорить принятие в подданство переселенцев первой категории и считал целесообразным дать отсрочку корейцам второй категории [1, с. 57]. Воспользовавшись благосклонностью новой администрации, многие корейцы второй и третьей категорий стали ходатайствовать о принятии их в русское подданство.

Новый Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков продолжил политику своего предшественника. При нём в 1898 г. была образована комиссия по упорядочению положения китайских и корейских мигрантов. На основе разработанного комиссией положения русское подданство получили все, ещё не принявшие его корейцы первой категории. Кроме того, было обещано принять в подданство тех мигрантов второй категории, которые прожили в Уссурийском крае не менее 5 лет.

В 1900 г. вопрос о подданстве корейцев был окончательно урегулирован. Подданство предоставлялось всем мигрантам, в том чис-

ле и переселившимся в Россию после 1884 г., с включением их в состояние государственных крестьян. Предписывалось наделить их землёй в размере 50 десятин на семью, распространить на них налогообложение наравне с российскими крестьянами, а также принимать меры к скорейшей ассимиляции мигрантов с русским населением [1, с. 59]. Корейцы, проживающие в городах, были причислены к мещанскому обществу.

Следует отметить, что в вопросе о статусе переселившихся в русские пределы корейцев длительное время сохранялась неопределённость. С одной стороны, корейское переселение на Дальний Восток началось в 1864 г. с согласия и при поддержке дальневосточной администрации. В виду этого русские чиновники воспринимали корейских переселенцев как подданных России, оказывали им содействие при обустройстве и разрешали обрабатывать столько земли, сколько те в состоянии были освоить. Корейцы-землепашцы фактически были приравнены к крестьянским обществам, на них распространялось крестьянское общественное самоуправление и русские законы [6, с. 116].

С другой стороны, корейцы переходили на русский Дальний Восток не имея на это официального разрешения властей России и Кореи, т. е. с юридической точки зрения нелегально. Из-за этого дальневосточная администрация не решалась предоставлять им все льготы в соответствии с законом от 27 апреля 1861 г. «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приамурской областях Восточной Сибири». Такие действия спровоцировали бы протест Сеула, который мог воспринять их как демонстрацию Петербургом своей юрисдикции над корейскими подданными.

Кроме того, царское правительство должно было брать в расчёт позицию и интересы Пекина. Цинский Китай в тот период всерьёз опасался потерять свой традиционный сюзеренитет над Кореей, из-за чего негативно реагировал на российско-корейские приграничные контакты и даже пытался препятствовать установлению дипломатических отношений между Петербургом и Сеулом.

В таких обстоятельствах руководство России не могло пойти по иному пути, кроме как отложить решение проблемы оформления правового положения корейских мигрантов до момента установления официальных российско-корейских контактов.

Список литературы

1. Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М. : Институт востоковедения РАН, 2004. 464 с.

2. *Песоцкий В. Д.* Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск : Тип. Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, 1913. 188 с.

3. *Петров А. И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток : ДВО РАН, 2000. 304 с.

4. *Рагоза А.* Краткий исторический очерк переселения корейцев в наши пределы // Военный сборник, 1903, № 6, с. 206 – 222.

5. *Риттих А. А.* Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1899. 160 с.

6. *Унтербергер П. Ф.* Приморская область. 1856–1898 гг. Очерк. СПб. : Типография В. О. Кишбаума, 1900. 324 с.

Registration of the Legal Status of Korean Migrants in Russia in the 80s of the 19th century

Evgeny S. Burdin

Far-East Institute of Management, Branch of RANEP
Khabarovsk, Russian Federation

Abstract. After the establishment of official diplomatic relations with Korea in 1884, the Russian authorities began to pay close attention to resolving the issue of citizenship of the Amur region Koreans. By resolving this problem, the Russian government wants to stop the uncontrolled transfer of the population from Korea to the Far East of the country, as well as prevent the unauthorized seizure of state lands by foreign subjects. The measures to formalize the legal status of Korean immigrants were based on the Russian-Korean Convention on Border Relations of 1888 and an oral agreement between the Russian Charge d'Affaires in Korea K. I. Weber and President of the Korean Foreign Office Kim Yun Sik. An agreement was reached, according to which the Koreans who settled in Russia before the establishment of official contacts between St. Petersburg and Seoul in 1884, were recognized as equal with Russian subjects. Korean migrants who settled in the region after this period had to purchase Russian tickets, liquidate their economy within 2 years and move to their homeland.

Keywords: Far East, Korea, Korean migration, South Ussuri region.

Бурдин Евгений Сергеевич, аспирант; Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС; e-mail: burdin-1955@mail.ru

Burdin Evgeny Sergeevich, Postgraduate; Far-East Institute of Management, Branch of RANEP; e-mail: burdin-1955@mail.ru

Проблемы русско-корейских отношений на примере межнациональных отношений в Красной Армии во второй половине 1920-х гг.

В. Г. Дацышен

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Красноярск, Россия

Аннотация. Доклад посвящен проблеме взаимоотношений между русскими и корейскими красноармейцами в частях Красной Армии. Отмечено, что в рамках жёсткой политики интернационализма в СССР имели место проблемы и противоречия во взаимоотношениях между русскими и корейцами. Указано, что, несмотря на данные противоречия, корейцы-красноармейцы принимали участие в боевых действиях против китайской армии во время советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г. Сделан вывод, что в период боевых действий фактов межнациональных проблем и противоречий с участием корейцев в рядах Красной Армии зафиксировано не было.

Ключевые слова: Корейцы в Красной Армии, межнациональные отношения, 1920-е гг.

Корейская община в России начала формироваться с 1860-х гг. Корейцы переселенцы не просто селились на территории вошедшего в состав Российской империи Южно-Уссурийского края, но крестились в православии, отдавали своих детей в школу, принимали в Российское подданство.

Новые русские подданные, как и переселенцы из западных районов России, были освобождены от рекрутской и воинской повинности. Лишь частично российские корейцы привлекались к обеспечению мобилизационных мероприятий и защите границ. В частности, летом 1900 г. были образованы корейские дружины для защиты границы с Китаем.

Закон 18 марта 1909 г. «О привлечении населения Приморской областей к отбыванию воинской повинности» установил, что «Русское население и состоящие в русском подданстве корейцы привлекаются на общих основаниях согласно Уставу 1906 г» [1, с. 49]. Российские корейцы принимали участие в Первой Мировой войне [7].

Корейцы приняли активное участие в Гражданской войне и борьбе с иностранной вооруженной интервенцией в России в 1918–1922 гг. Немало корейцев после войны остались служить в Красной Армии на командных должностях.

В Советском Союзе советские корейцы, как и представители других национальных общин, несли воинскую повинность, служили в армии. Относительно корейцев, приехавших в начале XX в. из Кореи и Маньчжурии на заработки, но так и оставшихся жить по всей территории Сибири, у советских властей не было единого мнения по вопросу их гражданства. Если эти корейцы попадали в Красную Армию, то их присутствие не вызвало заметных проблем. Вообще, советское руководство по отношению к корейцам проводило наиболее либеральную политику в сравнении с выходцами из других стран. В частности, процент корейцев, получивших советское гражданство СССР от числа поданных ходатайств, был самым высоким, в сравнении с выходцами из других стран. Например, в документе «Статистические сведения о движении ходатайств о признании ИНО гражданства по Западно-Сибирскому краю по данным на 1 апреля 1932 года» указывается, что из 44 подавших заявление корейцев, 36 гражданство получили, в то время, как по китайцам соотношение было 36 из 54, немцев – 32 из 66, венгров – 9 из 90 и т. д [5, л. 18].

Что касается советских корейцев, компактно проживавших на юге Приморья и принявших российское подданство и православие до революции 1917 г., то их правовой статус и фактическое положение в СССР ничем не отличались от русского населения региона. Корейские крестьяне, выросшие, фактически, в корейской монокультурной среде, также призывались на службу в вооруженные силы Советского Союза.

В 1920-х гг. призванные в кадровые части Красной Армии корейцы служили в Сибирском военном округе. В конце 1920-х гг. большинство призвынников отправлялись, вероятно, в расквартированный в городе Канске 76-й Карельский стрелковый полк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Корейцами был укомплектован первый батальон этого полка.

Корейское присутствие в 26-й Златоустовской стрелковой дивизии во многом было знаковым. В опубликованной в 1925 г. книге «История 26-й Златоустовской стрелковой дивизии» был помещен портрет призванного из Приморья красноармейца-корейца Петра Ким, который был указан как стрелок 6-й роты 78-го Казанского стрелкового полка [6, с. 64]. На многочисленных фотографиях из альбомов 76-го Карельского стрелкового полка, сохранившихся в фондах Канского краеведческого музея, постоянно встречаются лица корейцев.

Наличие значительного числа красноармейцев-корейцев в воинских частях создавало комплекс проблем. В практически монорасо-

возвращении в регион имелись целые подразделения, укомплектованные не только отличающиеся внешне, но и не владевшие русским языком солдат. Среди русских красноармейцев имели место проявления великорусского шовинизма, а корейцы активно добивались, чтобы командование учитывало их национальные особенности.

Например, красноармейцы-корейцы добивались официального статуса корейского языка. В документах Канского окружкома ВКП(б) сохранились протоколы партийных собраний. В документах, например, зафиксировано выступление активиста «Ен-ди-ен», который заявлял: «Начальник клуба не отметил работу среди национальных меньшинств. И правление клуба этот вопрос не учитывало. А у нас в полку национальных меньшинств немало и работы среди национальных меньшинств нет. Основной вопрос о кино. Зачастую в батальоне кино приходят и смотрят, а самое содержание не знают. Чтобы дать определенное знание, надо чтобы можно было перевести содержание на корейский язык» [4, л. 12].

Корейцы временами напрямую ставили вопросы межнациональных отношений. Например, в прениях по докладу командира полка о боевой подготовке части в феврале 1929 г. выступил Семен Пак, речь которого была переведена на русский язык и застенографирована: «Докладчик своевременно поставил вопрос о национальном антагонизме. В полковой школе 5 национальностей, из которых большинство русских товарищей. Существует ли там национальная рознь? Да она существует в виде высмеивания. Также, если строятся там, то корейцев в виду того, что они не знают русского языка, русские товарищи выталкивают из строя, а становятся сами» [4, л. 15]. И это было не единственное выступление, корейцы жаловались, что их обижают в столовой, обзывают фазанами и проч.

В числе проблем, отмечаемых в документах, было недоверие русских красноармейцев корейцам-командирам. Особенно ярко это проявилось во время обострения международных отношений и начала советско-китайского конфликта. В докладе о состоянии частей 12-й территориальной дивизии за август 1929 г. «Реагирования на последние события (о войне и КВЖД)» были приведены следующие антикорейские высказывания: «“Прежде чем идти на войну, нужно убрать от нас командиров – корейцев, они нас могут подвести в боях” (пер. 1-й роты 35 п. СКРИПЧЕНКО бедняк, б/п.); в роте 2 корейских командира. Если будет только война, то нам надо сначала подавить всех корейцев, которые у нас командирами, тогда идти воевать, а то они на фронте повернут на свою сторону” (пер. 2 р. 35 п. КОЗОРЕ-

ЗОВ, б/п., середняк). Аналогичное толкование на начсостав из корейцев в полку имеет не единичный характер» [5, л. 30].

Несмотря на имевшие место русско-корейские противоречия в Красной Армии, корейцы-красноармейцы, как и собственно корейский батальон, наряду с другими национальными частями и подразделениями принимали участие в боях с китайской армией во время советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. Важным историческим источником является рукопись воспоминаний участника советско-китайского конфликта на Забайкальском участке границы младшего командира Николая Михайловича Ким «Событие на КВЖД в 1929 году» [2]. Современные исследователи отмечают: «В армию (Особую Дальневосточную. – *В. Д.*) были привлечены и национальные части и подразделения... один батальон состоял из корейцев» [3, с. 68]. В советско-китайском конфликте принимали участие будущие участники Великой Отечественной войны: Кан (Тхядун) С. В., Ким Н. А. (призван в РККА в 1925 г.), Ким Ф. И. (в РККА с 1920 г., в 1930–1937 гг. командир батальона Карельского полка), Цой П. И. (в РККА с 1925) [8].

Таким образом, несмотря на полувековой опыт русско-корейского сотрудничества, на жесткую политику интернационализма со стороны государства и правящей партии в СССР, даже в Красной Армии имели место проблемы и противоречия во взаимоотношениях между русскими и корейцами.

Список литературы

1. Важнейшие законодательные акты (1908–1912 гг.) / сост. М. С. Иоффе. СПб., 1913.
2. Военно-исторический музей Восточного военного округа. Кор. 47.
3. Голиков В. И. Стрелковые формирования Красной Армии в Сибирском военном округе. Томск, 2006.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-96. Оп. 1. Д. 790. Л. 12.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 64. Л. 30.
6. История 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Красноярск, 1925.
7. Рыков К. А. «Он был командиром полка» (Воспоминания о Петре Петровиче Цое) // Чхве Джэхён (Цой Петр Семенович) / сост. Б. Д. Пак, В. В. Цой. М., 2010.
8. Шин Д. В, Пак Б. Д., Цой В. В. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2011.

Problems of Russian-Korean Relations in the Red Army in the Second Half of the 1920s

Vladimir G. Datsyshen

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. The report is devoted to the problem of relations between Russian and Korean Red Army soldiers in the Red Army units. In the 1920s, Soviet citizens of Korean nationality were conscripted to serve in the armed forces of the Soviet Union. Korean peasants from Primorye, as a rule, served in units stationed in Siberia. For example, the first battalion of the 76th Karelian Regiment of the 26th Zlatoust Rifle Division stationed in the city of Kansk was manned by the Koreans. Koreans served in other regiments of this division, in units of the 12th Territorial Division stationed in Western Siberia, and others. Korean peasants, who grew up in a monoethnic environment, did not speak Russian and were significantly different from the Russians who made up the bulk of the conscripts. The documents preserved in the funds of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory indicate the harassment of Korean Red Army soldiers by representatives of other nationalities and the struggle of Koreans for their rights. In particular, the Korean Red Army soldiers drew the attention of the command to the necessity of struggle against Russian chauvinism and support of the translation of Russian papers into Korean, including cultural and educational items. Soviet intelligence services wrote about distrust of Russian Red Army soldiers to the Korean Red Army commanders. Those facts are reflected in the documents preserved in the funds of the State Archive of the Novosibirsk region. Korean Red Army soldiers and junior commanders took part in combat operations against the Chinese army during the Soviet-Chinese conflict on the KVZhD in 1929. During the warfare in the ranks of the Red Army there were no facts of interethnic problems and contradictions involving Koreans.

Keywords: Koreans in the Red Army, interethnic relations, 1920s.

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник; Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; e-mail: dazishen@mail.ru

Datsyshen Vladimir Grigoryevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Researcher; Institute for Demographic Research FCTAS RAS; e-mail: dazishen@mail.ru

Роль корейских переселенцев в освоении и развитии российского Дальнего Востока во 2-й половине XIX – начале XX в.

А. Ю. Иванов

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Аннотация. Обозначено, что переселение корейцев имело важное значение в освоении Дальнего Востока России. После включения Приамурья и Приморья в состав Российской империи на русском Дальнем Востоке ощущалась острая нехватка рабочей силы. Сделан вывод, что с ростом численности корейских мигрантов возрастал и их вклад в освоении целинных земель и экономическом развитии Дальнего Востока.

Ключевые слова: корейские переселенцы, российский Дальний Восток, миграции, освоение земель.

Переселение корейцев из северных районов Кореи в российские пределы имело важное значение в освоении Дальнего Востока России. В первое десятилетие после включения Приамурья и Приморья в состав Российской империи на русском Дальнем Востоке ощущалась острая нехватка рабочей силы. В связи с этим перед русской администрацией встала задача по освоению дальневосточных окраин и создания там крепкого крестьянства. Однако это требовало огромных финансовых средств, которыми царское правительство не располагало.

27 апреля 1861 г. Александром II был утвержден законопроект «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири», согласно которым колонистам, желающим поселиться в Приамурском крае, при условии переселения за свой счёт, предоставлялось право выбора свободных участков казённой земли во временное пользование или в полную собственность в размере 100 десятин на семью. При этом они освобождались от подушных податей навсегда, от воинской повинности – на 10 лет и от пользования землёй – на 20 лет [11, с. 652].

Однако в первые годы действия этого закона число переселенцев на Дальний Восток было незначительным. По данным чиновника особых поручений Ф. Ф. Буссе, в течение 1863–1870 гг. в Южно-Уссурийский край русских крестьян переселилось 2266 человек, а в период 1871–1882 гг. – лишь 632 человека [1, с. 5–6]. Таким образом,

к 1882 г. общая численность русского населения в Приморской области составляла всего 8385 человек [3, с. 129].

При такой малочисленности русского населения местные власти весьма благожелательно восприняли переселение корейских беженцев из северных районов Кореи, которые, несмотря на строжайший запрет переселяться и селиться, под угрозой смертной казни, на северных берегах рек Амноккан и Туманган.

Самые первые переселенцы из Кореи поселялись на русских землях благодаря самостоятельному решению начальников военных постов, которые непосредственно вступали в контакт с корейскими жителями правобережья реки Туманган. Так, поручик Резанов позволил одному корейцу привести свое семейство и поселил их по р. Тизинхэ. О намерении корейцев поселиться на территории России при условии обеспечения их безопасности от маньчжуров Резанов сообщил Военному губернатору Приморской области контр-адмиралу П. В. Казакевичу в рапорте от 30 ноября 1863 г. Однако затруднительные сообщения с Николаевском в зимний период обусловили Резанова принять самостоятельное решение о поселении корейцев в 15-ти верстах от поста Новгородского. Поэтому, когда П. В. Казакевич весной 1864 г. дал указание о содействии переселению корейцев, на территории российского Дальнего Востока уже жили 60 корейцев, имея дома, огороды и скот.

В апреле 1864 г. Военный губернатор Приморской области, получив рапорт поручика Резанова от 30 ноября 1863 г., предписывал ему, что разрешает при наличии «свободных людей выстроить дом в месте поселения корейцев» и «принять самые энергичные меры к ограждению безопасности и спокойствия всех туземцев, живущих в наших пределах», а также, насколько позволяют средства, «устранять всякое вмешательство и самовольное распоряжение маньчжур в отношении туземцев». В. П. Казакевич указывал Резанову, что он должен «по возможности стараться внушить туземцам, что живя в наших пределах, они пользуются покровительством и защитой русских законов наравне со всеми русскими и что всякая обида, нанесенная им, не останется без наказания» [12].

Посетивший в мае 1864 г. Тизинхэ штабс-капитан Генерального штаба П. А. Гельмерсен также высказал свой взгляд на переселение и размещение корейцев на территории России. В частности, он писал: «Я считаю поселение их в наших пределах делом не только полезным, но и существенно важным для будущности этого края, богатого всем, кроме рабочих рук... Первое применение корейцев могло бы быть на копиях каменного угля в Посьете. Не говоря уже, что от

корейцев, скорее всего, можно ожидать сбыт хлеба для войска, что даст прямой барыш от понижения цен мы получим ту выгоду, что положим основание для будущего развития края, облегчая русским его заселение тем, что они придут сюда и найдут многое на месте, что теперь нужно возить за тысячи верст, а с другой стороны привлечем иностранный капитал на промышленные и торговые предприятия.

Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков, получив первые сведения об успешном освоении земель корейскими переселенцами, в ноябре 1864 г., просил военного губернатора Приморской области, «ввиду особой важности заселения края», оказывать корейцам, желающим «прочно заселиться в наших пределах», покровительство и помощь продовольствием на первое время в необходимом размере из «экстраординарных сумм» [7]. В августе 1866 г. М. С. Корсаков распорядился выделить средства в размере 100 рублей серебром на строительство школы для корейцев [5].

Меры, предпринятые русскими властями по оказанию покровительства и продовольственной помощи переселенцам во многом способствовали дальнейшему переселению корейцев на территорию российского Дальнего Востока. По первой, неполной переписи корейского населения в Южно-Уссурийском крае, проведенной Ф. Ф. Буссе, на 1 января 1867 г. корейских переселенцев оказалось 185 семей (999 человек) [14]. Через год после переписи границу перешли еще 500 корейцев [2].

Неурожай осенью 1869 г., случившийся в Северной Корее вызвал массовую миграцию корейского населения на территорию российского Дальнего Востока. В конце сентября – начале октября 1869 г. на р. Тизинхэ пришли 1850 корейцев, а в конце ноября – начале декабря границу перешли 4500 человек. Всего в конце 1869 г. из провинции Хамгён в Южно-Уссурийский край прибыли 7000 корейцев [10, с. 45].

С весны 1871 г. началась новая полоса корейского переселения в Уссурийский край. В связи с этим Н. П. Синельников предписал военному губернатору Приморской области 500 семейств вновь прибывших переправить на пароходах на Амур, а военному губернатору Амурской области Педашенко – построить дома для переселенцев, обеспечить их продовольствием до урожая 1872 г. и снабдить семенами, рабочим скотом и необходимым инвентарем. На эти нужды выделялось 13 651 руб. В конце июля 1871 г. 102 семейства в числе 431 души были привезены на р. Самару для поселения в с. Благоданном.

В 70-х гг. XIX в. в результате заградительных мер, проводимых русскими властями, число корейских переселенцев в Россию сократилось. Но, вместе с тем, стало все больше прибывать корейцев на временные заработки. Ежегодно на заработки до 1500 человек и до 300 человек для добычи морской капусты. В начале 80-х гг. число торговцев, чернорабочих, ремесленников, кузнецов и литейщиков, ежегодно прибывающих из провинции Хамгён на заработки в Южно-Уссурийский край, достигало уже 3000 человек [9]. К 1886 г. в 18 деревнях Южно-Уссурийского края оседлых корейцев насчитывалось 6663 человек. Всего в Приамурском крае число зарегистрированных оседлых корейцев составляло 8500 человек, а корейцев иностранного подданства 12 500 человек [8, с. 11].

Вместе с тем И. Г. Баранов отмечал, что корейцы «много принесли и приносят пользы краю. Их посевы небольшие, но при тщательной обработке поля дают всегда лучший урожай, чем у наших крестьян; в последнее время их привлекали к отбыванию некоторых натуральных повинностей и корейским трудом проведено немало новых дорог и ремонтируется старых. Все требования администрации исполняются ими в точности и в общем с большою охотой». В связи с этим военный губернатор Приморского края предлагал считать всех проживающих на российской территории корейцев русскими подданными и причислить их к сельскому и городскому сословию [13].

Либерализация политики С. М. Духовского и Н. И. Гродекова в отношении корейских переселенцев способствовала быстрому увеличению численности переселяющихся в Россию корейцев. В 1894 г. в Приамурский край прибыло морем всего 9980 переселенцев из Кореи, из них 3995 человек во Владивосток, 5985 – в Амурскую область [6, с. 31]. В 1895 г. всего в Приамурском крае по официальным данным числилось 18 400 корейцев, из которых 16 700 человек жило оседло в Суйфунском и Посъетском участках Приморской области, 600 человек – в окрестностях Хабаровска и 1100 человек – в с. Благодословенном [4, с. 28].

В течение второго этапа (с 1884 по 1900 г.) численность корейского населения Приморской области выросла почти в четыре раза и составила 28 500 человек, из которых 16,5 тыс. являлись русскоподданными, а 12 тыс. – не имели российского гражданства. Фактическое число корейцев, переходящих русско-корейскую и русско-китайскую границу во много раз превышало численность тех, кто проходил паспортно-визовый контроль или приобретал русский билет. Главная масса корейских иммигрантов переплывалась в русское Приморье нелегально через р. Туманган. Корейцы поселялись в

окрестностях Владивостока, по морскому побережью Амурского и Уссурийского заливов и т. д.

В результате принятия части корейцев Приамурского края в подданство России привело к тому, что иммигранты из Кореи стали расселяться по всему русскому Дальнему Востоку, часто в нелегальном порядке. К 1917 г. корейская община, которая, по отчетам властей Приморской области, составляла 105 тыс. человек, стала важным элементом всей жизни российского Дальнего Востока. Таким образом, с ростом численности корейского населения на Дальнем Востоке возрастает и их роль не только в области сельского хозяйства, но и в создании инфраструктуры (прокладка дорог и железнодорожных путей), а также промышленном строительстве.

Список литературы

1. *Аносов С. Д.* Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск ; Владивосток, 1928.
2. Всеподданнейший отчет по управлению Восточной Сибирью за 1867 г. // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 101. К. 1901. Л. 49.
3. *Граве В. В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 129.
4. *Духовский С. М.* Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1895. С. 28.
5. Записка генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Карсакова о выделении средств на создание школы для корейцев, направленная военному губернатору Приморского края // РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1007. Л. 1–1об.
6. *Ким Сын Ха.* Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965. С. 31.
7. Корейцы Приамурского края. Краткий исторический очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край // Приамурские ведомости. 1895. Прил. к № 83. С. 1.
8. Надаров И. Второй Хабаровский съезд. Владивосток, 1886. С. 11.
9. Отчет пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Н. Г. Матюнина за 1883 г. // РГИА ДВ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.
10. *Пак Но Бён.* Хан-но кёнчже исимён 1884–1903 (20 лет российско-корейской экономики. 1884–1903). Сеул, 1994. С. 45.
11. Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36. Отделение 1-е. 1861. От № 36490–37190. СПб., 1863 № 36928.
12. Предписание военного губернатора Приморской области контр-адмирала Казакевича начальнику поста в заливе Новгородском. Николаевск, апреля 1864 г. // ГАИО. Ф. 24 Оп. 11/3. Д. 24. Л. 2–3.
13. Представление военного губернатора Приморской области И. Г. Баранова о принятии в русское подданство корейцев и причислении их к сельским обществам // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 69а. Л. 2–5об.
14. Рапорт чиновника особых поручений при Приморском областном правлении Буссе военному губернатору Приморской области от 6 марта 1867 г. // РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 278. Л. 66.

The role of Korean Settlers in the Exploration and Development of the Russian Far East in the 2nd Half of the 19th – early 20th Centuries

Alexander Yu. Ivanov

Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation

Abstract. The resettlement of Koreans from the northern regions of Korea to the Russian Far Eastern region was of great importance in the development of the Russian Far East. With a small Russian population, the local authorities very favorably received the resettlement of Korean refugees from the northern regions of Korea, who, despite the strictest prohibition to resettle and settle under the threat of death, on the northern banks of and Tuman River. Often, the Korean population was involved in serving natural obligations. With the help of Korean peasants, old roads were repaired and new ones were built. With the growth of the number of Korean settlers, their contribution to the development of virgin lands and the economic development of the Far East also increased.

Keywords: Korean settlers, Russian Far East, migration, land development.

Иванов Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры восточных языков; Тихоокеанский государственный университет; e-mail: ivanoff1967@mail.ru

Ivanov Alexander Yurievich, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Associate Professor of Department of Oriental Languages; Pacific State University; e-mail: ivanoff1967@mail.ru

УДК 327

Эволюция корейской политики России: от абсолютной монархии, диктатуры пролетариата до буржуазной демократической республики

Ким Ен Ун

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Исследуются основные причины, цели, мотивы и принципы корейской политики России с момента установления официальных отношений в 1884 г. до наших дней. Сама Россия за это время также прошла через три разных, противоположных социально-экономической, политической и идеологической систем общественного устройства – от абсолютной монархии к социалистическому государству, а после ее распада – к государству с рыночной экономикой. Делается вывод, что Россия всегда руководствовалась задачей признания и сохранения независимости Кореи, поддерживала борьбу корейских патриотов за независимость своей страны и в XXI в. также проводит недискриминационную, благоприятствующую политику по отношению к обоим корейским государствам.

Ключевые слова: Российская империя, королевство Чосон, дипломатические отношения, *«агван пхачхон»*.

Россия стала первой страной в мире, которая установила дипломатические отношения с тремя корейскими государствами, сменившими в течение последних полутора веков три политических и общественно-экономических строя и пережившей трагедию колониального гнета, исчезнув в это время как субъект международных отношений. В 1884 г. она установила официальные отношения с феодальной Кореей; в 1948 г. – с КНДР, осуществлявшей буржуазно-демократическую революцию в ее народно-демократической форме, а затем взявшей курс на социалистическое строительство; в 1990 г. – с Республикой Корея, ставшей к тому времени среднеразвитой капиталистической страной.

Сама Россия за это время превратилась из начинавшей развиваться по пути капитализма царской империи в одно из самых влиятельных европейских и мировых держав. В процессе своего естественного развития Россия трансформировалась в империалистическую страну, которая в отличие от других империалистических стран не имела колоний и на самом пике своего развития разрушилась в результате войны и революции в страну с совершенно иной, впервые в мире утвержденной новой общественно-экономической формацией под названием социализм. И в этом качестве выдержав все перипетии внутренних и внешних потрясений, в том числе гражданскую войну и иностранные агрессии, потеряв в них в общей сложности более 35 млн. чел., она под названием СССР создала одну из двух мощнейших мировых систем и стала одной из двух мировых сверхдержав как по экономике, так и по военной мощи и политическому влиянию в мире. А затем она распалась на 15 самостоятельных государств.

Неизменным для России в ее разных ипостасях оставалось одно: уважение суверенитета Кореи как независимого, самостоятельного в своей политике, культуры и экономике государства. И это явно прослеживается еще до того, как она стала иметь общую границу с Кореей.

1. Корейская политика царской России

Граница между Россией и Кореей появилась по историческим меркам сравнительно недавно, в 1861 г., причем без ведома Кореи по решению правительств России и Китая. Это было в интересах России и, как ни странно, и в интересах Кореи и Китая того времени в силу сложившихся в середине XIX в. обстоятельств в Китае. Тогда в

результате поражения в навязанных Великобританией и Францией так называемых опиумных войн стоял вопрос о самой возможности сохранения Цинского Китая. В январе 1854 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев писал в докладной царю Николаю Первому: «Если положение Манджурского дома в Китае безнадежно, то следует принять меры к обеспечению в Пекине находящейся там нашей миссии, внушить императору, что он, в случае отступления в Манджурию должен сохранить под своею властью полуостров Корею, не допуская в ней никакого постороннего влияния» [5, с. 112–113]. Царь одобрил такую постановку вопроса. Мнение Н. Н. Муравьева основывалось на агрессивных действиях Англии и Франции в 1854–1855 гг. в районе Камчатки и Сахалина, где они пытались уничтожить военные укрепления России, утопить военные суда России.

При таких условиях Россия заключила 28 мая 1858 г. Айгунский договор с Китаем, по которому левый берег Амура от р. Аргуни до устья признавался собственностью России, а Уссурийский край от впадения р. Уссури в Амур до моря оставался в совместном владении России и Китая. По Тяньцзинскому договору 1858 г. китайское правительство признало условия Айгунского договора.

При подготовке Петербургского протокола 1861 г., который определял точные границы между Россией и Китаем переговорщики от России по поручению Н. Н. Муравьева уточнению границы стали настояли в том, чтобы границу между двумя государствами к югу по Уссури таким образом, чтобы она выходила на р. Тумынь (Туманную), т. е. чтобы у России была хотя бы и небольшая граница с Кореей.

В условиях начала XX в. ослабление позиции России, а также слишком деликатное отношение России к самостоятельной политике Кореи не позволили обеспечить независимость Кореи от посягательств Японии. Тем более что к тому времени США стали активно поддерживать агрессивную политику Японии в отношении материковых стран Северо-Восточной Азии, рассчитывая, что Япония расчистит дорогу и для проникновения американского капитала в регион [9, с. 166]. Еще раньше Великобритания активно пыталась помешать выходу России к Тихому океану через незамерзающие порты Кореи и Китая. Об этом писал еще в 90-е гг. XIX в. английский политик, будущий премьер-министр Дж. Н. Керзон: «Постоянные русские эскадры в портах Лазареве и Пусане превратили бы ее в величайшую военно-морскую державу на Тихом океане» [11, с. 213–214]. Именно с этим связан захват Англией еще в 1885 г. корейского ост-

рова Комундо и создание там военно-морской базы под названием Порт-Гамильтон.

Но став официально соседней с Кореей страной Россия установила дипломатические отношения с ней только в 1884 г., т. е. спустя почти четверть века. Причины такого позднего установления дипломатических отношений состоят в следующем. У России тогда были сложные проблемы защиты своих границ от посягательств европейских колониальных держав в Европе и Центральной Азии. К тому же Россия, зная о вассальном положении Кореи от Цинской империи, не хотела устанавливать непосредственные связи с Кореей в обход ее сюзерена. Именно этим объясняется, что став территориальным соседом слабой в то время во всех отношениях Кореи Россия не участвовала в насильственном открытии Кореи, установив дипломатические отношения с ней только после того, как были навязаны дипломатические отношения Японией в 1876 г., США и Великобританией в 1882 г. Кстати, в 1885 г. Англия, в 1896 г. Япония предлагали России разделить Корею по 38 параллели. Но Россия отвергла эти предложения и всегда неизменно настаивала в договорах включение пункта о том, что договаривающиеся стороны обязуются «уважать независимость и территориальную неприкосновенность корейской империи» [8, с. 20] Поэтому не случайно, когда королю Коджону в конце 1895 – начале 1896 г. грозила гибель от японских убийц, он решил укрыться в русской дипломатической миссии, вошедшей в историю Кореи как *«агван пхачхон»*.

В переданной тайно 8 января 1896 г. во время аудиенции российскому Посланнику статскому советнику А. Н. Шпейеру король Коджон написал, что его окружает шайка изменников и они могут погубить его и его сына, поэтому у него нет другого способа спастись кроме как искать защиты в Русской миссии» (4,32). Просьба короля была удовлетворена и Коджон укрылся в русской дипломатической миссии и более года управлял страной из нее. При этом нужно также учитывать, что это было не первое обращение короля Коджона к России с просьбой о помощи. [10, с. 143].

Царская Россия даже на закате своего существования, в 1915 г., во время Первой мировой войны, отказалась выполнить требование Японии выдать находившихся в России борцов против японского колониального ига. Эти люди были революционерами, а в России царский режим самым суровым и жестоким образом преследовал своих революционеров. Таким образом, даже в этом вопросе об отказе требования Японии выдать корейских антияпонских борцов царское правительство продемонстрировало свое неодобрение за-

хвата Японией Кореи и приверженность прежней линии, идущей со времен императоров Николая Первого и Александра Второго, генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского, независимости Кореи.

2. Социалистическая Россия и Корея

Одним из первых декретов новой рабоче-крестьянской России под руководством партии коммунистов был Декрет о мире, опубликованный 8 ноября 1917 г. по новому стилю. В нем предлагалось необходимости немедленного установления демократического мира, под которым понимался мир без контрибуций и без аннексий, под которой понималось «всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет» [2, с. 12]. Как видно, Декрет не только утверждал необходимость мира без аннексии и контрибуции, но и предоставления независимости всем народам, которые были насильственно или без их ясной воли включены в состав (юрисдикции) другого государства.

Через неделю в развитие этой идеи и для ее реализации именем Республики Российской была обнародована Декларация прав народов России, где были названы принципы национальной политики новой власти, ключевыми принципами которой были утверждены: равенство и суверенность народов России, право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [3, с. 40]. В основу Декрета были положены сформулированные В. И. Лениным в статье «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», опубликованном в октябре 1916 г. в первом номере «Сборника Социал-демократа».

Эти документы социалистического правительства России оказали огромное влияние на угнетенные народы колоний, в том числе и на корейский. При этом Советская Россия не только в самой России осуществляла провозглашенные в Декларации и Декрете принципы, но и оказывала поддержку борьбе народов колоний за свое освобождение. Корейские революционеры принимали активное участие в борьбе против японских интервентов на Дальнем Востоке России, заодно ведя борьбу и с союзниками японцев – белогвардейцами. Всего в 1918–1921-е гг., т. е. в годы гражданской войны на Дальнем Востоке, по данным Центрального архива РСФСР Дальнего Востока

действовали 47 корейских партизанских отрядов. Кроме того, корейцы воевали также в составе 30 русских партизанских отрядов. При этом большая часть этих корейцев не была гражданами России. Из проживавших в 1923 г. на Дальнем Востоке России корейцев только 27,2 % были гражданами РСФСР (33 тыс. 765 из 124 тыс.) [6, с. 11].

Советская Россия поддержала созданное в апреле 1919 г. в Шанхае Временное Правительство Республики Корея, и с 1920 по 1922 г. в Москве находилось представительство этого правительства Хан Хен Ген [1а, с. 8]. При этом молодое советское государство не только имело представительство с небольшим штатом и офисом, но и выделило весьма приличные по тем временам деньги (400 тыс. руб. серебром) для поддержания Временного правительства Республики Корея. Но в 1921 г. власть во Временном правительстве перехватили представители помещичьих и буржуазных кругов во главе с Ли Сын Маном, настроенных против Советской России, что выразилось в их деятельности против РСФСР. В этой ситуации было решено по окончании срока действия Хана не принимать нового представителя, проводившего враждебную к Советской России политику нового Временного правительства, и до освобождения Кореи правительство СССР не признало его, как, впрочем, и все остальные страны, за исключением гоминдановского Китая. При этом СССР продолжал поддерживать борцов за независимость, которые боролись против Японии на территории Китая, а также самой Кореи. Кроме того, в СССР проходили обучение в Коммунистическом университете революционеры Кореи, а также на подпольную работу направлялись корейцы-уроженцы Дальнего Востока.

Среди задач, которые были поставлены перед Красной Армией в войне против Японии в августе 1945 г. также было и освобождение Кореи от японского колониального ига. Поэтому часть войск 1-го Дальневосточного фронта Красной Армии громили японскую Квантунскую армию не только в Манчжурии, но и части ее 17-го фронта в Корее. Освобождали Корею от японских войск и колониальной администрации только советские войска. Понятно было, что при том высоком авторитете, которым пользовался СССР в 1945 г., если дать корейцам свободу выбора, они выберут народно-демократический строй и отношения дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, благо и сухопутную границу они имели общую. Но еще в 1942 г. президент США Ф. Д. Рузвельт взял курс на подчинение освобожденной Кореи под свой контроль через систему опеки над ней. Эту идею он последовательно продвигал в 1943 (Тегеранская конференция), 1945 (Ялтинская конференция) годах. На совещании в Госде-

партаменте США 12 мая 1945 г. при новом президенте США Г. Трумэне его участники пришли к выводу, что если предоставить корейцам право самим создать свое правительство, оно «несомненно, станет большевистским или советским» [12, с. 56]. Поэтому было решено обязательно добиваться установления опеки над Кореей.

Выполняя эту директиву руководитель Американской военной администрации в Корее генерал-майор Арнольд 15 сентября 1945 г., т. е. через месяц после капитуляции Японии и освобождения Кореи и всего лишь через неделю после того, как американские войска без единого выстрела высадились в порту Инчон, и он прибыл в Сеул, заявил в интервью корреспонденту американского агентства Ассошиэйтед Пресс: «Корейцы не будут в состоянии осуществлять самоуправление в течение 15 лет... Мы возвратим Корею корейцам, когда они будут в состоянии управлять своей страной. Я сообщил корейцам, что это, возможно, произойдет через 10–15 лет» [1, с. 3]. В этот же день он своим приказом распустил Народные комитеты всех уровней, сформированные демократическими организациями рабочих, крестьян, мелких собственников и которые являлись зародышами народной власти.

США хотели установить опеку над Кореей под собственным контролем, а когда стало очевидно, что большинство населения Кореи, да и Советский Союз не намерен отдать Корею под полный контроль США, сорвали реализацию согласованного на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании решения об опеке союзных держав в отношении Кореи, предусматривавшее создание Временного демократического правительства Кореи, которому будет помогать совместная советско-американская комиссия в составе командующих войсками этих стран. Но ставленник американцев Ли Сын Ман сообщил по радио Сеула информацию об опеке еще до появления в печати итогов Московского совещания, сознательно солгав суть принятого решения. Так, он сообщил, что идею опеки навязал СССР, при этом умолчал, что предусматривается создание Временного корейского демократического правительства, которое и будет управлять страной в период опеки, названной в этом решении как «помощь и содействие».

СССР до лета 1947 гг. пытался добиться от США выполнения принятого согласованного решения, но США взяли курс на раскол Кореи, раз не удалось реализовать свою идею об опеке над всей Кореей и создали из послушных им правых деятелей в союзе с прояпонскими деятелями сепаратное правительство, а затем и государство, проведя 10 мая 1948 г. выборы в парламент, затем 12 июля приняли конституцию нового государства, 20 июля избрали прези-

дента, а 15 августа провозгласили Республику Корея, хотя де-факто она уже была создана ранее. Это государство сразу получило признание со стороны США и других ведущих империалистических стран [7, с. 195–196].

В этих обстоятельствах СССР признал провозглашенную 9 сентября 1948 г. КНДР и в течение 3 месяцев вывел свои войска с территории КНДР и больше никогда не вводил на ее территорию свои войска, даже не проводил совместных учений. СССР также оказал большую помощь КНДР как в отражении агрессии империалистических держав во главе с США, так и в послевоенном восстановлении народного хозяйства и в социалистическом строительстве.

На излете своего существования СССР установил дипломатические отношения с Республикой Корея и осенью 1991 г. содействовал вступлению обоих корейских государств в члены ООН, что способствовало значительному повышению их роли в мире.

3. Современная Россия и Корея

СССР в то время благодаря установлению отношений с Республикой Корея получил возможность играть более весомую роль в снижении напряженности на Корейском полуострове и вообще в решении корейской проблемы. Причем, первоначально Политбюро ЦК КПСС предлагал следующий алгоритм развития отношений между СССР и Республикой Корея: вначале экономические отношения, постепенное их расширение, переход к экономическому сотрудничеству и на этой базе – установление дипломатических отношений. А Южная Корея предлагала обратный алгоритм: сначала дипломатические отношения, затем экономические связи. И в силу различных причин, прежде всего волонтаристского решения М. С. Горбачева был реализован южнокорейский сценарий установления отношений между СССР и РК.

Республике Корея, установив отношения с СССР получила новые рынки сбыта своей продукции, новые источники получения сырья для своей промышленности, а также новые территории для инвестиций имевшихся в стране свободных средств. Южная Корея, хотя и была включена в систему международного разделения труда и международных экономических отношений, все же находилась в состоянии полуизоляции. По той простой причине, что она была лишена экономических связей с социалистическими странами и со многими неприсоединившимися странами, ориентированными на сотрудничество с социалистическими странами.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Южная Корея включилась в процесс глобализации. Не подлежит сомнению, что подлинная гло-

бализация Кореи стала возможной как практическая задача, только после того, как страна установила широкие культурные, торгово-экономические и научно-технические связи с той частью человечества (а это было около трети всего населения планеты), с которой у нее до начала 90-х гг. не было отношений.

Во время визита в Москву лидера оппозиции, будущего президента Южной Кореи, ныне покойного Ким Ен Сама советская сторона организовала его встречу и переговоры с секретарем ЦК ТПК, ответственным за южнокорейскую политику в КНДР Хо Дамом [13, с. 87–104]. Один этот факт, как представляется, свидетельствует, насколько искренне представители СССР хотели помочь и в установлении мира, и в объединении Кореи. Сейчас уже представители России также стараются оказать содействие взаимопониманию двух Корей.

Несмотря на то что по многим причинам не удалось достичь некоторых важных целей, поставленных при установлении дипломатических отношений, обе страны выиграли от них и прежде всего Южная Корея. Сейчас Южная Корея является одним из крупных внешнеторговых партнеров России. Каждый южнокорейский президент с момента установления дипломатических отношений всегда подчеркивает важную роль России для Кореи, стабильности и мира в Корее. Налажено довольно интенсивное политическое сотрудничество, ежегодно проходят переговоры лидеров двух стран, а также министров иностранных дел, регулярно проводятся заседания межправительственных комиссий по торгово-экономическому сотрудничеству, уже не раз проводились Годы двух стран, в частности, в год 30-летия установления дипломатических отношений России с Республикой Корея планировалось проведение большого количества мероприятий в рамках Года обменов. В 2020 г. из-за пандемии не удалось их провести, поэтому они проводятся в 2021 г.

Специально для сотрудничества с Россией президент Мун Чжэ Ин выдвинул в 2017 г. стратегию «Девяти мостов» сотрудничества между нашими странами в регионе Дальнего Востока России. Объем торговли между Россией и Южной Кореей за 30 лет вырос более чем в 100 раз и достиг в 2018 г. объема в 28 млрд долл. Существенно вырос интерес в России к Южной Корее. В частности, в 2020 г. на корейские отделения вузов России поступили более 1700 абитуриентов.

С провозглашением В. В. Путиным политики поворота на Восток, наладились также отношения с КНДР. Несмотря на сложности, связанные с созданием ядерного орудия и средств его доставки на большие расстояния в КНДР, налажено двухстороннее сотрудниче-

ство. Россия последовательно отстаивает независимость и территориальную целостность обоих корейских государств, проводя при этом равноприближенную и равноудаленную политику по отношению к ним.

Заключение

История установления и развития дипломатических отношений России с тремя корейскими государствами показала, что эти отношения всегда были более выгодными для Кореи, будь то королевская, народно-демократическая или капиталистическая Корея. Разумеется, Россия также получала определенные выгоды от них, но в конечном итоге оказывалось, что позиции России в отношениях с ними начинали ослабевать, а то и вовсе сводились на нет. С одной стороны, это связано со слишком деликатным отношением к этим отношениям со стороны России, нежеланием оказывать необходимое влияние или даже давление на своего партнера, а с другой – по-видимому, определенной непоследовательностью в проведении корейской политики, когда дипломатия России по большей части шла за событием, а не пыталась формировать или утверждать события.

Список литературы

1. АВП РФ. Ф-0102. Оп. 1. П. 1. Д. 9. Л. 3.
- 1а. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 4. П. 1. Д. 8.
2. Декрет Второго Всероссийского съезда Советов о мире. 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Политиздат, 1957. С. 12–16.
3. Декларация прав народов России. 2(15) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Политиздат, 1957. С. 39–41.
4. Секретная телеграмма Статского Советника Шпейера. Сеул, 21 января 1896 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Год 1896 г. Д. 5. Л. 78; Записка короля Коджона посланнику России в Сеуле А. Н. Шпейеру. 8 января 1896 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Японский стол. Оп. 493. 1896. Д. 5. Л. 32.
5. Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам : (материалы для биографии): Кн. 2. М. : Синода. тип., 1891. 321 с.
6. Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). Документы и материалы. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 320 с.
7. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1974. 480 с.
8. Ким Чжон Хон. Русско-Корейские дипломатические отношения в 1884–1904 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 22 с.
9. Международные отношения на Дальнем Востоке / А. Л. Нарочницкий, А. А. Губер, М. И. Сладковский, И. Я. Бурлингас ; редкол.: Е. М. Жуков (отв.

ред.). Кн. 1: с конца XVI в. до 1917 г.; АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М. : Мысль, 1973. 323 с.

10. *Пак Б. Д.* Россия и Корея. Изд. 2-е, доп. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2004. 520 с.

11. *Curzon G. N.* Problems of the Far East. Japan-Korea-China. By the Right HON. George N. Curzon. New and revised edition. London, Westminster, Archibald Constable and Co., MDCCCXCVI (1896). 444 p.

12. *Harriman W. A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N. Y. 1975. P. 461; *The Forrestal Diaries.* N. Y., 1965. P. 56.

13. *Чон Чжэ Мун.* Соренын гри монгоси аниетта. Наы москба дамphan = Россия далекая и близкая. Мои переговоры в Москве. Сеул : Орым, 2003. 308 с.

Evolution of Korean Politics in Russia: From Absolute Monarchy, Dictatorship of the Proletariat to Bourgeois Democratic Republic

En Un Kim

Institute of the Far East RAS, Moscow, Russian Federation
National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation

Abstract. The article research main reasons, goals, motives and principles of the Korean policy of Russia. Russia became the first country in the world to establish diplomatic relations with three Korean states, which have changed three political and socio-economic systems over the past century and a half and survived the tragedy of colonial oppression, disappearing at that time as a subject of international relations. In 1884, it established official relations with feudal Korea; in 1948, it established official relations with feudal Korea – with the DPRK, which carried out the bourgeois-democratic revolution in its people's democratic form, and then took a course for socialist construction; in 1990 – with the Republic of Korea, which by that time had become a medium-developed capitalist country. During this time, Russia itself also went through three different, opposite socio-economic, political and ideological systems of social structure – from an absolute monarchy to a socialist state, and after its collapse – to a state with a market economy. At the same time, Russia has always been guided by the task of recognizing and preserving the independence of Korea, the power of the Korean authorities, and supported the struggle of Korean patriots for the independence of their country. Tsarist Russia, anti-revolutionary in nature, despite the demands of the Japanese authorities, did not extradite a single Korean revolutionary who was hiding on the territory of Russia and waged an active anti-Japanese liberation struggle. Throughout its history, Soviet Russia has supported the fighters for the liberation of Korea, for the construction of an independent state. It also established diplomatic relations with South Korea and promoted the entry of both Korean states into the UN. Modern Russia also pursues a non-discriminatory, favorable policy towards them.

Keywords: Russian Empire, Joseon Kingdom, diplomatic relations, *agwanpacheon*.

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН; доцент Департамента зарубежного регионоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; e-mail: kimkorea@list.ru

Kim En Un, Ph.D (in Philosophy), Associate professor, Senior Researcher, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies RAS; Associate professor, School of International Regional Studies, National Research University "Higher School of Economics"; e-mail: kimkorea@list.ru

УДК 93+94

Корейская миграция на Сахалин

Ли Джехёк

Ассоциация арктических исследований, Сеул, Республика Корея

Аннотация. Работа посвящена изучению проблемы расселения корейцев на Сахалине с конца XIX в. до наших дней. Отмечается, что наиболее массовая миграция на остров была связана с принудительным трудом на японских предприятиях в годы Второй мировой войны. Делается вывод, что после непростого периода адаптации и стабилизации в годы Советского союза, после распада СССР, начиная с 1992 г. миграционные потоки сахалинских корейцев снова пришли в движение.

Ключевые слова: корейская миграция, Сахалин, Россия, японский колониальный период, принудительный труд, случайная миграция.

1. Переселение корейцев на Сахалин

В 2019 г. на Сахалине проживает около 27 тыс. корейцев. Посреди вихря перемен в корейской и мировой истории в XX в. миграция и расселение корейцев на Сахалине имеет особую историю и уникальный характер.

Сахалин был обнаружен европейцами в XVII в. В 1643 г. голландский моряк Де Фриз прибыл на побережье Сахалина, но в то время был ошибочно принят за то, что являлся частью острова Хоккайдо. В середине XIX в. русские начали обширные исследования и разработки на Сахалине. В 1855 г. Сахалин стал совместным владением двух стран, по результатам договора между Россией и Японией.

После этого, в соответствии с Договором 1875 г., Сахалин принадлежал России, а Курильские острова – Японии. С 1860 по 1905 г. Сахалин использовался в качестве места ссылки. После поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Сахалин она был разделён на Юг (отошёл к Японии) и Север (отошёл к России). Большинство корейцев жили в качестве рабочих на юге Сахалина, который был оккупирован Японией. После поражения Японии во Второй мировой войне южный Сахалин вступил в советскую оккупацию, и корейцы на Сахалине стали иммигрантами независимо от их воли.

2. Корейское население на Сахалине

После записи, что корейцы уже жили на Сахалине в 1870-х гг., в 1897 г. на Сахалине жили 67 корейцев. Когда Япония оккупировала южный Сахалин в 1905 г., в этом районе было 24 корейца, но в 1920 г. число корейцев, проживающих на юге Сахалина, увеличилось до 934. В 1910 г. 25 корейцев жили в Александровске на севере Сахалина. С апреля 1920 г. число корейцев, проживающих на северном Сахалине, резко выросло с 609 до 1431, но в 1925 г., когда Япония покинула северный Сахалин, там проживало лишь 487 корейцев.

В 1937 г. 1155 корейцев были вынуждены переселиться из северного Сахалина в Центральную Азию в результате советской вынужденной миграции. С тех пор население Южного и Северного Сахалина продолжало увеличиваться, и число корейцев, которые продолжали мигрировать в южную часть Сахалинской области, неуклонно увеличивалось, достигнув 3200 в 1925 г. и 5880 в 1931 г.

Во время Второй мировой войны корейцы были привезены на Южный Сахалин в качестве подневольных работников. В конце войны от 43 тыс. до 50 тыс. корейцев жили во всем острове Сахалина. С лета 1944 по 1945 г. большое количество шахтеров перебраслось на юг Японии.

После окончания Второй мировой войны южный Сахалин (оккупированный Японией в 1905 г.) был подчинен Советскому Союзу. В конце войны на юге Сахалина проживало 43 тыс. или, по другим данным, 60 тыс. корейцев (которых привезли на Сахалин из Японии в 1939–1945 гг.). В основном они работали в шахтах. В феврале 1944 г. 35 % шахтеров составляли корейцы.

После 1946 г. корейцы, которые поселились в Центральной Азии Советского Союза, переехали на Сахалин, и работали государственными служащими и учителями, а в период 1946–1949-х гг. северокорейские рабочие стали заниматься рыболовством и лесозаготовками.

После победы союзников корейцы на Сахалине надеялись вернуться на свою Родину, но политическая ситуация в то время была очень неблагоприятной для них. Кроме того, Советский Союз не был заинтересован к возвращению корейцев, на Родину, поскольку они требовали, чтобы корейские рабочие работали в горнодобывающей промышленности, рыболовстве и во всех отраслях промышленности в регионе. Некоторые из сахалинских корейцев отправились в Северную Корею, а остальные со временем, постепенно смирились со сложившейся ситуацией.



А – Симодский договор 1855 г.



Б – Петербургский договор 1875 г.



В – После русско- японской войны 1905 г.



Г – После окончания Второй мировой войны в 1945 г.

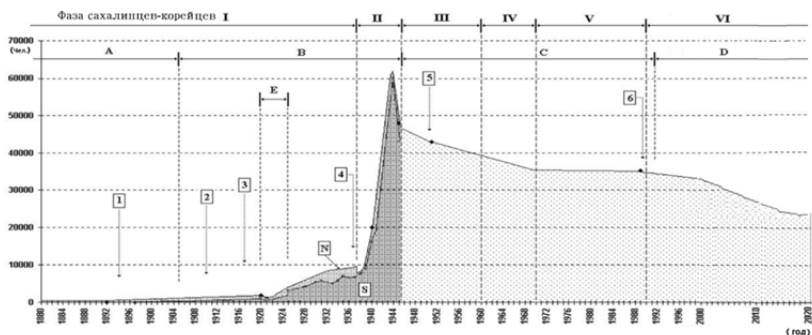
Рис. 1. Изменение Сахалинской границы [17, р. 44–74]

Начиная с периода адаптации в 1960-х гг., в жизни корейцев, живущих на Сахалине в 1970-х гг., наступил относительно стабильный период. С распадом Советского Союза у сахалинских корейцев наступает новый знаковый период. Когда Россия и Южная Корея установили дипломатические отношения в 1990 г., корейцы смогли посетить свои родные города в Южной Корее. С 1992 г. пожилые корейцы на Сахалине впервые смогли вернуться в Южную Корею.

Кроме того, после распада Советского Союза произошли конфликты между различными народами, и некоторые мигрировали из Центральной Азии на Дальний Восток России. С другой стороны, все больше корейцев покинули Сахалин, чтобы найти работу в другом месте.

В 1990-е гг. сотни бизнесменов, миссионеров и студентов из Кореи приехали на Сахалин. Сотни северокаорейских строителей и корейцев из Северо-Восточного Китая (*чосонджок*) приехали на Сахалин для коммерческой деятельности.

Корейская миграция на Сахалин может быть разделена на шесть миграционных периодов в соответствии с изменениями в политической и исторической ситуации. Это ранний период миграции до 1905 г.; период свободной миграции (1905–1937 гг.); период вынужденной миграции (1937–1945 гг.)



Фаза сахалинцев-корейцев: I. Период свободной миграции: 1937; II. Период вынужденной миграции: 1937–1945 гг.; III. Запутанный период: 1945–1950; IV. Адаптация: 1960–1970; V. Относительная стабилизация: 1970–1990; VI. Время перемен: 1990 – наши дни

Классификация исторических периодов на Сахалине: А. Российская империя; В. Раздельное владение; С. Советский Союз; D. Российская Федерация; Е. Японская оккупация северного Сахалина.

Основными мотивами перемен являются: 1. Восстание корейских крестьян. 2. Аннексия Кореи японцами. 3. Русская революция. 4. Вынужденная миграция на север Сахалина. 5. Корейская война. 6. Установление корейско-советских дипломатических отношений. N: Северный Сахалин S: Южный Сахалин

Рис. 2. Развитие народонаселения корейцев на Сахалине

Период вынужденной миграции в Японии совпадает со временем, когда корейцы были вынуждены перебраться в советскую Центральную Азию с Северного Сахалина (1937 г.). С тех пор корейцы, которые жили в Советском Союзе, вступили в проблемный период (1945–1959), те корейцы, которые остались со своими японскими

женами, вернулись в Японию, а оставшиеся корейцы испытывали ряд проблем. Позже, период переселения (1959–1989) можно рассматривать как относительный период стабилизации, и новый переходный период начинается в 1990 г. и оформляется на фоне распада Советского Союза.

3. Миграция корейцев на Сахалин в японский колониальный период

В 1905 г. Корея утратила независимость в результате подписания Договора о протекторате, а корейская армия была распущена в 1907 г. Инцидент усилил иммиграцию политических изгнанных в Россию. Поиск политического убежища в дополнение к экономическим мигрантам увеличил число корейцев в России с 23 тыс. (1898 г.) до 27 тыс. (1899 г.), затем до 39 798 (1906 г.) и 46 430 (1907 г.). Несмотря на сопротивление, Корея в конце концов была аннексирована Японией в 1910 г.

С 1905 г. многим сторонникам корейского национально-освободительного движения и патриотическим интеллектуалам пришлось покинуть свою родину. Они пытались продолжать борьбу с японским колониальным правлением с территории Маньчжурии и России.

Несмотря на рост населения Кореи в период японского колониального правления, множество людей покидали свою родную страну из-за экономических и политических проблем. В 1918 г. после завершения грабительской земельной реформы множество фермеров лишились средств к существованию и уехали из Кореи в Японию, Россию и Маньчжурию.

Некоторые из этих корейцев переехали на Сахалин в поисках работы. На Сахалине была более высокая заработная плата, чем в других регионах Кореи и Японии из-за суровых природных условий и нехватки рабочей силы, что способствовало продолжительной миграции на большие расстояния бедным корейским фермерам. С 1910 г. число иммигрантов в Японию быстро увеличилось и достигло сначала 4000 чел. в 1915 г., а к 1944 г. – 2 млн.

По различным оценкам количество корейцев, уехавших за пределы Кореи, к 1925 г. насчитывало до 1,5 млн человек. Частичная военная мобилизация в 1939 г. и всеобщая мобилизация в 1944 г. привели к сокращению населения Кореи на более чем 700 тыс. человек. Согласно данным промежуточной переписи, проведенным японской колониальной администрацией в мае 1944 г., число корейцев на Корейском полуострове составило 25 918 000 человек, включая 759 тыс. японцев.

назвать «северным морским путем». Большинство же корейцев, которые мигрировали на Сахалин во время колониального периода, предпочитали мигрировать на Южный Сахалин, который был частью Японской империи.

Маршрут сахалинских иммигрантов в основном начинается в Пусане, куда будущие переселенцы прибывали на поезде из разных регионов Кореи, затем Симоносеки, Токио, Аомори, Хакодате, Вакканай.

Поезда были доступны только для Аомори, суда обслуживались сахалинским портом Корсаков, а также использовались порты Холмск и Углегорск к западу от Сахалина. Мигранты также отправились на восточное побережье в Поронайск на корабле и часто приезжали в Корею прямо из Томари или Найбути в районе шахты Сахалина.

Тогда также действовали другие маршруты между Кореей и Японией: Пусан – Симоносеки, Мокпхо – Хакодате, Мокпо – Симоносеки, Йосу – Симоносеки, Йосу – Хакодате и Пусан – Хакодате, Кроме того, действовал маршрут Чеджу – Осака, обслуживавшийся судном «Кимигаё-мару».

Список литературы

1. 기무라 겐지. 關釜連絡船이 輸送史에서 차지하는 위치 // 韓國民族文化. 2006. Vol. 28. P. 167–182.
2. 김민영. 植民地時代 勞務動員 勞働者の 送出과 鐵道,連絡船 // 한일민족문제연구. 2003. Vol. 4. P. 41–68.
3. 류교열. 帝國과 植民地の 境界와 越境 // 한일민족문제연구. 2006. P. 211–241.
4. 이재혁. 러시아 사할린 한인 이주의 특성과 인구발달 // 국토지리학회지. 2010. Vol. 44, N 2. P. 181–198.
5. 이재혁. 일제강점기 사할린의 한국인 이주 // 한국 시베리아연구. 2011. Vol. 15, N 1. P. 85–135.
6. 南滿洲鐵道株式會社. 露領沿海地方及北樺太, 大連. 1922(大正十一年).
7. 朴慶植, 山田昭次 監修, 梁泰昊 編. 朝鮮人強制連行論文集成, 明石書店. 1993.
8. 林えいだい. 消された朝鮮人強制連行の記録 – 關釜連絡船と火床の坑夫たち, 明石書店. 1989.
9. 長澤秀. 戰時下 朝鮮人 強制連行資料集, 1-4券, 東京. 1991.
10. 淨土草也. 朝鮮人の強制連行と徴用 – 香川縣三菱直島製鍊所と軍事施設, 社會評論社, 東京. 1992.
11. 朝鮮人強制連行真相調査團 編. 強制連行された朝鮮人の証言、明石書店. 1990,
12. Stephan J. J. Sakhalin; A History. Clarendon Press: Oxford. 1971,
13. Vysolov M. A Brief History of Sakhalin and the Kulils. Yuzhno-Sakhalinsk, 1996.

14. *Yi Jae-Hyuk*. Sachalin-Koreaner – Eine zufaellige Migration // Korea Forum. 2001. Vol. 11. P. 34–38.

15. *Yi Jae-Hyuk*. Koreanische Migration nach Russland // Mitteilungen des Instituts fuer Asienkunde Hamburg. 2002. N 354. P. 257–274.

16. *Бок З. К.* Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск : Юж.-Сахалин. гос. пед. ин-т : Сахалин. центр документации новейшей истории, 1993, 222 с.

17. *Высоков М. С.* История Сахалина и Курил в самом кратком изложении. Южно-Сахалинск, 1994. 96 с.

18. *Кузин А. Т.* Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 1993. 368 с.

19. *Песоцкий В. Д.* Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск, 1913.

Korean Migration to Sakhalin

Yi Jae-Hyuk

President of the Arctic Society, Seoul, Republic of Korea

Abstract. In 2019, about 27 thousand Koreans live on Sakhalin. In the midst of a whirlwind of change in Korean and world history in the 20th century, the migration and settlement of Koreans in Sakhalin has a special history and unique character. In 1855, Sakhalin became a joint possession of the two countries by signing an agreement between Russia and Japan. After that, in accordance with the Treaty of 1875, Sakhalin belonged to Russia, and the Kuril Islands belonged to Japan. From 1860 to 1905 Sakhalin was used as a reference. After the defeat of Russia in the Russo-Japanese War of 1905. It was divided into the South and North of Sakhalin. And, occupied the north by Russia and the south by Japan. Most Koreans lived as workers in the south of Sakhalin, which was occupied by Japan. During World War II, Koreans were brought to South Sakhalin as forced laborers. At the end of the war, between 43,000 and 50,000 Koreans lived throughout Sakhalin Island. Then, with the defeat of Japan in World War II, southern Sakhalin entered the Soviet occupation, and the Koreans on Sakhalin became immigrants regardless of their will. After the victory of the allies, the Koreans in Sakhalin wanted to return to their homeland, but the political situations at that time were very unfavorable for the Koreans. In addition, the Soviet Union was not interested with the return to their homeland. As they demanded the Korean workers who were working in the mine, fishing and all industries in Sakhalin. Some of South Korean went to North Korea. With the collapse of the Soviet Union, the Koreans on Sakhalin are facing a new stage. When Russia and South Korea established diplomatic relations in 1990, Koreans were able to visit their hometowns in South Korea. Since 1992, older Koreans on Sakhalin have been able to return to South Korea.

Keywords: Korean migration, Sakhalin, Russia, Japanese colonial period, forced laborer, accidental migration.

Yi Jae-Hyuk, Ph.D. in Geography, President of the Arctic Research Association; e-mail: yijenie@hanmail.net

Ли Джехёк, кандидат географических наук, президент Ассоциации арктических исследований; e-mail: yijenie@hanmail.net

Экономическое развитие Северной Кореи и эволюция советско-северокорейских отношений в 1950-х гг.

Н. И. Матвеева

Школа востоковедения и африканистики (SOAS),
Лондонский университет, Лондон, Великобритания

Аннотация. Рассматривается развитие отношений между КНДР и СССР в 1950-х гг. с фокусом на взаимосвязь между внешнеполитической ситуацией и стратегиями внутреннего экономического развития. Используются различные первичные источники, включая архивные материалы советского посольства в Пхеньяне.

Ключевые слова: Северная Корея, Советский Союз, экономическое развитие, советско-северокорейские отношения, 1950-е гг., экономические стратегии.

С момента официального установления дипломатических связей между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой вопросы экономического сотрудничества и развития были важным аспектом двусторонних отношений. Однако если для КНДР Советский Союз был основным торговым партнером, донором материальной помощи и технологий, то СССР изначально сотрудничество с Северной Кореей воспринимал скорее с точки зрения политических и стратегических интересов, предоставляя помощь, но не вмешиваясь в вопросы внутреннего экономического развития¹.

Руководство Северной Кореи начиная с 1940-х гг. делало упор на приоритетное развитие тяжелой промышленности и машиностроения, в ущерб сельскому хозяйству и легкой промышленности [3]. Эта стратегия опиралась на опыт советской индустриализации 1930х гг., которую северокорейское руководство рассматривало как наилучший путь построения социализма [2]. Однако в начале 1950-х, и особенно после смерти Сталина, даже Советский Союз уже не считал ее оптимальной для развивающихся стран социалистического лагеря. Поскольку Северная Корея, в силу географического положения, рассматривалась как «витрина социализма на Дальнем Востоке», она должна была быть более богатой и развитой, чем Южная Корея²,

¹ АВПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 4–6.

² АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 12. П. 70. Д. 36. Л. 45–48; АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 12. П. 68. Д. 5. Л. 128–131.

чтобы доказать мировому сообществу превосходство социалистического пути развития, а для этого было недостаточно только высоких показателей в тяжелой промышленности.

Поэтому с середины 1950-х гг. Советский Союз начал проявлять более активное внимание к внутренней экономической политике КНДР, настаивая на том, чтобы корейское руководство снизило темпы индустриализации, уделяло больше внимания и средств развитию легкой промышленности и повышению уровня жизни населения, приостановило коллективизацию, которая активно проводилась с окончания Корейской войны, и включилось в международное разделение труда в социалистическом лагере.¹ Эти советы шли вразрез с позицией Ким Ир Сена и корейского правительства [4], вызывая недовольство [5], которое еще усилилось после прямого вмешательства СССР во внутренние дела Кореи в сентябре 1956 г. [1; 6]. Однако несмотря на это, в середине 1950х КНДР, зависевшая от экономической помощи и политической поддержки Советского Союза, не могла себе позволить открыто идти против него.

Трехлетний план развития народного хозяйства страны (1954–1956 гг.) был объявлен успешно выполненным в 1956 г., а с ним и послевоенное восстановление экономики. Следующий, пятилетний план (1957–1961 гг.) должен был быть посвящен непосредственно экономическому развитию. Согласно принятой в то время процедуре, перед утверждением его требовалось обсудить с «китайскими друзьями» и с советским Госпланом, и получить одобрение последнего.

Несмотря на то что официально целью плана было объявлено удовлетворение потребности населения в продовольствии, одежде и жилье, половина всех инвестиций была отведена на тяжелую промышленность (производительность которой должна была вырасти в 2,5 раза), тогда как на легкую промышленность и сельское хозяйство приходилось только 12 %. Это шло вразрез с советами СССР и представлениями о том, как должна была развиваться корейская экономика. Это также был, пожалуй, последний раз на многие десятилетия, когда СССР и КНР сошлись по вопросу Северной Кореи: рассмотрев проект плана, они оба настоятельно рекомендовали КНДР пересмотреть пропорции инвестиций и уделить приоритетное внимание сельскому хозяйству, а не тяжелой промышленности.²

Официально, правительство КНДР выразило благодарность Советскому Союзу и пообещало внести соответствующие исправления

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 314.

² АВПРФ. Ф.0102. Оп.13. П. 74. Д. 39. Л. 83–95.

в план. Однако по подавляющему большинству пунктов сделано это так и не было, а резкая критика от СССР усилила недовольство корейского руководства.¹ Пятилетний план был объявлен досрочно выполненным по промышленным показателям в 1959 г., тогда как легкая промышленность, производство товаров потребления, жилищное строительство значительно отставали от заявленных целей.

Выполнение этих целей было перенесено на семилетний план (1961–1967), основной задачей которого было заявлено всестороннее повышение уровня жизни населения. По проекту, озвученному Советскому Союзу и представителям «братских стран», в первой половине плана не должно было быть начато никаких новых проектов в тяжелой промышленности. Однако в своих публичных выступлениях Ким Ир Сен продолжал говорить о необходимости приоритетного развития тяжелой промышленности, не меняя своей позиции с 1950-х гг. Советский Союз же после ознакомления с планом вновь указал на необходимость большего внимания и вложений в сельское хозяйство, и постановки реально выполнимых, а не завышенных целей.²

Однако к началу 1960-х гг. политическая ситуация в мире и среди стран социалистического лагеря изменилась, и советско-китайский конфликт отразился также и на советско-северокорейских отношениях. С одной стороны, Советский Союз уже не был неоспоримым лидером мирового социалистического движения, и его соперничество с КНР давало Корею возможность ограничить советское влияние на внутренние дела страны. Так, в случае с семилетним планом, в отличие от пятилетнего, СССР был представлен уже утвержденный документ, и его одобрение не требовалось. Советский Союз, со своей стороны, в изменившихся условиях придавал все больше политического значения отношениям с Северной Кореей, стремясь удержать ее в своей сфере влияния, и потому стал гораздо более осторожным в своих советах и ведении двусторонних отношений. Дистанцирование СССР от вмешательства во внутреннюю политику дало КНДР свободу следовать своей предпочтительной стратегии экономического развития и приоритетно развивать тяжелую промышленность, не скрывая этого и не прислушиваясь к советам СССР. Так, семилетний план практически с самого начала не следовал утвержденному проекту, а был пересмотрен в пользу тяжелой промышленности и машиностроения.

¹ АВПРФ. Ф.0102. Оп.13. П. 72. Д. 3. Л. 252, 323.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 452. Л. 138–149.

К середине 1960-х гг. в глазах корейского руководства Советский Союз из «старшего товарища» и примера для подражания превратился в донора экономической помощи¹. Когда Хрущев был смещен с поста руководителя СССР в 1964 г., Ким Ир Сен выразил свою позицию по двусторонним отношениям: «...мы не терпим великодержавных замашек и на каждую такую замашку вынуждены отвечать, мы не хотим и не позволим никому вмешиваться в дела нашей партии, в дела нашей страны. Нам видней, как вести корейскую революцию»². Фактически это означало, что КНДР теперь ожидала равноправных отношений с Советским Союзом, без вмешательства последнего во внутренние дела Кореи, и без права диктовать экономическую политику. Советский Союз, со своей стороны, после активного вовлечения во внутренние дела КНДР в середине-второй половине 1950х гг., в 1960х вернулся к позиции дистанцирования и предоставления экономической помощи, но не вмешательства, с целью удержать Корею от перехода на китайскую сторону в советско-китайском конфликте. Эта трансформация оказала важное влияние на экономическое развитие Северной Кореи и на советско-корейские отношения, и ее эффект прослеживается вплоть до настоящего времени.

Список литературы

1. Ланьков А. Н. Август, 1956 г.: Кризис в Северной Кореи. М. : Росспэн, 2009. 350 с.
2. Buzo A. The Guerilla Dynasty: Politics and Leadership in North Korea. London : Tauris, 1999.
3. Kim Il-sung. Works, Vol. 8: August 1953 – June 1954. Pyongyang : Foreign Languages Publishing House, 1981.
4. Kim Il-sung. Works, Vol. 9: July 1954 – December 1955. Pyongyang : Foreign Languages Publishing House, 1982.
5. Okonogi M. North Korean Communism: In Search of Its Prototype // Korean Studies: New Pacific Currents / ed. by Dae-Sook Suh. Honolulu : University of Hawaii, 1994.
6. Person J. Solidarity and Self-Reliance: The Antinomies of North Korean Foreign Policy and Juche Thought, 1953–1967. PhD thesis. George Washington University, 2013.

North Korean Economic Development and the Evolution of the North Korean-Soviet Alliance in the 1950s

Natalia I. Matveeva

School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London

¹ АВПРФ. Ф. 0102. Оп.18, П. 93. Д. 4. Л. 188.

² АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П.101. Д. 5. Л. 205.

Abstract. This paper looks at the Soviet-North Korean alliance from the end of the Korean War and the death of Stalin in 1953 to the process of drawing up the Seven-year plan (1959–1960), with a focus on the often-understudied connection between international politics and domestic economic development strategies. Based on a variety of primary sources, it aims to show how the alliance dynamics was reflected in the economic sphere.

Keywords: North Korea, Soviet Union, economic development, economic development strategies, 1950s, bilateral relations

Матвеева Наталья Игоревна, PhD, преподаватель, факультет языков и культур Восточной Азии, Школа востоковедения и африканистики Университета Лондона; e-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru

Matveeva Natalia Igorevna, PhD, Teacher, Department of East Asian languages and Cultures, SOAS; University of London; e-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru

УДК 94

Революционные события в России и активизация антияпонской борьбы в Корее в конце 10–20-х гг. XX в. (по страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства)

Л. В. Овчинникова

Московский государственный университет им М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. Автор обращается к теме антияпонской борьбы в конце 10–20-х гг. XX в., пытаясь проследить, как оценивают её издания японского генерал-губернаторства, прослеживают ли они связь между её активизацией и революцией в России. Один из главных их тезисов сводится к тому, что в Корее не было внутренних условий для активной освободительной борьбы, что она экспортировалась Москвой.

Ключевые слова: колониальная Корея, генерал-губернаторство, японская администрация, антияпонская борьба, освобождение Кореи.

Тема колониальной истории Кореи продолжает оставаться актуальной и в наши дни. Одним из важных источников его изучения можно считать служебные издания японского генерал-губернаторства, в частности публикации японской тайной полиции, суда, прокуратуры, изданные в Сеуле на японском языке в 20–30-х –

начале 40-х гг. В данной статье автор обращается к теме антияпонской борьбы в конце 10–20-х гг. XX в., пытаясь проследить, как оценивают её японские издания, прослеживают ли они связь между нею активизацией и революцией в России. Сведения, содержащиеся в исследуемых изданиях способны помочь исследованию политики японских властей, их оценки происходящих в колониальной Корее событий, а также исследованию корейской освободительной борьбы. В первую очередь это касается внешних и внутренних факторов, как стимулировавших, так и ограничивающих эту борьбу.

В частности, в издании «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» [5, с. 7] говорится об этих внешних факторов. При этом особо отмечается большое влияние на Корею революционных событий в России. Оно было сильным по ряду причин. Среди них – соседство стран; наличие в России большого числа корейских отходников, сезонных рабочих, политических эмигрантов; участие корейцев в гражданской войне на Дальнем Востоке. Думается, что признавая большую объективно обусловленную роль октябрьских событий, не следует их абсолютизировать, учитывая и отрицательные черты большевистского опыта. Под ними имеются в виду в широком плане жесткая бескомпромиссность, приверженность к радикальным действиям, перенесение в Корею, перед которой стояли национально-освободительные задачи, непосредственно социалистических задач. Не поддерживая безоговорочно основной тезис японских изданий об исключительном диктате Москвы при полном отсутствии внутренних условий для освободительной борьбы, автор все же хочет напомнить о существенной помощи со стороны Москвы, о роли Коминтерна, Профинтерна, других организаций. Правда, их решения, указания, рекомендации, как известно, были далеко неоднозначны: наряду с дельными советами и практической помощью в Корее насаждались большевистские приемы, советский опыт, механически воспринимавшийся патриотами, что вело к огромным издержкам и жертвам.

Источники пишут о воздействии на Корею и США, в частности «14 пунктов» Вильсона. Из материалов изданий следует, что для значительной части корейского населения, среднего класса, особенно интеллигенции, была характерна ориентация на США. И это не мешало оставаться ей на позициях активного патриотизма.

Влияние на движение 1919 г. революционных событий в России было достаточно серьезным, что не могло не беспокоить колониальную администрацию. Так издание «Корейская полиция» отмечает: «В начале 1-ой мировой войны в Корее было много недоволь-

ных. Но особенно это недовольство и движение народных умов возросло после второй русской революции 1917 г., а также интервенции в Сибири. Стало нарастать движение за независимость, разжигаемое корейцами, находящимися за границей» [7, с. 65]. В закрытых японских изданиях оно неизменно связывалось с «рукой Москвы»; утверждалось, что «среди народа насаждаются идеи о том, что только решительной борьбой, насилием можно добиться независимости. Характерно, что движение за независимость внедряются интеллигенцией и подхватывается массами» [7, с. 65; 1, с. 37–40]. «Словарь тайной полиции» также пишет, что «идеи независимости в это время (конец 10-х гг.) получили распространение среди широких народных масс» [4, с. 275]. Выступления с освободительными лозунгами стали именоваться «идеологическими преступлениями». В издании «Корейская полиция» содержатся материалы и об активизации партизанской и других форм борьбы в период после революционных событий в России. «С февраля 1919 г., – говорится в нем, – партизаны действовали небольшими группами в районе гор и лесов. Они совершали набеги, разрушали полицейские участки, убивали полицейских, захватывали оружие». Очень часто местное население содействовало их борьбе, укрывало их и даже помогало разрушать полицейские посты и официальные учреждения. «Это имело большое политическое значение и власти усилили надзор за этими районами. Были проведены аресты и очищение районов путем неоднократных облав» [7, с. 65]. По материалам японского генерал-губернаторства в 1920 г. был зарегистрирован 1651 случай нападения партизан, а участвовало в них 4613 чел [Там же]. Не исключено, что цифры завышены, тем не менее, они показательны.

В первое десятилетие японского господства в стране сложилась взрывоопасная ситуация, острого накала достиг протест против национального гнета и социального бесправия, что предопределяло неизбежность взрыва народного недовольства. Это вылилось в мощное общенациональное, самое крупное в те времена на колониальном Востоке в конце 10-х – начале 20-х гг. освободительное движение 1919 г. [2, с. 284–290; 1, с. 52–58].

Как указывалось выше, японские издания говорят о тесном переплетении в корейской освободительной борьбе двух внешнеполитических ориентаций, что убедительно засвидетельствовали и события 1919 г. Они же подтвердили и наличие внутренних условий для развертывания антияпонской борьбы. Реформы, на которые была вынуждена пойти Япония, – одна из побед народного движения 1919 г. Одновременно они показали многоплановость системы мер,

предпринятых Японией, маневренность и гибкость ее политики. Старые методы управления в колонии в новых мировых и внутренних условиях требовали значительных изменений, и реформы были проведены. Они охватывали различные области общественной жизни, урезанные, но вместе с тем ощутимые для народа. Была провозглашена так называемая «эра культурного управления».

При всей ограниченности курса реформ, они вызвали определенную либерализацию режима, облегчали условия антияпонской борьбы [1, с. 56–58; 3, с. 473–476]. Стала возможной легальная деятельность организаций и печати, хоть и в ограниченной степени. В корейских газетах появились публикации о событиях в России, о коммунистическом учении, о Ленине. В японских полицейских изданиях этот период именуется как время легальной деятельности патриотических сил. В них содержится тезис, что в период 1920–1925 гг. леворадикальное или «коммунистическое» «преобладало над националистическим», подавляя его. Тезис этот требует корректировки. Рассматриваемое пятилетие было временем так называемого культурного управления, реформ, когда несколько расширились возможности легальной деятельности левых сил. В условиях большого влияния на Корею революционных событий в России многие националисты потянулись в марксистские кружки, леворадикальные группы. То была дань моде. Думается, источники все же завышают степень влияния леворадикальных групп в массах, оно было сильным, но не преобладало над влиянием других организаций, выступающих с антияпонскими лозунгами. Националистические организации и деятели блокировались с леворадикальными, коммунистическими группами, в частности во время июньских событий 1926г. Источники говорят о высоком патриотическом подъеме разных слоев населения, в первую очередь интеллигенции, учащейся молодежи. Накал антияпонских настроений в это время был особенно велик. Активную роль играло и религиозное общество Чхондогё; во время июньских событий они выступили совместно с леворадикальными силами. Несмотря на массовые аресты, борьба прогрессивных сил за единство действий, за сотрудничество патриотических организаций продолжалась, на что указывает, в частности, и деятельность общества Синганхве, созданного в 1927 г. Правда, действовало оно недолго. Источники называют его организацией «бескомпромиссной», т. е. прокоммунистической, также прослеживая в его деятельности «руку Москвы» [5, с.9]. Говоря о едином корейском антияпонском фронте, точнее о его зачатках, в 20-е гг. надо охарактеризовать его как объединение усилий снизу. Удар по нему был нанесен решения-

ми VI конгресса Коминтерна, в котором содержались левацкие, сектантские установки.

Дальнейшее развитие антияпонского сопротивления проходило в Корее в условиях мирового экономического кризиса, нарастающей милитаризацией Японии и нового курса Коминтерна. В конце 20-х гг. произошел ряд крупных выступлений рабочих, крестьян, интеллигенции [3, с. 486–490]. Возникнув на базе ухудшающегося положения масс, усиливающейся дискриминации корейцев, они вместе с тем – в той или иной степени – явились результатом деятельности патриотических сил. Но уже начали ощущаться в антияпонской борьбе отзвуки левацких установок VI конгресса Коминтерна. Происходило смещение акцентов в задачах борьбы с национально-освободительных на классовые, отход от позиций единого антияпонского фронта патриотических сил.

Итак, материалы закрытых изданий японского генерал-губернаторства указывают на наличие в рассматриваемый период большого влияния на Корею революционных событий в России, что способствовало распространению идей национальной независимости и социальной справедливости.

Список литературы

1. История Кореи. Т. 2. М. : Наука, 1974. 480 с.
2. История Кореи (Новое прочтение). М. : РОССПЭН, 2003. 429 с.
3. Хан Ёнъу. История Кореи – новый взгляд. М.: Вост. лит. РАН, 2010. 758 с.
4. Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн (Словарь тайной полиции), Сеул : издание генерал-губернаторства, 1935. 258 с. (на япон. языке).
5. Сайкин-ни окэру тё:сэндиан дзё:кё: = Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время. Сеул : Изд. генерал-губернаторства, 1939. 480 с. (на япон. яз.).
6. Сисо: ихо: = Вестник идеологии. Вып. 1937 г. № 11. Сеул : Изд. генерал-губернаторства, 1937. 321 с. (на япон. языке).
7. Тё:сэн кэйсацугайё: = Корейская полиция. Сеул : Изд. генерал-губернаторства, 1938. 161 с. (на япон. яз.).

Russian Revolution and Korean Resistance to Japanese Colonial Rule Reflected in Documents of Japanese Administration (10-s & 20-s of the 20th Century)

Liubov V. Ovchinnikova

Institute of Asian and African Studies, Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to Korean colonial history, particularly to Korean struggle for independence and Russian Revolution's influence in the first 2 decades of the 20th century. The author undertakes a task to see how the struggle against Japa-

nese colonial rule is reflected in the editions of Japanese colonial administration. One of the main statements we see in these books is that there were no conditions for active struggle against Japanese rule, that it was exported from abroad, particularly Soviet Russia. The authors of all of these books mention the big influence Russian Revolution had on Korean struggle for independence. All forms of uprising with liberation slogans were linked with Soviet Russia. It cannot be said that there was full dictate from Moscow with no ground for liberation activity in Korea. Recommendations and directions made by Moscow, the Komintern, etc. had been helpful and important, but at the same time Bolshevik methods, Soviet experience set on Korean soil often led to big expenses and sacrifice.

Keywords: colonial Korea, Japanese administration, Governor-general Office, liberation movement, struggle for independence.

Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: lovchin@yandex.ru

Ovchinnikova Liubov Vsevolodovna, Ph.D. (in History), Associate Professor, Japanese Philology Department, Institute of Asian and African Studies; Moscow State University; e-mail: lovchin@yandex.ru

УДК 94(470)

Корейская диаспора Приморья в политической борьбе России, Китая и Японии начала XX в.

В. В. Синиченко

Академия управления МВД России, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы политики российских властей в отношении корейской общины Приморья в начале XX в. Отмечается, что попытка консолидации корейского населения посредством создания общественной организации «Общество по поощрению предпринимательства (труда)» («Квонопхве»), вызвала негативную реакцию со стороны соседних держав. Япония и Китай рассматривали корейцев как русскоподанных, так и не принявших российское подданство, но проживавших на русском Дальнем Востоке, как население, имеющее важное значение при решении пограничных задач. Японская оккупационная администрация Кореи считала, что корейцы Приморья участвуют в антияпонской антиколониальной борьбе и стремилась внедрить своих агентов как в корейскую общину, так и дискредитировать тех корейцев, которые вступили в созданную российскими властями общественную организацию. Китайские политические элиты рассматривали корейцев как родственный и союзный народ, который можно было бы использовать в борьбе с «экспансионистскими устремлениями» Японии и царской России в регионе. Все это в совокупности привело к тому, что корейская община Приморья использовалась как японской,

так и китайской разведкой как для сбора информации, так и для внедрения агентов с целью дискредитации пророссийски настроенных элементов. Мы можем отметить и разницу в оценке корейских общественных деятелей между военными (Военное министерство, контрразведка и разведка штабов округа) и правоохранительными (МВД, корпус жандармов) властями Российской империи. Если первые видели в корейцах шпионов «сопредельных держав», то вторые оценивали, как перспективную работу в корейской общине и предполагали, что многих корейцев можно использовать в антияпонских акциях. Однако начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война положила конец этим дискуссиям. После того как Япония вступила в войну с Германией и стала союзницей России, было принято решение о ликвидации корейской общественной организации «Общество по поощрению предпринимательства (труда)» («Квонопхве»). Многие корейские политические деятели были арестованы и высланы в отдаленные области империи или депортированы в Китай.

Ключевые слова. Корейцы, Дальний Восток, корейские общества, шпионаж, жандармы, российская администрация.

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. движение корейских патриотов против японских оккупантов вызывало сильное беспокойство у японского правительства. Начиная с 1908 г. оно сделало ряд представлений русскому правительству и местным русским властям на Дальнем Востоке о принятии мер против участников антияпонского движения, но русские власти никаких действий, не говоря уже о выдаче в руки японцев корейских патриотов не предпринимали [1, с. 141].

Более того, в ноябре 1911 г. в России было создано «Общество по поощрению предпринимательства» («Квонопхве»), поддержанное Приамурским генерал-губернатором Н. Л. Гондатти, который даже стал его почетным членом. Председателем общества стал Чхве Джэ Хен (П. С. Цой). В сложившихся условиях японская разведка приняла решение внедрить агентов в корейскую диаспору русского Дальнего Востока и устроить столкновение между корейскими патриотами и российскими властями.

Прежде всего японская разведка поставила своей целью развал корейского общества и дискредитацию Чхве Джэ Хена (Петра Цой). Они сфабриковали ложные сведения о том, что Чхве Джэ Хен якобы вошел в тайные сношения с японскими властями. Начальник штаба Приамурского военного округа по получении таких сведений обратился с вопросом в Иркутское жандармское управление, нет ли сведений о том, чем занимался Петр Цой в Японии после русско-японской войны [4, л. 192].

Чхве Джэ Хен был допрошен жандармами, который пояснил, что действительно посещал Японию после окончания Русско-японской войны, жил там полгода и с ним пытались контактировать представители японских властей. Однако он отверг их предложения. С целью его дискредитации японцы перевели небольшую сумму денег ему на счет [3, д. 30, л. 4–15].

Тем не менее японцы продолжали свои попытки. 31 марта 1913 г. ротмистр отдельного корпуса жандармов Владивостокской крепостной команды Акцынов получил от командира 37-го Сибирского стрелкового полка уведомление, что в городе Иман в марте 1913 г. остановился кореец Ли Джон Хо (один из помощников П. Цоя), который находится в сношениях с проживающим в Хунчуне корейцем Ху Анг Пенгом, который состоял агентом по разведке у китайских властей. В связи с этим русские военные информировали жандармов, что Ли Джон Хо, связанный с П. С. Цоем, действует в интересах Китая, а не России [3, д.30, л.68].

Отметим, что 6 июля 1913 г. у Ли Джон Хо на его квартире во Владивостоке был произведен обыск и выемка переписки [3, д. 49, л. 145]. Ее изъятие позволило владивостокскому контрразведывательному отделению в августе 1913 г. прийти к заключению, что Ли Джон Хо действительно рекомендовал Хунчунскому полицмейстеру принять на службу Хан Хен Куона, он же Петр Хан, кроме того Ли Джон Хо направил с рекомендательным письмом в Китай корейца Пак Тон Гуона, устроившегося агентом по разведки у даотая города Яньцифу. На основании вышеизложенного российские военные и жандармы пришли к выводу, что некоторые корейцев из общества «Квонопхве» работают на китайскую разведку [3, д. 49, л. 147].

С началом Первой мировой войны Япония, не оставила попыток, направленных на раскол корейской общины. В августе 1914 г. во Владивостоке контрразведывательным отделом была изъята переписка местных корейцев, благодаря которой было установлено, что в деревни Кроуновке функционировала тайная корейская школа, созданная местным священником – Кимом (Пхе Шу Ритюном). Тайное корейское общество «Кукмин хой», образовавшее военную школу, преследовало цель объединение корейцев с тем, чтобы в будущем избавиться от японского протектората и образовать независимое корейское государство.

Однако по данным негласной агентуры российской контрразведки Пхе Шу Ритюн «путем открытой им в Кроуновке школы способствовал японскому правительству привлечь на его сторону зарубежных корейцев и подчинить их влиянию того же правительства»

[3, д. 51, л. 108]. Таким образом, руками российских контрразведчиков японская разведка планировала ликвидировать корейское повстанческое движение. Для этого в корейскую общину внедрялись агенты, которые давали русским властям в отношении корейских инсургентов показания, выставлявших последних в качестве и японских шпионов.

Так как Россия и Япония в годы Первой мировой войны были союзниками, японская разведка в качестве жеста доброй воли в конце 1914 г. напрямую стала снабжать российские власти информацией «конфиденциального характера». В декабре 1914 г. японская разведка зафиксировала контакты трех немецких офицеров из германской дипломатической миссии в Японии с уже упомянутым переводчиком Пак Тон Гуоном, которую они осуществляли в Нагане. По тем же сведениям кореец Пак Тон Гуон готовился немцами к заброске на русскую территорию [3, д. 51, л. 396]. Таким образом японская сторона информировала российскую о связи китайской и германской разведок, а также использовании ими корейских агентов.

По данным негласных агентов жандармов вышеназванный Пак Тон Гуон – член общества «Квонопхве» проживал в 1913 г. в Никольск-Уссурийске у корейца Ким Изика, также, как и Ли Джон Хо подозреваемого в причастности к военной разведке в пользу Китая [3, д.49, л.148].

По информации японской стороны от 16 декабря 1914 г. кореец Юн Хе или Юн Хай работая в редакции официальной газеты «Квонопхве» – «Квонопсинмун» жил на широкую ногу, получал деньги от хунучунского китайского полицмейстера. Его оперативный псевдоним в китайской разведке был «Сельгу», а у его патрона – Ли Джон Хо «Уоль-сонг-у» [3, д.49, л.147]. Таким образом встал вопрос о ликвидации общества «Квонопхве», которое по данным спецслужб было наводнено «китайскими шпионами».

Поскольку Китай долгое время сохранял нейтралитет в Первой мировой войне и в нем были сильны прогерманские настроения, российские власти подозревали, что власти Китайской республики могли пойти на негласное сотрудничество своих разведывательных служб с германскими.

Компетентные в «корейском вопросе» чиновники царской администрации на Дальнем Востоке конечно понимали суть японских мероприятий и были против репрессий в отношении корейцев. Долгое время в отношении корейских инсургентов не предпринимались никаких действий [2, с. 217].

Однако делу активного использования корейских организаций в интересах российского правительства помешал следующий факт. Было выявлено, что германская разведка вышла на контакт с корейцами. Внимание российских спецслужб к этому событию привлек некто Ли Кап, бывший полковник корейской службы и агент японской разведки.

14 января 1915 г. он попросился в русское подданство, объявив, что его имущество в Корее отобрано японцами. Ли Кап стал сотрудничать с российской контрразведкой и сообщил важные сведения о германско-корейских контактах и создании китайско-корейской организации «Гунвей-туань», имевшей своей целью освобождение Кореи от японской оккупации.

В качестве доказательства своей преданности Ли Кап указал, что в селе Раздольном проживал под видом часового мастера китайский шпион Янь Кинсе с видом на жительство на имя Ю Текуя. Арест китайца позволил контрразведке доложить в столицу, что ликвидирован один из пунктов снабжения оружием и документами военнопленных германской и австрийской армий, находившихся в специальных лагерях на русском Дальнем Востоке, для последующего их побега за границу [3, д. 49, л. 149].

28 июля 1915 г. начальник владивостокского контрразведывательного отделения – ротмистр А. А. Немысский в донесении № 3088 в Иркутское губернское жандармское управление уведомлял руководство жандармского управления о создании корейского общества под германским влиянием.

Контрразведчик отмечал, что на китайской территории в таежной местности Надие-гоу на средства германцев было открыто корейское военное училище с кратким курсом обучения. В нем под руководством немецких и корейских офицеров обучалось 400 корейцев, часть которых (более 30) сбежала из России, уклонившихся, таким образом, от мобилизации в русскую армию.

Корейские лидеры школы пропагандировали, что так как Россия заключила с Японией военный союз, она тоже является врагом корейского народа, препятствующим обретению им национального суверенитета. «Что же касается Ли Джон Хо, – писал контрразведчик, – то названное лицо посетив корейца Ли Капа предложило ему быть начальником штаба и инструктором отряда, но Ли Кап, мотивируя свой отказ болезнью и тем, что это дело – германские проделки с целью шпионства на Дальнем Востоке, уклонился от этого предложения» [3, д. 49, л. 91].

В порядке обмена сведениями ротмистр А. А. Немысский 13 октября 1915 г. в сообщении № 5093 штабс-ротмистру отдельного корпуса жандармов Посникову отмечал: «Временно проживающий в г. Хабаровске без прописки кореец Ким Ип, он же Ким Ик Ионг, по имеющимся негласным сведениям находится в тесной связи с корейцами: 1) Ли Чжонгхо (Ли Джон Хо. – В. С.), навлекающим на себя подозрение в военном шпионаже, за что уже неоднократно высылался из Приамурского края и 2) Юн Хай, он же Юн Хе, также навлекающим на себя подозрение в военном шпионстве, и характеризующийся как агитатор среди корейского населения по привлечению корейцев в кадры формируемых германцами на китайской территории хунхузских (разбойничьих. – В. С.) шаек. По тем же сведениям Ким Ип и Юн Хе, проживая в Хабаровске собирали среди местных корейцев деньги на нужды корейской военной школы в Китае» [3, д. 61, л. 72].

Как видно из многочисленной переписки военной контрразведки и жандармских подразделений, специальный службы Российской империи предполагали, что германцы готовят корейцев, во-первых, для освобождения германских и австро-венгерских военнопленных, находившихся в лагерях на русском Дальнем Востоке; во-вторых, для диверсий на Китайской Восточной и Уссурийской железных дорогах.

В результате представлений контрразведки в декабре 1915 г. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти телеграфировал министру иностранных дел России С. Д. Сазонову, что им приняты меры – закрыты корейские газеты в Приамурском генерал-губернаторстве, а многие корейцы арестованы и высланы в разные местности Российской империи на основании административных правил периода военного времени. Только после февральской революции 1917 г. корейские патриоты вернутся в Приморье и начнут воссоздавать свои национальные организации, целью которых было освобождение Кореи от японской оккупации.

Список литературы

1. Григорцевич С. С. Участие корейцев русского Дальнего Востока в антияпонской национально-освободительной борьбе (1906–1916 гг.) // Вопросы истории. 1958. № 10. С. 139–151.

2. Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): Документы и материалы / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока, М-во образования и науки РФ, Дальневост. гос. ун-т, Центр корееведч. исслед. ; отв. ред. А. А. Торопов. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 320 с.

3. Российский государственный архив Дальнего Востока (г. Владивосток). Ф. 511 сч. Оп. 2. Д. 30; 49; 51; 61.

4. Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва).
Ф. 2000. Оп. 1. Т. 1. Д. 1050.

The Korean Diaspora in Primorye in the Political Struggle of Russia, China and Japan in the early 20th century

Vladimir V. Sinichenko

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article deals with the policy of the Russian authorities in relation to the Korean community of Primorye in the early twentieth century. It is noted that the attempt to consolidate the Korean population through the creation of a public organization "Society for the Promotion of Entrepreneurship (Labor)" ("Kwon-choi"), caused a negative reaction from neighboring powers. Japan and China considered Koreans as Russian-born, and did not accept Russian citizenship, but lived in the Russian Far East, as a population that is important in solving border problems. The Japanese occupation administration of Korea believed that the Koreans of Primorye were participating in the anti-Japanese anti-colonial struggle and sought to introduce their agents both into the Korean community and discredit those Koreans who joined the public organization created by the Russian authorities. Chinese political elites viewed the Koreans as a kindred and allied people who could be used in the fight against the "expansionist aspirations" of Japan and tsarist Russia in the region. All this together led to the fact that the Korean community of Primorye was used by both Japanese and Chinese intelligence both to collect information and to introduce agents in order to discredit pro-Russian elements. We can also note the difference in the assessment of Korean public figures between the military (the Military Ministry, counterintelligence and intelligence of the district headquarters) and the law enforcement (the Ministry of Internal Affairs, the gendarmerie Corps) authorities of the Russian Empire. If the former saw the Koreans as spies of "neighboring powers", the latter assessed them as promising work in the Korean community and assumed that many Koreans could be used in anti-Japanese actions.

However, it began in 1914. The First World War put an end to these discussions. After Japan entered the war with Germany and became an ally of Russia, it was decided to liquidate the Korean public organization. "Society for the Promotion of Entrepreneurship (Labor)" ("Kwon-hoi"). Many Korean politicians were arrested and exiled to remote areas of the empire or deported to China.

Keywords: Koreans, the Far East, Korean societies, espionage, gendarmes, Russian administration.

Синиченко Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России; e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Sinichenko Vladimir Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Секция 4

КУЛЬТУРА

УДК 378.4 + 37.014 (519)

Импорт образовательных услуг из Республики Корея в Российскую Федерацию (из опыта сотрудничества с преподавателями – носителями языка)

А. Ден

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Дан краткий обзор импорта образовательных услуг из Республики Корея в Российскую Федерацию, основанный на опыте сотрудничества языкового вуза с преподавателями – носителями корейского языка. Проведён сопоставительный и сравнительный анализ подходов и принципов обучения иностранным языкам, в частности корейскому языку, формирования коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: образование, рынок образовательных услуг, экспорт образовательных услуг, носитель языка.

Импорт образовательных услуг представляет собой внешнеэкономическую деятельность, в которой национальные субъекты образовательной деятельности осуществляют потребление образовательных услуг, произведенных и поставленных иностранными субъектами образовательной деятельности путем разработки и внедрения образовательных компонентов.

В сфере высшего образования импорт образовательных услуг предоставляет большие возможности для расширения образовательной и научно-исследовательской деятельности вузов, совершенствования профессионального уровня профессорско-преподавательского состава, продвижения отдельных образовательных технологий и программ, повышения престижа национальной системы образования в целом [1; 5].

Привлечение высококвалифицированных специалистов для работы в российских вузах является одним из механизмов решения

вопросов обеспечения соответствия предлагаемых образовательных программ мировым стандартам.

Лидирующие университеты мира имеют интернациональный состав научно-педагогических кадров, а показатель доли иностранных педагогических сотрудников используется при подсчете одного из наиболее известных мировых рейтингов университетов – QS World University Rankings, ежегодно публикуемый рейтинг университетов. В 2021 г. РГПУ вошел в данный рейтинг, целью которого является помощь обучающимся при выборе ведущих университетов по всему миру.

По данным PISA, TIMSS и других авторитетных международных образовательных исследований, наибольшей успешностью общего образования отличаются государства Юго-Восточной Азии. Статус учителя очень высокий в Республике Корея, что объясняется традициями, менталитетом [2, с. 58–64].

Российские вузы, как правило, привлекают иностранных специалистов, уже имеющих опыт работы в ведущих зарубежных университетах. Уровень сформированности профессиональной компетенции иностранных сотрудников должен способствовать развитию конкурентных преимуществ вуза. С целью содействия привлечению в российские вузы иностранных научно-педагогических кадров действуют законодательные акты, регулирующие аспекты пребывания и трудоустройства иностранных работников в Российской Федерации.

Обширный опыт привлечения иностранных сотрудников из Республики Корея позволил провести анализ принципов, подходов и методических приемов, используемых иностранными коллегами. Конфуцианские воззрения были и остаются основой корейского педагогического образования, несмотря на то, что постепенно в современном корейском обществе можно наблюдать вытеснение конфуцианских ценностей индивидуализмом, материализмом, конкурентными отношениями, которые породили рейтинговая и мониторинговая системы Болонского процесса, оценивающие не только результаты обучения студентов, но и преподавателей.

Азиатские ценности, происходя из конфуцианской философско-религиозной мысли, естественным образом отличаются от либеральных ценностей Европы, Америки. Специфика азиатских ценностей ориентированы на социальную ответственность человека, его обязательства перед обществом.

Среди ценностей корейского общества выделяются те, которые имеют непосредственное влияние на педагогическую профессиональную деятельность. Такими ценностными особенностями являются следующие.

Дисциплинированность является качеством личности, которое проявляется в выдержанности, внутренней организованности, ответственности, самодисциплинированности, а также готовности следовать установленному распорядку, правилам, принципам, принятым в определенном обществе или коллективе, в том числе трудовом.

Высокая ценность эрудиции и образованности проявляется в ценностном отношении к системе образования. Вуз повышает карьерные перспективы, способствует обретению финансовых перспектив. В современном обществе главной целью получения высшего образования является экономическая выгода.

Конфуцианское отношение к коллективу также отличает отношение иностранного сотрудника к трудовому коллективу. Прежде всего, необходимо говорить о коллективизме – идее о воспитании и жизнедеятельности человека под влиянием общин и общества. В азиатской культуре личность воспринимается через группу. На всех этапах образования можно проследить проявление этой специфической черты. Процесс обучения в высшем учебном заведении реализуется параллельно с организацией и проведением разнообразных фестивалей, мероприятий, конкурсов. В педагогической деятельности коллективизм позволяет воспринимать учебную группу разного возраста как единое целое.

Иерархия, проявляющаяся в лингвистических и экстралингвистических средствах, находит отражение и в отношениях между коллегами, преподавателями и обучающимися. Иерархия представляет собой систему как подчинения, так и уважения друг к другу всех участников образовательной деятельности.

Вместе с тем стоит отметить то, что корейские коллеги, как и российские, укрепляются во мнении о том, что традиционное уважение и непоколебимость статуса учителя постепенно снижается. Переход на дистанционный формат обучения в период противодействия распространению коронавирусной инфекции привел к ослаблению результатов педагогической деятельности и выявил недостатки в реализации процесса обучения. Взаимодействие преподаватель-обучающийся претерпело некоторые изменения и в условиях принимает форму консультант-обучающийся.

Самосовершенствование – это еще одно качество, которое представляет собой ценность для корейского преподавателя. В чем же проявляется самосовершенствование преподавателя? Не только духовно-нравственное, но и готовность учиться на протяжении всей профессиональной жизни. Для современного корейского преподавателя крайне важно владение компьютерными технологиями, высо-

кий уровень сформированности навыков работы с современной техникой является неотъемлемой составляющей профессиональной компетенции преподавателя [3, с. 143–144].

Крайне важным также является привлечение разнообразных педагогических технологий обучения иностранным языкам. В частности, приветствуется интерактивная составляющая, групповая работа, как речевое взаимодействие двух или более людей. Интерактивные методы обучения помогают научить и сформировать навыки взаимодействия посредством иностранного языка, в частности корейского языка.

Использование игровых приемов, которые чаще используются на занятиях представляют собой способы совместного развития сюжетно игрового замысла путем решения определённых задач, выполнения соответствующих игровых действий, направленных на обучение и общее развитие.

Иностранные коллеги в полной мере реализуют дидактический принцип связи теории с практикой, что предусматривает овладение учащимися и обучающимися всеми видами речевой деятельности на иностранном языке на основе минимума теоретических знаний. Определенный минимум предназначен обеспечивать коммуникативно достаточное пользование иностранным языком как средством общения и осмысленное овладение им.

Ведущая роль в овладении иностранным языком отводится практической деятельности, в частности речевой (говорение).

Как упоминалось ранее, преподаватели ответственно относятся к самообразованию, тщательно следят за развитием информационных компьютерных технологий и активно применяют современные технические средства обучения (компьютерные технологии) с целью оптимизации процесса преподавания.

Дидактический потенциал цифровых образовательных ресурсов достаточно велик, но в ситуации отсутствия преподавателя и разработанной технологии применения электронных ресурсов в процессе обучения корейскому языку потенциал снижается. Необходимо предварительная работа с учебным материалом и с обучающимися.

Коллеги используют возможности социальных сетей (KakaoTalk, Facebook, Instagram и пр.). Общие в социальных сетях предоставляют возможность лично участвовать в обсуждении разнообразных тем и возникающая при этом потребность использовать иностранный язык создают стимул для повышения уровня языковой подготовки. В данном случае интернет и социальные сети выступают в роли факторов, мотивирующих к изучению иностранного языка. Использование социальных сетей и блогов в обучении кадров является эффективным средством организации самостоятельной работы.

Список литературы

1. *Косевич А. В.* Российское высшее образование на международном рынке образовательных услуг: проблемы и перспективы // Вестник Международного института экономики и права. 2011. № 3. С. 5–21.
2. *Данилова Л. Н.* Педагогические ценности в Республике Корея // Вестник Ценности и смыслы. 2020. № 6 (70). С. 58–70.
3. *Чалая Е. В.* Ценностные составляющие профессиональной педагогической подготовки учителей в Республике Корея // Вестник ТГПУ. 2014. № 4 (145). С. 143–148.

The Educational Services from the Republic of Korea to Russian Federation (the Experience of Cooperation with Korean Native Speakers)

Anna Den

The Herzen State Pedagogical University of Russia (Herzen University)
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article examines the market of educational services from the Republic of Korea to Russian Federation. The review is based on experience of cooperation with Korean native speakers, which teach Korean language at the universities of Russia. The paper analyses differences in didactic approach, the formation of intercultural communicative competence.

Keywords: education, the market of educational services, the export of educational services, native speaker.

Ден Анна, кандидат педагогических наук, зав. кафедрой, доцент, кафедра восточных языков и лингводидактики, Институт востоковедения; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; e-mail: denanna2005den@yandex.ru

Den Anna, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department, Associate Professor, Institute of Oriental studies Department of Oriental languages and Teaching method; The Herzen State Pedagogical University of Russia (Herzen University); e-mail: denanna2005den@yandex.ru

Дом как локус пространства повседневности Южной Кореи

Т. В. Зименко

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Аннотация. Объектом исследования выступает дом как пространство повседневности южнокорейцев. Рассматривается внутренняя организация жилого пространства и семиотические смыслы, прослеживается его трансформация на фоне социально-экономических реалий последних десятилетий и в постковидную эпоху, даётся оценка роли концепта «дом» в жизни южнокорейцев сегодня.

Ключевые слова: дом, культура повседневности, Южная Корея, культура Кореи, культурология.

Дом является одним из старейших и ключевых символов в человеческой культуре. В разное время это понятие становилось объектом исследований как в области истории, этнографии и архитектуры, так и истории, лингвистики, социологии, психологии, антропологии. Его многоплановость зачастую предполагает междисциплинарный подход, призванный дать более полные ответы на такие широкие вопросы, как: что есть «дом», какова связь физического и ментального в понятии «дом», как концепт «дом» реализуется в языке и т. д. В частности, лингвокультурология рассматривает связь существующего понятия «дом» в языке с культурой народа и его менталитетом. Данная работа выполнена в рамках последнего подхода и ставит *целью* определить, во-первых, что представляет собой дом как пространство повседневности южных корейцев и, во-вторых, дать оценку роли концепта «дом» в жизни южных корейцев.

Повседневность как культурологический феномен стала самостоятельным объектом научного исследования только в середине XX в. Предпосылками для получения нового статуса стали драматичные изменения, которые происходили с обществом с начала прошлого столетия. Высокие темпы индустриализации и урбанизации повлекли за собой изменение структуры семейных и социальных отношений и вызвали пересмотр традиционных понятий и ценностных ориентаций, многие из которых локализируются вокруг понятия «дом» как исходной точки человеческой общности.

Что касается Кореи, то в прошлом, когда основообразующей единицей жизни дома была большая семья, традиционное домовое хозяйство *ханок* (한옥) состояло из одного большого двора, объеди-

нявшего группу домов, в которых жили нескольких поколений родственников. Это было основное пространство повседневности большинства корейцев вплоть до середины XIX в. *Ханок* состоял из мест общего и частного назначения. Из помещений, отведенных под конкретные задачи, можно, в частности, выделить кухню *пуюк* (부엌) и *садан* (사당) – отдельную постройку, предназначенную для проведения поминальных обрядов поклонения предкам. Остальные комнаты представляли собой многофункциональное пространство, где принимали пищу, спали, выполняли утренний и вечерний туалет. В отдельных случаях комната выполняла функцию социального и образовательного пространства.

Поскольку комнаты в *ханоке* по большей части не были меблированы под конкретные задачи, они в разное время могли становиться столовой, гостиной или спальней. Предметы мебели, соответственно, использовали такие, которые позволяли сделать миниперестановку быстро и без лишних хлопот. Низкий напольный обеденный стол *напсан* (밥상) и матрас *ё* (요), который служил спальным местом, были главными функциональными атрибутами такой комнаты. Можно сказать, что по набору функций и задач каждая комната походила на дом в миниатюре.

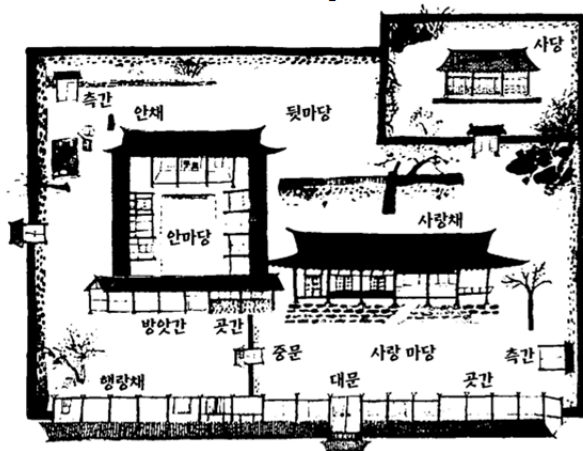


Рис. 1. Пример организации пространства ханока¹

¹ Ханок, на который обращает внимание весь мир – хочу знать больше = Сегера чумокханын ханок, то альго сипхоё. Блог “Brunch”. URL: <https://brunch.co.kr/@seouledu/97> (дата обращения: 14.07.2021).

В соответствии с нормами конфуцианской морали и социально-половой иерархии существовало разделение на женскую *анчхэ* (안채) и мужскую *саранчхэ* (사랑채) части (рис. 1). Женские внутренние покои, в том числе комната хозяйки дома *анбан* (안방), дословно «внутренняя комната», примыкали к кухонному пространству и со стороны главного двора были закрыты от посторонних глаз. В некоторых *ханоках* женская половина даже не имела прямой границы с мужской и представляла собой отдельное здание или комплекс зданий, иногда она была отделена от мужской просторным коридором *тэчхон* (대청).

Мужская половина, в зависимости от достатка дома, могла включать в себя одно или несколько помещений: проходную комнату-зал *саран тэчхон* (사랑 대청), комнату *саранбан* (사랑방) и т. д. Вход в неё располагался поблизости от главных ворот, и неспроста: именно эти комнаты были местом принятия гостей и проведения деловых встреч. Роли и функции общественного, публичного пространства, которые выполняли в таких случаях комнаты *саранбан*, контрастировали с помещениями, принадлежащими к женскому крылу *анчхэ*. Последние заведомо принадлежали только внутренней части дома и были недоступны для чужих, в то время как *саранчхэ* было самым открытым по отношению к внешнему миру местом в доме.

В результате открытия Кореи иностранному влиянию во второй половине XX в. привычный общественный уклад жизни корейцев стал быстро меняться, и вскоре *ханок* превратился в хозяйство, состоящее только из одного дома и двора. В период японского колониализма (1910–1945 гг.) с началом процесса активной урбанизации многие уезжали из провинции в города в поисках работы и лучшей жизни, и традиционная структура семьи стала распадаться. *Ханоки* продолжали существовать и в городах, но возводили их более плотной застройкой, а размер, как правило, был скромнее, не рассчитанный на такую большую семью, как раньше.

С отходом от традиционного уклада жизни и трансформацией организации жилого пространства *анбан* постепенно перестает отождествляться с эксклюзивно женскими покоями. Как комната, примыкающая к кухне, *анбан* становится местом не только для совместной трапезы, но и основным пространством для проведения семейного досуга. В заметках второй половины XX в. можно встретить упоминания, например, о том, что *анбан* является «центральным органом» [3] домашнего пространства и что необходимо «держатъ это в голове» при планировании жилья. Чо Пэкчху [4] в своей статье

(1928) советует располагать её на юго-восточной стороне, чтобы «с рассвета и в течение всего дня» было солнечно.

На деле функциональное преобразование *анбан* происходит только во второй половине 1960-х гг. [Чон, 2016], когда в городах начинают появляться многоквартирные жилые комплексы *апхатхы* (апартаменты, квартиры) *танджи* (아파트 단지). Они приходят на смену частным отдельно стоящим домам *тандок чутхэк* (단독 주택), которые, в свою очередь, несколькими десятилетиями ранее сменили *ханоки*. *Анбан* перестаёт быть тёмным и закрытым помещением и превращается в центр притяжения всей квартиры: она служит хозяевам и как спальня (значение, в котором слово иногда употребляется и сегодня), и как многофункциональная гостиная-столовая. Она становится новым привычным местом семейной трапезы – на полу или софе, за низким столом, перед телевизором. Выражаясь словами современного южнокорейского писателя Ким Хуна [2], *анбан* – это «пространство таких центральных элементов (досл. протоплазмы) [человеческого бытия], как вода, огонь, еда и сама жизнь»¹.

В конце 1980-х гг. средняя площадь квартир становятся больше. Вхождение в быт отдельных спален для всех членов семьи позволяет говорить о выделении личности внутри семейного целого. В качестве же основного общего пространства выделяется специально отведённая для этого гостиная – *косиль* (거실). В отличие от *анбан*, она просторнее, хорошо освещена, не отделена дверьми от остальной площади квартиры и располагается поблизости от входной двери. Она примыкает к кухонному пространству и образуют вместе с ним просторную зону наподобие студии. Своим буферным положением *косиль* напоминает просторный коридор *мару* (마루) в корейском традиционном доме, а функционалом – *саранчхэ*. В этом смысле *косиль* становится местом встречи внутреннего, домашнего, с внешним, посторонним.

В начале 2000-х гг. происходит заметная трансформация жилого пространства. На фоне ряда социально-экономических факторов нуклеарная семья, ставшая нормой к этому времени, продолжает дробиться. К 2016 г. половина всех корейских семей состояла фактически из одного человека [6: 298]. Это были многочисленные студенты, мужчины из «семей диких гусей» *кирогиджок* (기리기족), в которых жены с детьми уезжают за границу с целью образования; а

¹ *Анбанын муль, пуль, пап, сэмён катхын вонхёнджиры конганида* (안방은 물, 불, 밥, 생명 같은 원형질의 공간이다) [Ким, 2014].

также те, кто осознанно сделали этот выбор. К числу последних относятся представители *N-nxo sedə* (N-포 세대), т. е. поколения (*sedə*) *N-nxo*, где *nxo* – сокращение от слова «отказ» *nxoŋi* (포기), а *N* обозначает число вещей в жизни, от которых отказывается человек. Изначально таких вещей было три – *сам* (삼): отношения, брак, рождение детей.

Причиной отказа от принятых в обществе социальных и гендерных ролей служит в первую очередь непростые экономические условия, в которых оказывается большинство молодых людей с началом самостоятельной жизни. Отсутствие финансовой стабильности и чрезвычайно высокий уровень цен на жилье заставляют некоторых идти еще дальше и отказываться от идеи собственного жилья, постоянного трудоустройства и даже забот о внешнем виде. «Три» *сам* заменяется на пять *о* (오), семь *чхиль* (칠), и получается *опхо седэ*, *чхильпхо седэ* и т. д. По мере роста числа семей, состоящих из одного или двух человек, и выхода на пенсию представителей старшего поколения растёт спрос на аренду небольших студий (рис. 2) в малоквартирных домах и офистелях *опхисытхель* (오피스텔) – «офисных отелях», состоящих обычно из однокомнатных квартир-студий со всеми удобствами.



Рис. 2. Миниатюрная кухня на одного человека [6, с. 299]

Такой подход провоцирует соответствующее отношение к дому: как необходимому, но не настолько важному компоненту жизни, чтобы уделять ему повышенное внимание. К тому же, среди жителей Южной Кореи сильно развита культура проведения времени вне дома. Вместе с такими факторами, как отсутствие собственного жилья, экономически мотивированное отношение к недвижимости (покупка в целях аренды) и необходимость часто задерживаться на работе допоздна, её можно охарактеризовать фразой «домой прихожу только спать». Большинство молодых людей предпочитает учиться и проводить свободное время в кафе. Гораздо меньшее число много студентов предпочитает учиться дома или в общежитии. Некоторые в период сессии даже переезжают на несколько недель в крошечную комнату в *косивоне*, иногда без окон, чтобы не отвлекаться на внешние раздражители во время подготовки к экзаменам.

Однако в период эпидемии ковид-19 вынужденная необходимость изолироваться дома вызвала определённые изменения в мироощущении южнокорейцев и позволила взглянуть на концепцию дома с новой стороны. Больше внимания стали уделять дизайну интерьера, облагораживанию окружающего пространства и подстраиванию его «под себя». Растёт популярность телешоу и интернет-стримов (феномен *чиппан* 집방), в которых дом в разных аспектах выступает предметообразующим элементом. Дом перестаёт восприниматься как «ночлежка» и становится важным пространством повседневности, и не только для сна и перекусов, но и как место работы, учёбы и саморазвития. Появляются новые понятия: домашнее кафе *хомкханхе* (홈카페), домашний кемпинг *хомкхэмхин* (홈캠핑), домашний бар *хомба* (홈바), комната для тренировок/домашний спортзал *хомтхыбан* (홈트방) и др.

Любопытный парадокс состоит в том, концепция дома как относительно закрытого от внешнего мира пространства (в период изоляции ещё и буквально), задвинутого на периферию повседневного опыта, меняется именно в условиях пандемии: «дом» становится более открытым, более видимым элементом жизни и культуры повседневности южнокорейцев. Можно заключить, что в этих условиях дом из места существования превращается в место жизни, а его пространство постепенно наполняется новыми культурными смыслами.

Список литературы

1. Шутова Е. В. «Дом» и «Бездомье» человека: терминальный статус и формы бытия в культуре // Вестник Волгоградского государственного универ-

ситета. Серия: Философия. Социология. Социальные технологии. 2000. № 1 (13). С. 85–89.

2. *Ким Х.* Путешествие на велосипеде 2 = Чаджонго ёхэн 2. Сеул : Мунхактонне, 2014. 275 с.

3. *Пак Т.* Теория реформы чосонского жилья = Чосон чутхэк кэхённон // Чхунчху. № 2. Авг. 1941. С. 94–95.

4. *Чо П.* Рассказ о том, как построить новый удобный дом за меньшие деньги = Тон толь тыльго сэропко пхёллихан чибьль чыын ияги // Пёльгонгон. № 16–17. Дек. 1928. С. 86–87.

5. *Чон Н.* Дом: как менялось пространство дома и его обстановка = Чип: чибе конгангва пхунгёнын оттокхе талладжё вассылькка. Сеул : Тольпегэ, 2016. 594 с.

6. *Чу Ё.* Что ели корейцы до сих пор? Современная история корейской пищевой культуры = Хангугини муосыль мокко саранна. Хангук хёндэ сиксэнхвальса. Соннам : Хангук Чунан Ёнгувон, 2017. 354 с.

Home/House as a Space of Everyday Culture in South Korea

Tatiana V. Zimenko

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation

Abstract. This study deals with the concept of home and house as a space for everyday life in South Korea. The internal structure of the living space and its semiotic meanings are analyzed and studied against the background of social and economic changes happened over the last decades. The study emphasizes the transformation that the concept of home has undergone in the last 1,5 years of coronavirus pandemic. It is argued that, unlike before, when house was mainly seen as a basic need or an investment object, it is now increasingly becoming a more significant and meaningful element of the everyday culture in South Korea.

Keywords: home, house, everyday culture, South Korea, Korean culture, cultural studies.

Зименко Татьяна Владимировна, магистр массовых коммуникаций, преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков; МГИМО МИД России; e-mail: t.zimenko@my.mgimo.ru

Zimenko Tatiana Vladimirovna, MA in Mass Communication, Lecturer, Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages; MGIMO University; e-mail: t.zimenko@my.mgimo.ru

«Корейская волна» в России: текущее состояние и перспективы

Ким Чжаён

Университет Пэджэ, Тэджон, Республика Корея

Аннотация. Дан краткий обзор истории «корейской волны» в глобальном контексте и её эволюция и нынешнее состояние в России. По результатам анализа роли и влияния «корейской волны» на российско-корейские связи делается вывод о перспективах развития сотрудничества между Россией и Кореей в сфере культуры.

Ключевые слова: *халлю*, корейская волна, Корея, Россия, поп-культура.

Что такое *халлю*? Этот термин, обозначающий феномен распространения современной культуры Кореи по миру, в первую очередь в странах Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, включая Японию, Китай и Тайвань. Другими словами, корейская волна относится к корейскому буму и корейской моде в азиатском регионе, в то же время охватывая все формы коммерческого распределения корейского культурного капитала. Феномен *халлю* начался с популярности корейских сериалов (дорам) на Тайване, в Китае и Японии, а затем постепенно расширился до интереса к музыке и кино. Корейский бум, начавшийся в Азии, затем распространился на Европу и США, и Россия не стала исключением. В этой статье мы рассмотрим историю *халлю*, текущее состояние и будущее видение *халлю* в России.

Определение и история *халлю*

В Восточной Азии примерно каждые 10 лет в моде оказывается культура одной из стран региона. В Японии, где потребление поп-культуры было самым большим в Азии, мода на гонконгские фильмы в 1980-х гг. называлась «гонконгским стилем (гонконгской волной)». Мода на японские телесериалы, фильмы, анимацию и т. д. в 1990-е называлось собирательным термином «*иллю*¹». Что касается корейской поп-культуры, то в 1980-х гг. фильмы и музыка начали набирать популярность в Гонконге и Японии, а в конце 1990-х гг. в КНР и Тайване резко выросла популярность корейских телесериалов и поп-музыки, вследствие чего начал использоваться термин *халлю*. Постепенно *халлю* стала термином, обозначающим популярность

¹ 日流 (*иллю*; «японская волна» или «японский стиль»).

корейской поп-культуры, также называемым корейской волной (Korean Wave).

Наряду с популярностью в азиатских культурах, *халлю* начала расширять свой охват на США, Канаду, Европу, Центральную и Южную Америку и страны Ближнего Востока. В Европе первая волна *халлю*, начавшаяся постепенно с акцента на кино в начале 2000-х годов, расширила свой охват до комиксов, дорам и К-рор. Большую роль в этом сыграло развитие Интернета и социальных сетей, которое произошло несколько позже, чем в Корее. Европа и Соединенные Штаты сейчас готовятся к следующему этапу эволюции – Новой *халлю* (*синхаллю*), выходящему за рамки *халлю* 3.0. В XXI в., когда мягкая сила играет большую роль, *халлю* оказывает также экономический эффект, создавая различные производные индустрии, и играет роль в улучшении национального имиджа Кореи.

Россия и халлю

Русскую культуру в советский период можно разделить на массовую культуру и культуру мейнстрима. Если основная культура была основана на государственной политике, то массовая культура была основана на теме здоровой человеческой жизни и смеха. В советском обществе существовала двойственность массовой культуры. Однако после распада Советского Союза мейнстримная культура в России исчезла, а отсутствие мейнстрима, составлявшего самую большую массу, вызвало психологическую панику среди россиян. В таком состоянии культурной паники они разделяются на популярную культуру, демонстрирующую экстремальные развлечения, и культуру интеллектуалов, резко разоблачающую критические взгляды. В частности, экономическая бедность, от которой столкнулся российский интеллектуальный класс в этот период, привела к расколу глубоко укоренившихся гуманистических традиций и интеллектуальной культуры в России [5].

Такие явления, как быстрый рост и деградация массовой культуры, культурный дуализм и сокращение интеллектуального класса, в сочетании с социальными проблемами, такими как разрыв между богатыми и бедными и дисбаланс регионального развития, который постепенно изменялся вместе с ростом российской экономики породили довольно странные явления. Социальные проблемы, такие как социальная нестабильность и бедность, часто являются темой российских боевиков. Другими словами, жестокие фильмы, посвященные изгоям общества, сочетаются с традициями голливудских гангстерских фильмов и создают новые российские боевики. Однако есть также интеллектуальные фильмы, основанные на той же теме, которые

поднимают серьезные вопросы о нынешнем российском обществе, изображая мир, в котором в России свирепствуют насилие и страх.

В этих разнообразных и быстро меняющихся культурных условиях корейские фильмы постепенно получают возможность проникнуть в российский культурный пласт. Считается, что всесторонняя политика для поддержки культуры, проводимая корейским правительством, также сыграла важную роль в этом обстоятельстве.

Конечно, Россия по-прежнему остается местом, где книгоиздательский рынок более активен, чем в любой другой стране мира, но, несмотря на это, существуют такие проблемы, как уменьшение количества читателей в России и уменьшение аудитории театров и представлений изобразительного искусства.

В России корейская поп-культура получила массовое распространение после успеха певца PSY и его хита Gangnam Style в 2012 г. С тех пор «корейская волна» проникла в самые различные сферы развлечений российской публики: сериалы (дорамы), музыка, кино и др. После 2010–2012-х гг., благодаря постепенно развивающемуся рынку ОТТ¹, в России постепенно рос интерес к корейской популярной культуре, такой как дорамы, музыка и онлайн-игры.

Фан-клубы *халлю* в России достаточно развиты. В них входят участники, проживающие в России и русскоязычных странах СНГ. Существуют клубы, охватывающие всю корейскую культуру, клубы К-поп, фан-клубы конкретных певцов, драматические и развлекательные клубы и т. д. Кроме того, точкой притяжения данных клубов служат различные мероприятия, связанные с *халлю*. Каждый клуб делится различной информацией и, в частности, предоставляет русские субтитры для дорам, развлекательных программ и фильмов, тем самым оказывая большое влияние на распространение «корейской волны».

Следующие данные являются некоторыми из данных, которые показывают количество различных клубов, связанных с корейской поп-культурой, и их членов в России, объявленных в 2019 г. Корейским фондом (Korea Foundation).

¹ ОТТ (Over the Top) – концепция распространения видеослужб через Интернет. ОТТ означает доставку видеосигнала к пользователю вне зависимости от того, с помощью какого провайдера он получает доступ в Глобальную сеть.

명칭	주소	회원 수
YesAsia! – свежие новости K-POP J-POP и C-POP	https://vk.com/yesasia	160,117
K-pop – 햇빛	https://vk.com/kpop.hatpit	159,736
K-pop · Ч Г К	https://vk.com/chtogoolitkpop	157,722
K-pop memes	https://vk.com/kpopmemes	144,956
ПРИТОН K-POP	https://vk.com/priton_kpop	141,704
Я люблю k-pop	https://vk.com/kpop.derp	118,936
Корея окрыля-я-яет! Всё о K-Pop	https://vk.com/korea_wings	116,311
K-pop gossip	https://vk.com/kpop_gossip	101,040
Ищу СП, семью и друзей. [k-pop ver.]	https://vk.com/shinee5	100,619
#deerzone first vk K-Pop chart	https://vk.com/deerzone	98,596
Корея/K-pop	https://vk.com/koreakpops	89,527
Сеулчанин 서울차닌	https://vk.com/seoulchanin	80,526
♥ K-pop ♥ Корея дорамалары ♥	https://vk.com/koreandoramaastana	73,811
Храм k-pop	https://vk.com/temple_of_the_kpop	73,640
Корея K-pop	https://vk.com/sz_hk	71,906
K-POP 🎵 Asia 🎵 Korea 🎵 Kpop 🎵	https://vk.com/illusiveworld	66,163

Такое признание на местном уровне означает, что и Россия, и Азия обладают экономическими возможностями для переваривания культурных продуктов с высокой добавленной стоимостью и восприимчивостью к тому, чтобы с радостью принимать культурные продукты из соседних стран.

Согласно данным, опубликованным Корейской туристической организацией в 2019 г., количество туристов из России увеличилось более чем на 10 % по сравнению с 2018 г. Что касается основных целей путешествия, они наряду с бизнесом проявляют высокий интерес к корейской поп-культуре. Однако в тех областях, где интерес к *халлю* приводит к интересу к Корее и прямым визитам, этот показатель все еще ниже, чем в других европейских странах. Россия, особенно Дальний Восток, и Сибирь – ближайшие соседи Кореи по сравнению с такими странами, как США, Канада, Великобритания и Франция.

Анализ данные после 2019 г. представляет проблему из-за продолжающейся в 2020–2021 гг. пандемии COVID-19. В каком

направлении пойдет волна *халлю* в России в эпоху после короны? В данный момент сложно сделать конкретные выводы.

Заключение

В 2020 г. Минпросвещения России приняло решение сделать добавить в список вторых иностранных языков для изучения в школе корейский язык. Запись на места для обучения в Корейском культурном центре в Москве или в Центре Седжон (школа Вонгван) часто завершается за 5 минут из-за большого количества желающих. Курсы корейского языка интересуют большее количество студентов, чем в 2018 г., когда занятия проводились офлайн.

А интерес россиян к K-Fest 2020, прошедшему в Москве, обусловлен не только дорамами и K-рор, но и корейской едой, так называемой K-beauty и др. Это показывает, что *халлю* распространяется на самые различные области. А успешное развитие онлайн-возможностей, которые позволяют принять участие в мероприятиях, находясь на удалении, говорит о том, что люди могут наслаждаться культурой как онлайн, так и офлайн.

Несмотря на то что «*халлю*» начала развиваться уже давно, в Корею она всегда вызывала сомнения устойчивости. И корейцы считали, что причиной популярности «корейской волны» была «универсальность» в тренде глобализации и близости поп-культуры Соединенных Штатов. Высказывались также опасения, что «корейская волна» станет лишь подклассом американской развлекательной культуры.

Популярная культура Кореи, привлекающая внимание мира, явно содержит образ «универсальной современной культуры», а не традиционный образ Кореи. Считается, что эта часть еще сильнее продлевает жизнь *халлю*. Однако в корейских сценических выступлениях, текстах песен, фонах из фильмов и дорам, а также в образе жизни людей можно увидеть тонкую чувствительность и уникальные эмоции корейцев. Считается, что гармония глобализации и уникальности будет способностью *халлю*, и то же самое будет и на российском рынке. Хотя интерес к корейской поп-культуре в настоящее время является частью культуры, в центре которой находится молодежь, мы вполне можем ожидать, что он перерастет в интерес к самой Корею. Поэтому для того чтобы *халлю* продолжала развиваться в России и других странах важно, чтобы понимание и обмен культурами друг друга продолжалось беспрепятственно.

Список литературы

1. Анализ туристического рынка Кореи по странам за 2019 год. Кореяская туристическая организация, 2020.
2. Глобальное состояние *халлю* – Европа – Korean Foundation and Министерство иностранных дел Кореи, 2019.
3. Джан Гю-Су. Изучение происхождения и использования корейской волны, // The Korean Contents Society. 2011. Vol. 11, N 9.
4. Джон Су-Ён. Феномен культуры *халлю* и направление развития на Востоке и Западе // Кореяская мысль и культура. 2014. Т. 73.
5. Ли Джи-Ён. Исследование восприятия корейской культуры в России // Хангук Шибериа Ёнгу. 2009. Т. 13, № 2.
6. Русскую культуру заморозила Корона ... Кореяская волна все еще продолжается [Глаз корреспондента]. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20201016002500080>, (дата обращения: 31.07.2021)
7. Степанова В. С., Панченко О. Л. Кореяская поп-культура в России: основные направления развития // Казанский вестник молодых учёных. 2019. № 3 (3). С. 161–168.
8. Hallyu World. Репортаж из России. URL: <https://m.korea.net/russian/NewsFocus/HonoraryReporters/view?articleId=191038&page=110>. 2020. (дата обращения: 31.07.2021)

The Korean Wave in Russia: Current State and Prospects

Kim Ja-Young

Pai Chai University, Daejeon, Republic of Korea

Abstract. *Hallyu*, or the “Korean Wave”, began in the late 1990s with the support of the Korean government. Since then, the *hallyu* phenomenon has been recognized as an important component of modern Korean culture and entertainment.

Hallyu came to Russia later than to many other countries, but at present the «Korean wave» is noticeably present on Russian territory as well. In Russia, *hallyu* has become noticeable since about 2012, when the song “Gangnam Style” by the Korean singer PSY was released. By now, the “Korean wave” has an impact not only on the entertainment sphere of Russia (cinema, TV series, music), but also on the spheres of medicine, trade in cosmetics, etc.

This article examines the history of the “Korean wave” in a global context, history and its current state in Russia. The prospects for the development of cooperation between Korea and Russia in the field of culture are also considered.

Keywords: *Hallyu*, Korean wave, Korea, Russia, pop culture.

Ким Чжаён, PhD, профессор-исследователь, Кореяско-Сибирский центр; Университет Пэджэ; e-mail: ruslove@daum.net

Kim Ja-Young, PhD, Research Professor, Korean-Siberian Center; Pai Chai University; e-mail: ruslove@daum.net

Корпоративная культура Кореи и ее трансформация в эпоху пандемии *

Е. А. Колодина

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются понятие корпоративной культуры и способы ее формирования на примере Республики Корея. Анализируется традиционная деловая культура Кореи в аспекте ее трансформации в силу стремительно изменяющихся социально-экономических условий, осложненных введением мер по защите от COVID-19.

Ключевые слова: корпоративная культура, менеджмент, пандемия, COVID-19, Республика Корея.

Корпоративная культура, являющаяся некой системой ценностей, традиций, норм и правил, по которым строится общая модель функционирования компании, в последние десятилетия становится предметом научного интереса ученых различных областей знания: экономистов, социологов, специалистов в сфере межкультурной коммуникации и т. д.

Еще относительно недавно успех Республики Корея, демонстрировавшей высокие показатели экономического роста, объяснялся многими исследователями особой моделью управления и корпоративной культурой. Как отмечает директор корейских программ Института экономики РАН, профессор МГИМО Георгий Толорая, «корейцы – люди очень трудолюбивые, и, конечно, все южнокорейское экономическое чудо связано именно с беззаветным и напряженным трудом поколений корейцев. Это вошло в плоть и кровь, в этический кодекс корейцев» [3].

XXI век стал временем существенных изменений в корейской административной и корпоративной культуре, связанных в первую очередь с переосмыслением многих традиционных практик [6, с. 85], которые стали основной частью корейской трудовой жизни.

Корпоративная культура рассматривается в неразрывной связи с национальной культурой, а их соотношение можно проанализиро-

* Статья подготовлена при поддержке Корейского Фонда в рамках проекта «Российско-корейские отношения в контексте новых социально-экономических вызовов в постковидную эпоху: восстановление экономических связей и проблема трансграничной миграции».

вать с помощью модели «культурного программирования» Г. Хофстеде, благодаря которой можно проследить также изменения в конкретной системе [8, с. 7–8]. Согласно этой модели, культура состоит из верхних, поверхностных слоев (символы, герои, ритуалы) и центрального ядра. Ядро – это ценности, стабильный элемент культуры, который меняется довольно медленно. Таким образом, «верхние слои культуры – символы, герои и ритуалы, объединяемые термином «практики», подвержены быстрым изменениям и трансформациям, в том числе и в ходе международного сотрудничества. Ценности же – это базовые представления о фундаментальных аспектах бытия, усвоенные в ходе социализации, и они не пересматриваются на протяжении целых поколений» [7, с. 165].

Подобная система анализируется также в терминах теории Эдгара Шайна, крупнейшего в мире авторитета в области корпоративной культуры, освещающего результаты 40-летних исследований и предлагающего стратегии по эффективному внедрению культурных инноваций. Он выделяет 3 слоя корпоративной культуры:

- «организационная структура или рабочий процесс» – внешняя форма (artifacts);
- «стратегия, цель, философия» и т. д. – исповедуемые ценности (espoused values);
- «основные исходные принципы, лежащие в основе» (basic underlying assumptions) [15, с. 46]. Другими словами, «убеждения, восприятия, мысли и эмоции» – источник ценностей и поведения, которые члены сообщества бессознательно принимают, как должное.

Объединяя оба этих подхода, можно констатировать, что, несмотря на стремление современного корейского менеджмента сломить веками сложившуюся иерархичность корпоративной культуры, в которой «неравенство принимается как должное, авторитарное поведение является нормой, а правила и законы варьируются в зависимости от того, к кому они применяются. Статус человека часто базируется на связях и личных качествах, а не на личных достижениях [7, с. 162], сделать это будет непросто.

Традиционная корейская корпоративная культура чаще всего ассоциирующаяся с культурой *чеболей*, сформировалась под влиянием большого числа факторов, среди которых можно выделить следующие: «культурное наследие, корни которого уходят в конфуцианство, и национальный характер, социально-экономические условия 1960–1980-х гг. (военная диктатура), лидерство основателей корпораций, а также японское влияние на управление персоналом» [4, с. 264].

Базовыми компонентами корейской традиционной корпоративной культуры являются:

- эмоциональная гармония (기분);
- иерархичность (основана на конфуцианской системе межличностных отношений, построенных по вертикальному признаку и определяемых в соответствии с возрастом, социальным статусом и полом);
- коллективизм (проявляется чаще только в рамках одной группы, а в отношении представителей других групп демонстрируется индивидуализм и эгоизм).

Таким образом, на основе национальной культуры сформировалась корпоративная культура, основными чертами которой являются «иерархичность, патернализм, поддержание гармонии в коллективе и конкуренция с внешним миром, нацеленность на высокий результат и прогресс, высокая трудоспособность» [4]. К. В. Асмолов отмечает, что такая культура хорошо функционирует в традиционном конфуцианском обществе или в условиях форсированного выхода из кризиса [1, с. 130].

Однако в современных быстро меняющихся условиях компании Кореи наращивают усилия по реформированию своей жесткой иерархической корпоративной культуры и отказу от давнего консерватизма путем оптимизации механизмов отчетности, а также упразднения бюрократических рядов и найма со стороны. Это рассматривается как необходимый шаг к быстрому изменению условий ведения бизнеса, поскольку тенденции к изменениям традиционной модели, становящейся неэффективной и не способной оперативно реагировать на нестандартные ситуации, были усилены пандемией COVID-19.

Серьезные шаги в трансформации корпоративной культуры наметились десятилетие назад. Выросло новое поколение, которое не разделяет ценностей представителей старшего возраста и больше открыто западному влиянию. Оно открыто высказывает недовольство авторитарной моделью управления, невозможностью высказывать свое мнение, работой во внеурочное время, затяжными и непродуктивными совещаниями, несправедливой оценкой производительности труда, неравноправием женщин.

Таким образом, перед южнокорейскими компаниями стоят конкретные задачи, решение которых должно быть нацелено на устранение отмеченных негативных факторов и как результат способствовать генерации инновационных идей, чтобы быть эффективнее конкурентов.

Среди подобных мер выделяют следующие.

1. Реформа по устранению названий должностей (직급 호칭). Однако невозможно трансформировать культуру компании, только изменив названия должностей, но оставив прежнюю систему вознаграждения и продвижения по карьерной лестнице. Помимо этого необходимо учитывать специфику предприятия: компании тяжелой промышленности, для которых характерна консервативность, в то время как IT-индустрия и медиакомпании более прогрессивные, открытые и имеют упрощенную схему отчетности.

2. Горизонтальная коммуникация, свободный обмен информацией и быстрое принятие решения. По приказу председателя Син Донбина корпорация Lotte стремится изменить веками сложившуюся иерархическую структуру управления, создавая горизонтальную коммуникационную среду (수평적 커뮤니케이션 환경). В качестве основы для улучшения корпоративной культуры формируется «Молодежный совет» (Junior Board 주니어보드), в состав которого отбирается около пяти сотрудников из 40 филиалов в возрасте от 20 до 30 лет, чтобы напрямую осуществлять коммуникацию с генеральным директором. Junior Board работает как независимая организация без вмешательства со стороны. Lotte также учредила во всех филиалах отделы под названием «Агентство изменений» (체인지 에이전트), где планируются необходимые корректировки в процессе обновления корпоративной культуры [13].

Крупные банки также считают трансформацию своей корпоративной среды необходимым условием развития. Эта тенденция примечательна тем, что на протяжении десятилетий финансовая отрасль считалась наименее чувствительной к изменениям, поскольку структура получения доходов была стабильной и простой. В результате банковские служащие, как правило, менее мотивированы рисковать и принимать вызовы. Сейчас же многие банки стремятся внести фундаментальные коррективы, предоставив больше полномочий руководителям групп и сократив роль руководителей подразделений и отделов.

3. Переход на систему поощрения в соответствии с результатами работы. «360 градусов» – оценка компетенций сотрудника руководителем, подчиненными, коллегами, клиентами и самим сотрудником. Однако ее применение часто вызывает сложности, вызванные особенностями национальной культуры, поэтому корейцы пытаются разработать и внедрить свои критерии оценки деятельности персонала с учетом корейской специфики.

4. Сокращение рабочих часов в неделю. Национальное собрание РК приняло закон о сокращении рабочей недели с 68 до 52 часов с июля 2018 г. Однако еще до этого многие компании (SK Telecom запретил сотрудникам работать больше 80 часов в течение двух недель, а компания SinSegae ввела 35-часовую рабочую неделю).

На многих предприятиях (мэрия Сеула, корпорация Lotte) об окончании рабочего дня сообщает специальный сигнал или сотрудник, также вводится система автоматического отключения компьютеров. Однако, по мнению К. В. Асмолова, «эксперимент с автоматическим отключением компьютеров в мэрии Сеула больше похож на PR-ход» [3].

5. Сокращение количества ненужных совещаний и регламентирование их по времени.

6. Упрощение отчетности (сокращение количества отчетов). Начиная с конца прошлого года, KB Kookmin Bank модернизировал свою внутреннюю систему отчетности, позволяя даже сотрудникам начального уровня отчитываться непосредственно перед руководителем своего отдела, пропуская отчеты руководителям групп [9].

7. Борьба с корпоративными ужинами (회식), которые изначально организовывались с целью неформального общения между коллегами, а также сплоченности коллектива, однако часто корпоративы являются обязательно-принудительными затяжными мероприятиями и дорого обходятся компаниям. Вместо этого предприятия предлагают коллективные мероприятия, такие как спортивные соревнования или походы в театр или концертный зал.

Пандемия внесла свои коррективы в эту часть корпоративной культуры.

В связи с распространением пандемии коронавируса правительство Республики Корея опубликовало подробные рекомендации (68 страниц текста) [11] о том, как работники могут безопасно вернуться в офис. Данный перечень включает в себя меры как для сотрудников, так и для работодателей о том, как они могут снизить вероятность распространения болезни в своей рабочей среде. Этот 68-страничный документ предлагает конкретные инструкции о том, как вести себя в разнообразных местах при ведении той или иной деятельности. В рамках нашего исследования, посвященного корейской корпоративной культуре и ее трансформации, особое внимание уделено рекомендациям на рабочем месте. Среди них наиболее важными, в некоторых случаях «рушащими» традиционную культуру делового общения – «сложного многопланового процесса установ-

ления и развития контактов между людьми в профессиональной сфере» [2, с. 205], являются следующие:

- проактивное использование гибкого графика работы (например, работу из дома или поездки на работу в непиковые часы) и оплачиваемое время, например больничные, отпуск и семейный отпуск. В организационном поведении и промышленной / организационной психологии проактивность или активное поведение отдельных лиц относится к упреждающему, ориентированному на изменения и самоисследование поведению в ситуациях, особенно на рабочем месте. Проактивное поведение включает в себя действия перед будущей ситуацией, а не просто реагирование. Проактивность – это инициирование изменений.

- семинары и тренинги должны проводиться онлайн или с помощью видеоконференций;

- организация физического дистанцирования: сотрудники сидят рядами или зигзагом, устанавливаются прозрачные перегородки между сиденьями;

- создание культуры, которая сводит к минимуму внерабочие мероприятия, прогулки и часы совместного отдыха, чтобы люди уходили домой сразу после работы (отмена 회식);

- рекомендация воздерживаться от использования одного и того же общего пространства;

- обеспечение временных конференц-залов для приема посетителей в соответствии с потребностями;

- сведение к минимуму количество участников встречи и максимизация эффективности, чтобы сократить продолжительность встречи.

Таким образом, традиционная южнокорейская корпоративная культура сыграла положительную роль в период активного развития корейской экономики, способствовала сплоченности и дисциплинированности трудовых ресурсов. Однако вызовы нового времени, а также моменты, сопряженные с локдауном пандемии, потребовали введения мер, требующих пересмотра иерархической и авторитарной систем управления, преобладающего консерватизма, принятия решений, нацеленных на инновационные идеи, важность адаптации к быстро меняющейся экономической, финансовой и социальной среде во время пандемии COVID-19.

Список литературы

1. *Асмолов К. В.* Корейская политическая культура и трансформации. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2017. – 704 с.
2. *Колодина Е. А.* Письменная деловая коммуникация Республики Корея: лингвокультурная специфика // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2017. № 1. С. 205–209.
3. Корейцев отучают сидеть на работе «до потери пульса» // Рамблер. 2018. URL: <https://news.rambler.ru/other/39438525-koreytsev-otuchayut-sidet-na-rabote-do-poteri-pulsa/>.
4. *Пострелова М. Н.* Трансформация корпоративной культуры Республики Корея // Корейский полуостров в поисках мира и процветания : сб. тр. конф. М. : ИДВ РАН, 2019. С. 261–275.
5. *Строганова И. Б.* О некоторых особенностях корейской корпоративной культуры в настоящее время // Россия и Корея: взгляд из Сибири : тез. и докл. Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 10–11 окт. 2020 г. / [отв. ред. К. В. Иванов]; ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 130 с.
6. *Строганова И. Б.* Капчиль как элемент токсичности корпоративной культуры РК и борьба с ним в 21 веке // Сборник докладов шестой научной конференции молодых ученых-корееведов, посвященной 30-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея, Москва 25–26 июня 2021 г. М. : МГУ, 2021. С. 85–91.
7. *Тангалычева Р. К.* Специфика российско-корейской коммуникации в сфере бизнеса // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Вып. 2, 2014 – С. 159–167.
8. *Hofstede G.* Culture and Organization: Soft ware of the Mind. London : McGraw-Hill, 1991. 306 p.
9. Korean banks speed up corporate culture reforms to survive. Lee Min-hyung. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2021/02/126_303353.html
10. *Kim Hyun-bin.* Naver, Kakao urged to reform work culture. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/tech/2021/06/133_310143.html
11. *Ossola A.* South Korea shows us what office life could look like after the pandemic. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/05/south-korea-office-coronavirus-covid19-work-environment/>
12. South Korea's Corporate Hierarchies Are Breaking Down. Frank Ahrens. // сайт. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/11/19/south-korea-corporate-hierarchy-breaking-down-chaebol/>
13. 롯데, 2030 직원들이 대표에게 직접 건의...'수평적 소통' 기업문화 활성화 나서. URL: <https://www.hankyung.com/economy/article/2021071901761>
14. 신창재 회장, 조직문화 개선 팔 걸었다... 교보생명, '위크스마트' 전격 도입. URL: <https://moneys.mt.co.kr/news/mwView.php?no=2021072211018044735>
15. Эд거с Н. Шайн. **Корпоративная культура**. Дэлорйт консалтинг Корея, 2006. 250 쪽.
16. 이재희. 소통 리더십 개발을 위한 비즈니스 커뮤니케이션, 한울. 2021. 372 쪽.

Korean Corporate Culture and Its Transformation in the Era of a Pandemic*

Evgeniya A. Kolodina

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article deals with the concept of corporate culture and methods of its formation on the example of the Republic of Korea. The traditional business culture of Korea analyzed in terms of its transformation due to rapidly changing socio-economic conditions, complicated by the introduction of measures to protect against COVID-19.

Keywords: corporate culture, management, pandemic, COVID-19, Republic of Korea.

Колодина Евгения Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков Международного института экономики и лингвистики; Иркутский государственный университет; e-mail: kolodinaevg@mail.ru

Kolodina Evgeniya Anatolyevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Oriental Languages at the International Institute of Economics and Linguistics; Irkutsk State University; e-mail: kolodinaevg@mail.ru

УДК 811.531

Русские заимствования в корейском языке

Е. Н. Кондратьева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Аннотация. Представлены результаты систематического изучения лексических заимствований из русского языка в оба варианта корейского языка (северный и южный). Сплошная словарная выборка позволила оценить количественный и лексический состав заимствований и провести анализ способов их адаптации.

Ключевые слова: заимствованная лексика, корейский язык, заимствования в корейском языке, русские заимствования, адаптация заимствований, северный и южный вариант корейского языка.

К проблеме заимствований обращались некоторые исследователи, но все существующие работы, написанные на корейско-русском

* This article was supported by the Korea Foundation under the project "Russian-Korean relations in the context of new socio-economic challenges in the post-COVID era: restoration of economic ties and problem of cross-border migration".

материале, представляют собой отрывочные описания некоторых заимствований, которые не позволяют оценить ни количественный, ни качественный состав заимствованной лексики. Для настоящего доклада мы провели сплошную выборку всех зафиксированных заимствований из наиболее полных словарей корейского языка, что позволило составить полные списки заимствованной лексики в северный и южный варианты корейского языка. Сравнение этих списков представляется очень интересным не только с лингвистической точки зрения, поскольку, как мы знаем, причины заимствований – это результат взаимодействия и взаимовлияния культур. Подобный подход позволил не только точно оценить количественный состав заимствований в оба варианта корейского языка в разные периоды, а также сравнить их лексический состав, проанализировать, как менялся объем заимствований с течением времени и т. д.

С лингвистической точки зрения интерес представляет не только сам процесс заимствования, но и разные способы адаптации в северном и южном вариантах языка заимствований из русского языка, сущность этих заимствований, их причины, виды и способы заимствования, источники, хронология, этимология заимствований и т. д.

Безусловно, анализ заимствований должен проводиться на стыке разных наук: нужно подкреплять чисто лингвистические исследования культурным и социально-экономическим анализом контактов. Поэтому представленные в работе полные списки заимствованных слов открывают большие перспективы дальнейших фундированных междисциплинарных исследований.

Russian Loanwords in the Korean Language

Elena N. Kondratyeva

Lomonosov Moscow State University, HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The purpose of this work is to present the results of a systematic study of the loanwords from the Russian language into both versions of the Korean language (so called, North Korean and South Korean). For this report we went through the most complete North and South Korean dictionaries, found all recorded loanwords in them and made complete lists of loanwords in North and South Korean variants of the language. This approach allows us not only to accurately assess the quantitative composition of borrowings in both versions of the Korean language, but also to compare their lexical composition, to analyze ways of adaptation etc.

Keywords: Russian loanwords, Korean language, adaptation of borrowings, northern and southern versions of the Korean language.

Кондратьева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии ИСАА, Московский госу-

дарственный университет им. Ломоносова; доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока ИКВИА, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: kondratelena@yahoo.com

Kondratyeva Elena Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Philology of Southeast Asia, Korea and Mongolia, Institute of Asia and Africa of Moscow State University; Associate Professor, Department of Philology of the Far East, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University “Higher School of Economics”; e-mail: kondratelena@yahoo.com

УДК 316.7

Траектории дизайна как индикатор социально-политических изменений южнокорейского общества

О. В. Ракова

Сеульский национальный университет, Сеул, Республика Корея

Аннотация. Представлен краткий обзор основных этапов развития южнокорейской дизайн индустрии со второй половины XX в. до нашего времени. Подчеркивается необходимость проведения исследований дизайна, как многогранного и многоаспектного понятия, а также одной из ключевых практик, отражающих особый путь развития южнокорейского общества.

Ключевые слова: южнокорейский дизайн, история дизайна, модернизация южнокорейского общества, политика дизайна.

Истоки формирования концепции «дизайн» в Корее можно обнаружить уже в 20-е гг. XX в. Заимствованный из японского термин *доан* (圖案), начинает применяться для обозначения новой сферы профессиональной деятельности – создания коммерческих иллюстраций, зарисовок и плакатов [1, с. 94–95]. Тем не менее, большинство исследователей утверждают, что отсчет истории индустрии южнокорейского дизайна следует вести только с 1958 г., – с момента открытия Корейского выставочного центра ремесел (КВЦР) на базе Колледжа изящных искусств Сеульского национального университета [2]. Именно тогда, в связи со смещением акцента промышленной политики в сторону производства товаров массового спроса, возникает необходимость в визуальной дифференциации корейской продукции для увеличения ее конкурентоспособности. На протяжении следующих шести десятилетий дизайн индустрия довольно часто и кардинально меняет свои траектории, но при этом, оказавшись однажды в центре внимания правительственных кругов, сохраняет свой особый статус и до нынешних дней.

1961–1974 гг.: Дизайн упаковки для стимулирования экспорта. После прихода к власти президент Пак Чон Хи (1962–1979 гг.) под лозунгом «Экспорт – единственный способ выжить» (*сучхуль-мани сальгиль*) объявляет курс на проведение экспортно-ориентированной индустриализации. На одном из ежемесячных совещаний по продвижению экспорта в 1967 г. президенту докладывают о проблемах с упаковкой экспортных товаров, точнее о ее визуальной непрезентабельности. В целях решения данной проблемы, президент Пак лично посещает КВЦР и оставляет короткую запись – «экспорт искусства» (美術輸出), тем самым определяя дизайн как одну из важнейших, сопутствующих экспортной политике сфер.



Рис. 1. Президент Пак Чон Хи оставляет запись «экспорт искусства» во время посещения КВЦР 1 сентября 1967 г. Слова «дизайн» нет во фразе, однако речь идет о «прикладном искусстве» и использовании его для целей создания эффективной упаковки экспортных товаров [3]

В 1969 г. КВЦР переименован в Корейский центр экспорта дизайна, а в 1970 г., после слияния с еще двумя крупными государственными учреждениями, реформирован в Корейский центр дизайна упаковки. Организация эта, сменившая название на Корейское агентство продвижения дизайна в 2001 г., и на данный момент является ведущей целеформирующей полугосударственной структурой, обеспечивающей развитие индустрии южнокорейского дизайна.

1974–1988 гг.: Веха популяризации графического дизайна. В указанный период индустрия дизайна испытывает особое влияние транснациональных корпораций. С развитием рыночных отношений крупные компании, такие как Кока-Кола, открывают свои представительства, инициируют формирование спроса на брендинг. Перенимая западный опыт, корейские организации также обращают внимание на сферу дизайна корпоративной идентичности – создание фирменного стиля, логотипа, символики.



Рис. 2. Первые руководства по корпоративной идентичности брендов:
ОВ Beer (октябрь 1974 г.) и Seoulin Hotel (декабрь 1974 г.)

В то же время понятие «дизайн» постепенно выходит за рамки дискурса, ограниченного экспертными промышленными и академическими кругами. После эфира программы «Мир в эпоху дизайн революции» (*세이렌ын диджаин хёнмён сидэ*), слово «дизайн» прочно входит в массовый обиход. В 1983 г. программа транслировалась по KBS в течение 59 дней и состояла из 6 частей, в которых на примере опыта восьми разных стран широкой публике вещалось о важности дизайна для роста *общественного благосостояния*.

Все эти тенденции были закреплены успешным проведением на территории Южной Кореи Азиатских (1986 г.) и Олимпийских игр (1988 г.), неотъемлемой частью которых являлась разработка дизайна спортивной символики — эмблем, талисманов, логотипов, плакатов. Корейский графический дизайн получает высокую оценку международного сообщества и постепенно становится предметом гордости корейских граждан.



Рис. 3. Графический дизайн символики Азиатских игр 1986 г. и Олимпийских игр 1988 г.

1989–1999 гг.: «Дизайнерский бум» и поиск национальной идентичности. Тема дизайна становится одной из излюбленных в южнокорейских СМИ. В частности, только в 1992 г. в основное

эфирное время ведущих телерадиокомпаний KBS и MBC выходят документальные фильмы «Ставка на дизайн» (*Диджаине сынбу кольора*) и «Почему дизайн?» (*Вэ диджаининга?*). Кроме рассуждений о важности дизайн индустрии, в программах также поднимается вопрос необходимости поиска самобытного корейского стиля [4].

На волне такой популярности дизайн индустрии, в рамках впервые проходившей в Южной Корее Всемирной выставки (Тэджон, 1993 г.) Министерство торговли, промышленности и энергетики объявляет 2 мая официальным «днем дизайна». В 1994 г. ведущая корейская мебельная корпорация Хансем открывает первый музей дизайна, основные экспозиции которого освещают историю корейской дизайн индустрии и исследуют вопросы национальной идентичности.



Рис. 4. Здание Хансем DBEW (Design Beyond East & West), в котором расположен Сеульский музей дизайна

Даже в период мирового финансового кризиса 1998 г., когда корейская продукция начала терять ценовую конкурентоспособность, государственная поддержка дизайн индустрии не была сокращена. Наоборот, продвижение дизайна было признано одним из государственных приоритетов. Правительственный комитет по политике глобализации разработал программу поддержки национальных дизайн агентств. Значительная финансовая помощь была выделена для активизации разработки дизайна продукции в корейском стиле, проведены крупномасштабные исследования потребностей и паттернов поведения корейских потребителей.

2000–2010 гг.: Фокус на национальный брендинг. Понятие дизайна постепенно становится все более емким, включает в себя новые смыслы, такие как городской и национальный брендинг. Перед проведением Чемпионата мира по футболу (2002 г.) и практически сразу после вступления на пост мэра Сеула, Ли Мён Бак анонсирует бренд города – со слоганом Hi Seoul и соответствующей визуальной символикой. Вслед за Сеулом схожие проекты инициируются и в других городах. Dynamic Busan, Ulsan for You, Fly Incheon, Colorful Daegu, Your Partner Gwangju, It's Daejeon – вот только немногие из примеров проектов городского брендинга того периода.



Рис. 5. Визуальная символика городских брендов Южной Кореи

Следующий мэр города Сеул – О Се Хун (2006–2011 гг.) продолжает политику своего предшественника, при этом делая еще большую ставку на дизайн. Для облагораживания внешнего вида городских зданий проводится крупномасштабный проект создания «Руководства по дизайну города Сеула», включающий разработку особой цветовой гаммы и формы уличных указателей. В Сеуле устанавливаются новые автобусные остановки, заново отделываются фасады старых жилых и промышленных зданий, создаются новые, технологичные станции метро. Как результат – в 2010 г. Всемирная организация дизайна удостоивает Сеул почетного звания «Столица мирового дизайна». Мэр О, тем не менее, подвергся большой критике за то, что за 5 лет его правления долг Сеула вырос в три раза, с 6 до 18 трлн вон [5].

2010–2020 гг.: Дизайн для социальных инноваций. В 2010 г. мэром Сеула становится Пак Вон Сун – социальный активист и правозащитник, а также рьяный антагонист политического курса своих предшественников. Мэр Пак, однако же, не отказывается от широкого использования понятия дизайн, но кардинально меняет его траекторию. Еще до вступления в должность мэра, Пак часто представлялся как «социальный дизайнер» [6]. В его интерпретации дизайн – это прежде всего важный агент инновационной деятельности, не

только экономической, но и социальной сфер общества. Мэр Пак переводит фокус с визуальных аспектов дизайна на сам процесс творческого создания чего-либо и дизайн-мышление¹, ознакомление с основами которого, по его мнению, позволяет любому стать дизайнером. Дизайн-мышление и соответствующие техники начинают активно использоваться для вовлечения жителей в различные государственные проекты. Наглядным примером является проект разработки новой идентичности города Сеула – I.Seoul.You, финальный этап которого проходил в виде активного совещания тысячи простых жителей и экспертов. Еще одним пример – создание Плана развития Сеула 2040, который был разработан через серию воркшопов, где обычные жители наравне с государственными служащими и профессиональными дизайнерами обсуждали проблемы города и совместно искали пути для их решения.



Рис. 6. Совещание жителей на центральной площади Сеула в рамках проекта городского ребрендинга; Воркшоп жителей и экспертов для совместного создания Плана развития Сеула 2040

Дизайн индустрия за несколько сроков нахождения на посту мэра Пака (2011–2020 гг.) стала лидером сферы социальных инноваций. Однако после внезапной гибели Пака в 2020 г. и возвращения в кресло мэра его антагониста – О Се Хуна, в настоящее время корейские дизайн аналитики находятся в ожидании перемен. Будет ли продолжен курс на вовлечение жителей и социальные инновации, или же дизайн, нацеленный на визуальное облагораживание городской среды, опять выйдет на передний план – покажет время и анализ будущих исследований.

¹Дизайн-мышление (англ. *design thinking*) – методология решения инженерных, деловых и прочих задач, основывающаяся на творческом, а не аналитическом подходе. Главной особенностью дизайн-мышления, в отличие от аналитического мышления, является не критический анализ, а творческий процесс, в котором порой самые неожиданные идеи ведут к лучшему решению проблемы. [Tim Brown. Design Thinking // Harvard Business Review. 2008.]

В данной работе были кратко рассмотрены только основные периоды и направления индустрии южнокорейского дизайна, каждое из которых заслуживает отдельного и более глубокого освещения в академической литературе.

На примере Южной Кореи показано, что дизайн – понятие многогранное и многоаспектное, тесно связанное с политическим курсом общества, и в то же время отражающие его основные изменения. Таким образом, изучение концепции, а также социальных практик южнокорейского дизайна – область, заслуживающая внимания не только узких дизайн специалистов, но и историков, корееведов, антропологов и представителей других социальных и гуманитарных наук.

Список литературы

1. Lee Y. Re: focus design, Design Histories and Design Studies in East Asia: Part 3 Korea // Journal of Design History. 2020. Vol. 25 (1). P. 93–98.
2. 김중균. 한국 디자인사. 미진사, 2008. 299 p.
3. 최범. '미술수출'에서 '디자인' 서울'까지... 경제 위한 도구 전략 // 경향신문. URL: <https://www.khan.co.kr/culture/art-architecture/article/201712062140005> (mode of access: 08.12.2016).
4. 김중균. 한국의 디자인: 오리엔탈리즘에서 디자인 서울까지, 디자인의 정치사회사. 안그라픽스, 2013. 424 p.
5. 안홍석. 서울시 빛 5년새 3배 증가... 1인당 37만원. // 연합뉴스. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20110909202400004> (mode of access: 08.12.2016).
6. 전준우. «소셜디자이너» 박원순, 서울 디자인 철학은? 뉴스 1 // 뉴스 1. URL: <https://www.news1.kr/articles/?3424814> (mode of access: 08.12.2016).

Trajectories of the Design Industry as Indicators of Socio-Political Changes in South Korean Society

Oxana V. Rakova

Seoul National University, Seoul, Republic of Korea

Abstract. Arisen from the pragmatic needs of the consumer goods market, the design practices in South Korea were rapidly transformed into an industry that continuously influences the material aspects of citizens' lives, as well as reflects the various historical stages of South Korean modernization. This paper explores the main trajectories of the South Korean design industry: from the mid-20th century when the concept of design was hailed as an “art export (*misul suchul*)” to the present moment, when the design is being seen as a perfect tool for social innovation.

Keywords: South Korean design; History of design; Modernization of South Korean society; politics of design.

Ракова Оксана Валентиновна, соискатель докторантуры кафедры антропологии; Сеульский национальный университет; e-mail: aksyona@snu.ac.kr

Rakova Oxana Valentinovna, PhD Candidate; Seoul National University; e-mail: aksyona@snu.ac.kr

Изменения в корпоративной культуре Республики Корея на примере дискуссии об отмене *хвесик*

И. Б. Строганова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Аннотация. Статья представляет небольшой фрагмент исследования о корейской корпоративной культуре, а именно об изменении такого явления, как корейский корпоратив *«хвесик»*.

Ключевые слова: *хвесик*, корпоративная культура, *потлач*, корейские пищевые практики.

Согласно определению в корейском толковом словаре – *хвесик* (회식, 會食) обозначает «собрание или событие, когда несколько людей собираются вместе за трапезой»¹. Но контекстуально известно, что *«хвесик* – это также явление, когда сослуживцы в нерабочее время идут распивать алкоголь за ужином»². Также в некоторых случаях обязательным дополнением к данному понятию выступает «необходимость оплатить счет» и «обязательное (фактически принудительное) посещение». А именно в том случае, если вышестоящий по статусу коллега или сама компания не намерена оплачивать счет и подразумевается, что каждому участнику придется скинуться и пойти всем вместе, чтобы так или иначе оплатить общий счет. И поскольку иногда подобного рода мероприятия происходят «стихийно», и, бывает, что никого официально «не приглашают», всегда найдутся люди, которые не воспримут это за официальный *хвесик*. Таким образом, объединив эти критерии, можно говорить о том, что имидж корейского *хвесика* больше напоминает мероприятие, на котором не просто можно бесплатно прийти и хорошенько поужинать, а скорее добровольно-принудительный акт, на котором главным образом должны хорошо отдохнуть и расслабиться сослуживцы начальнического и директорского ранга, а коллеги рангом ниже должны играть роль «массовки». Таким образом можно мягко руководить всеми рангами служащих в компании.

¹ 회식. URL: <https://ko.dict.naver.com/#/search?query=회식>. (дата обращения: 05.06.2021).

² 대한민국 회식문화를 잘 보여주는 회식대첩 페이스북 이벤트. URL: <https://blog.naver.com/dicagallery/220418992401> (дата обращения: 05.06.2021).

На культуру *хвесика* большое влияние оказала военная культура. Общество легко усвоило нормы контроля личной жизни, времени досуга, сна, стиля одежды. Также и *хвесик*, который в военной среде является обязательным рабочим временем сотрудника, а в современном обществе и корпоративной среде, в частности, *хвесик* считается «продолжением исполнения обязанностей сотрудника», как и обязательное присутствие сотрудника на мероприятии.

Большинство компаний старается оплачивать *хвесики* за счет собственных средств (т. е. за счет средств старшего сотрудника). В случае если *хвесик* был оплачен при помощи корпоративной карты, такой *хвесик* признается корпоративным и согласно закону (как в России, так и в РК), если что-то случается с его участником на или по дороге с корпоратива, это приравнивается к несчастному случаю на производстве (производственной травмой). Однако много и таких случаев, когда компании не предоставляют финансовую поддержку при оплате корпоратива или оплачивает только 50 % от суммы. И когда оплаты корпоративной картой не производится, участник корпоратива, который изрядно выпил и попал в аварию, не сможет иметь притязаний на признание этого события в качестве несчастного случая на производстве. Кроме того, даже если плата за основной ужин платится целиком, все же стоит помнить об особенностях корейской культуры, где корпоратив редко заканчивается первым раундом, а при переходе ко второму или третьему, могут возникнуть дополнительные расходы, которые обычно делятся на всех участников поровну. Так же примерно происходит, когда участники идут на ужин без «условно старшего по званию или возрасту» или когда среди сотрудников не нашлось такого старшего, который желает/может расплатиться. Очень много компании имеют весьма оригинальную «вредную привычку» устраивать *хвесик* и предлагать разделить расходы на него, при этом не давая деньги, или скинув оплату счета на новичка(ов) или нижестоящих по статусу сотрудников.

Какова основная проблематика *хвесиков*?

К сожалению, в нынешнее время в современной Южной Корее для участников таких *хвесиков* это не оборачивается каким-либо благом, а скорее является еще одним обязательством и ответственностью.

1. Обязательное посещение: априори считается, что вышестоящие коллеги (они же начальники и директора) владеют временем и возможностями подчиненных, а также могут негласно претендовать на свободное/послерабочее их время. Поскольку корейская корпоративная культура часто подразумевает, что сотрудники не должны

уходить раньше начальников, то младших коллег довольно просто склонить к посещению *хвесика*.

2. *Обязательное употребление алкоголя*: до сих пор в корпоративной культуре есть представление о том, что пьяный человек – лояльный человек. Ситуация по этому пункту постоянно меняется, однако, до сих пор существуют случаи, когда принуждают к употреблению алкоголя, даже тех коллег, кому это противопоказано по здоровью. Известно, что алкоголь снимает все запреты и стирает границы субординации. Это удивительным образом обнажает еще одну особенность корпоративной корейской культуры, когда строго стратифицированное и ранжированное общество стремиться к «всеобщему братству и объединению со стиранием границ» на *хвесиках*.

3. *Обязательное курение*: раньше не только заставляли пить, но и курить. Социальное курение, во время которого можно было решить какие-то рабочие вопросы, получить «нежданное» повышение по карьерной лестнице, побуждало очень многих некурящих внезапно браться за сигарету. Ввиду сегодняшнего отношения к курению и выделения специальных для этого зон, все проще можно отказаться от курения.

4. *Время на корпоративе – рабочее время или нет?*

Один из самых сложных и противоречивых вопросов. Обычно маркером, по которому можно сделать вывод рабочее это время или нет, определяется тем, оплачивает (выделяет ли соответствующий бюджет) ли это мероприятие компания. Деловые встречи и переговоры часто проводятся именно во время *хвесиков*, и такие мероприятия автоматически становятся продолжением рабочего дня.

Зачастую бывает и так, что, если корпоратив внутренний (организован одной компанией, отделом, подразделением), то все договоренности, достигнутые на нем, нужно непременно повторить и закрепить в более трезвой обстановке на следующий (любой другой рабочий) день, чтобы не попасть в ловушку пустых обещаний.

5. *Эмоциональная вовлеченность*. Этот пункт – скорее следствие стирания границ субординации. Здесь можно упомянуть любой диапазон взаимодействия – от легких перебранок до тяжелых драк с морализаторством и унижением. В таких случаях лучше быть осторожнее и следить за своим поведением, и поведением других отдыхающих (вне зависимости от их статуса). Столкновение может оставить последствия, как моральные, так и физические.

6. *Трата денег*. «даже из расчета в 30 тыс. вон на человека, ужин с 30-ю людьми обойдется в 900 тыс. вон. Если выводить людей покушать хотя бы дважды в месяц, то общая сумма составит 1,8 млн

вон. По состоянию на 2019 г. на эти деньги можно было бы нанять еще одного работника, который будет работать 8-часовой рабочий день 5 дней в неделю» [2].

7. *Вытягивание денег у сотрудников.* Среди разновидностей *хвесика* самым странным является тот, на который, по мнению руководства, сотрудники должны скинуться самостоятельно. Даже если, предположим, с человека берут 30 тыс. вон и вы ходите обедать или ужинать совместно один раз в неделю, то по сумме это 120 тыс. вон в месяц или 1,44 млн вон в год. Это сумма эквивалентна месячной зарплате работника, который работает полный рабочий день, по состоянию на 2019 г.

8. *Оказывает большое влияние на корпоративную жизнь в целом.* *Хвесики* – это помимо всего прочего и место для решения рабочих вопросов. Но здесь самым проблемным является то, что способности к распитию алкоголя или нахождению на *хвесике* – абсолютно у всех сотрудников разное. И если старшие менеджеры готовы «разговаривать по душам» или «решать рабочие вопросы» на втором или третьем раунде *хвесика*, а все младшие сотрудники ушли после первого – это скорее скажет не в плюс к карьере младших сотрудников и никак не продвинет рабочие вопросы.

9. *Сексуальные домогательства:* велика вероятность возникновения случаев сексуальных домогательств, которые в основном инициируются мужчинами, а именно менеджерами-мужчинами старшего возраста или ранга по отношению к младшим сотрудницам-женщинам.

10. *Обязательный выход на работу на следующий день после корпоратива:* если пить до поздней ночи, то, конечно, на утро будет похмелье. Старшие сотрудники часто пеняют на неумение новичков пить, хотя на следующий день эти же самые менеджеры или заместители директоров будут урывать от 30 до 60 минут, чтобы вздремнуть в комнате отдыха или переговорной. По факту, пока вы в офисе, никто не сможет вас пожуричь, даже если вы спите, откинувшись на стуле или прикорнув на рабочем столе. Другое дело, что довольно тяжело сохранять секретность своего положения на глазах у других менеджеров, (которые не спят), поскольку нужно работать. Особенно тяжело, когда накануне *хвесик* продолжался до поздней ночи, а к восьми утра уже нужно появиться на работе.

11. *Нанесение вреда здоровью:* еда на *хвесике* обычно представлена жареным мясом, продуктами быстрого приготовления. Жареные продукты калорийны, а особенно в сочетании с алкоголем. Более того, употребление высококалорийной пищи на ночь способ-

ствует скоплению жира. Такие периодические походы на *хвесики* могут способствовать развитию у человека ожирения. В РК даже есть случай из судебной практики, когда судились из-за сотрудников, умерших в результате развития рака и/или обострения других хронических заболеваний, возникших в результате частого хождения на корпоративы.

Конечно, то, что вы сообщите о вашем отказе похода на *хвесик*, никак не делает вас нелояльным к своей фирме, и уж тем более никак не разоряет ее. Нередки случаи, когда частое употребление алкоголя на *хвесиках* приводит к разрушению семей.

Фактически выяснилось, что 60 % офисных работников отрицательно относятся к культуре *хвесик* по версии корейского сервиса Дейли Грид (Daily Grid) 2017 г. Среди них абсолютное большинство (90,5 % человек) сказали, что «испытывают крайнее обременение от того, что приходится посещать *хвесик*, где все ориентируются на то, чтобы как следует напиться». Расходы (издержки), которые тратит корейское общество на *хвесик*, уходят именно во время таких обедов или ужинов и сопряжены с риском употребления алкоголя.

Южнокорейские исследования также показывают, что официальные и неофициальные *хвесики*, частота их проведения, питейные привычки и правила – все это важные факторы формирования питейного поведения, и соответствующей субкультуры. В частности, в Корее выпивка всегда идет рука об руку с принятием пищи, и здесь размер проблемы становится еще больше, поскольку пить можно с разрешения старших коллег или начальства. В некоторых случаях создание такой субкультуры выпивки вызвано такими факторами, как принадлежность к какой-то профессиональной группе, солидарность (сплоченность) группы (коллектива) и схожий возраст [3]. Развитие субкультуры употребления алкоголя после работы формирует поведение человека в этой культуре, а также в целом не может не влиять на организационную культуру в целом [3]. Согласно исследованию Worknet – портала занятости Министерства занятости и труда РК, было опрошено 3302 офисных работника, и среди них 45,8 % респондентов были за то, чтобы *хвесик* проходил за изысканной едой в ходе какого-нибудь фуд-тура, 24,17 % были за культурные ужины, а также высказывались за спортивные мероприятия, такие как боулинг и скрин-гольф, также нужны были спектакли и фильмы. В гендерном соотношении: мужчины были в основном за боулинг и гольф, а женщины – за спектакли и фильмы. По версии газеты Тона Ильбо в 2015 г. «культуру *хвесика* вполне стоит пересмотреть и видоизменить» [8]. Также 69,1 % респондентов сказали,

что из всех программ *хвесиков* им хотелось бы исключить именно *хвесик* с употреблением алкоголя. Однако до сих пор в довольно большом количестве фирм и компаний 67,32 % респондентов отвечали, что культура потребления алкоголя на *хвесике* уже давно стала неотъемлемой частью корейского общества, которую надо как можно скорее изменить. В дополнение ко всему было выявлено, что 40 % респондентов были недовольны нынешней установленной культурой употребления алкоголя в организации.

Другие 21,6 % ответили, что часто о *хвесиках* никто заранее не оповещает, и они происходят спонтанно, а 11,7 % сказали, что время *хвесика* слишком затянуто. Благодаря вступившему в силу закону Ким Ёнран, культура *хвесиков* стала меняться, а именно – о *хвесиках* стали предупреждать заранее (время проведения стали двигать на более позднее время), а время проведения *хвесиков* значительно сократилось. Основными субъектами этого закона были государственные должностные лица, и, с одной стороны, данный закон уменьшил использование корпоративных карт в районе, где очень много государственных учреждений, зато увеличилось их использование в местах, где огромное количество офисов (500 метров в радиусе держателей этих самых карт) [7].

Согласно опросу, проведенному агентством Incruit (www.incruit.com), среди 324 офисных работников, второй наименее обожаемой субкультурой является культура переработок, *хвесика*-вечеринки после переработки, а потом выхода в ночную смену. Согласно блогу Blue Bird Forum, опрос 222 человек с 25 по 29 ноября 2015 г. показал, что результаты исследования несколько изменились: во-первых – 41 % респондентов были за употребление и предлагали алкоголь на *хвесике*, 27 % – за то, чтобы *хвесик* продолжался до поздней ночи, а 17 % – за то, чтобы пить только с начальством. Также было выяснено, что из опрошенных 324 человек, многие высказывались за активные мероприятия, типа боулинга, бильярда, фильмов, выставок, спортивных мероприятий, типа игр на выживание (Herald Экономика, 2016) Согласно опросу с портала занятости Incruit, из 373 офисных работников 81 % испытывают сильный стресс от *хвесиков* (с алкоголем). 29,5 % назвали основной причиной стресса тот факт, что приходится сидеть допоздна. Далее самыми неудобными для людей стали место проведения *хвесика*, необходимость постоянно пить, петь в караоке, ухудшение физического состояния, сексуальные домогательства и пр. Было также определено, что предпочтительное время конца *хвесика* около 9–10 часов вечера и не позже [7].

Такие выводы, которые можно найти в различных опросах подобного формата, связаны с тем, что стресс связан с вечеринкой, которая пропитана духом и идеологией компании. Видно, таким образом, что у офисных работников есть желание сменить культуру *хвесика* на культурный или спортивный формат.

Корейская корпоративная культура находится на перекрестке перемен и *хвесик* – этому прекрасный маркер, за изменением которого следует наблюдать далее.

Список литературы

1. Choong Y. Lee, Jennifer Y. Lee. South Korean Corporate Culture and Its Lessons for Building Corporate Culture in China // Journal of International Management Studies. 2014. Vol. 9, N. 2.

2. 회식. URL: <https://namu.wiki/w/회식> (дата обращения: 05.06.2021)

3. 심완섭. 회식문화의 패러다임 변화와 새로운 실천방안을 위한 모델링 수립: 구조적문제와 개선방향의 질적접근을 중심으로. 문화산업연구 제 17 권 제 4 호(2017 년 12 월)

4. 화이트기업. URL: <https://namu.wiki/w/화이트기업> (дата обращения: 05.06.2021)

5. 블랙기업. URL: <https://namu.wiki/w/블랙기업> (дата обращения: 05.06.2021)

6. Cosper R. (Drinking as conformity: A critique of sociological literature on occupational differences in drinking // Journal of Studies on Alcohol and Drugs. 1979. Vol. 40, N 9.

7. 한국일보, 직장인 10 명 중 6 명 “회식은 부담스럽다, 2017 년 4 월 20 일자 헤럴드경제, 회식문화, 이랬으면 좋겠다, 파랑새포럼 설문조사 결과 ‘눈길’, 2015 년 12 월 17 일자

8. 동아일보, 갑자기 회식하자는 팀장님 싫어요, 2015 년 10 월 1 일자

Changes in the Corporate Culture of the Republic of Korea on the Discussion on the *hwesik*'s Abolition

Irina B. Stroganova

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. Current article presents small research fragment about Korean corporate culture, i.e. about the main change of such a phenomenon like “*hwesik*”, being a form of Korean company party.

Keywords: *hwesik*, corporate culture, *potlach*, Korean food practices.

Строганова Ирина Борисовна, магистр востоковедения и африканистики, младший научный сотрудник отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН; e-mail: udarniza2011@gmail.com

Stroganova Irina Borisovna, Master of Oriental and African Studies, Research assistant in the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science; e-mail: udarniza2011@gmail.com

Ширма Кёмчжэ Чон Сона (1676–1759) в Кунсткамере: вопрос атрибуции

Е. А. Хохлова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. На основе сравнительного анализа «Ширмы с видами горной гряды Кымгансан» из коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, приписываемой кисти художника Кёмчжэ Чон Сона (겸재 정선, 1676–1759), с произведениями, авторство которых не вызывает сомнений у современных исследователей, доказывається, что представленная ширма не является подлинным произведением, а скорее всего представляет собой подделку, написанную во второй половине XIX в. Также на основе анализа сюжетов произведений утверждается, что не все восемь пейзажей данной ширмы представляют собой виды гор Кымгансан, как утверждается в описании произведения.

Ключевые слова: Кёмчжэ Чон Сон, «пейзажи подлинного вида» *чингён сансукхва*, атрибуция, Кунсткамера, ширма, корейские пейзажи.

В коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого в Санкт Петербурге хранится восьмистворчатая «Ширма с видами горной гряды Кымгансан». В описании указано, что ширма принадлежит кисти знаменитого корейского художника Кёмчжэ Чон Сона (겸재 정선, 1676–1759). Это единственный образец живописи Чон Сона в России и редкий пример произведений художника, находящихся за пределами Корейского полуострова. Ширма состоит из восьми створок, размер каждой створки 83х38 см. На каждую створку наклеен пейзаж размером 32×46 см¹. Пейзажи написаны на шелке черной тушью с применением цветной краски. Произведение выставлено в постоянной экспозиции «Корейцы» в музее. Увидеть его может каждый желающий посетитель.

Чон Сон – очень важный художник в истории корейской живописи. Он работал в различных жанрах: писал вымышленные пейзажи, «изображения мудрецов» *косаинмультхва*, «цветы и растения» *хвачжохва*, «травы и насекомые» *чвечжохва*. Но из наследия Чон Сона, прежде всего, выделяют пейзажи «подлинного вида» *чингён*

¹ Ширма размещена на сайте музея: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/16363?page=3&fund=28ðnos=3495699&index=133>

сансухва. Это изображения корейских знаменитых ландшафтов, выполненные в особой манере художника. До Чон Сона корейские художники рисовали пейзажи в китайском стиле. Сегодня мастера чтят за то, что он сумел выйти за рамки сложившегося на основе китайских школ канона пейзажной живописи, первым посвятил большую часть творчества изображению корейской природы и разработал для этого оригинальный художественный язык. Сохранилось около трехсот работ художника, среди них большие горизонтальные и вертикальные свитки, створки ширм, веера и альбомные листы.

Ширма из коллекции Кунсткамеры – это восемь пейзажных листов, оформленных как единое произведение. Ширмы обычно состоят из шести-восьми произведений, которые представляют собой единый ансамбль. Поэтому восемь пейзажей на исследуемой ширме на первый взгляд воспринимаются, как серия, посвященная одному сюжету. Официальное название ширмы на сайте музея звучит так: «Ширма с видами горной гряды Кымгансан», автор Чон Сон.

Ширму подарил музею Д. А. Добротин. Он работал в Пхеньянском педагогическом университете советником с 1952–1954 гг. В знак благодарности преподаватели и студенты преподнесли ему в ширму, о чем сообщает надпись под первым пейзажем слева. На всех произведениях есть два иероглифа – подпись художника, и печать.

Ширме посвящена короткая заметка в сборнике статей, выпущенном по случаю 250-летия Кунсткамеры в 1964 г. [1]. В статье говорится, что пейзажи ширмы объединены одним сюжетом – «красота и величие гор Кымгансан». Также написано, что эти «картины Чон Сона по своей художественной выразительности могут быть поставлены в один ряд с лучшими произведениями художника» [1]. Ширма была приписана кисти Чон Сона, скорее всего на основании имеющихся подписей – иероглифов. Сюжет был обозначен как горы Кымгансан, так как эта тема является сквозной в творчестве художника.

В нашем исследовании на основе сравнительного анализа ширмы с произведениями Чон Сона, авторство которых не вызывает сомнений у современных искусствоведов, доказывается, что представленная ширма не является подлинным произведением Чон Сона, а скорее всего представляет собой подделку, написанную во второй половине XIX в. Также на основе анализа сюжетов произведений доказывается, что не все восемь произведений представляют собой пейзажи гор Кымгансан.

Список литературы

1. Ионова Ю. В. Ценное поступление Музея антропологии и этнографии // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. М. : Наука, 1964. С. 264.
2. Хохлова Е. А. Концепция пейзажа чингён сансухва Кёмджэ Чон Сона // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 132–138.
3. Ahn Hwi-Joon. A New Understanding of Jeong Seon (1676–1759) and his True-View Landscape Painting // The Korean Historical Review. 2012. P. 25.
4. Park Jeong-ae. An Aspect of Copy and Circulation of Jeong Seon's Paintings during the Period of Modernization: Collections of the British Library // Korean Studies Quarterly. 2019. P. 148.
5. 생전에 가짜 그림 판처 검재 정선도 기가 막혀! URL: <https://weekly.donga.com/List/3/all/11/95758/1> (accessed on March 2021).

Folding-Screen of Kyomjae Jeong Seon in the Collection of the Kunstkamera (Saint-Petersburg): Question of Attribution

Elena A. Khokhlova

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. In the collection of the Kunstkamera museum (Saint-Petersburg, Russia) there is a folding screen “Kumgang Mountains” attributed to well-known Korean artist Kyomjae Jeong Seon (검재 정선, 1676–1759). The folding screen consists of 8 screens, 83x38 cm each.

Jeong Seon is considered to be one of the four the most important artists in the history of Korean art. He was the pioneer of so called “true-view” landscape paintings. He is the first Korean artist who dedicated most of his oeuvre to depicting Korean landscapes in realistic manner. Artists before him painted landscapes in Chinese style, Jeong Seon depicted Korean nature and produced a specific artistic language to capture the beauty of Korean famous landscapes. It is hard to overestimate the importance of Jeong Seon's oeuvre.

Only several of Jeong Seon's paintings are in the collections outside the Korean peninsula. One of them is the mentioned folding-screen. It was donated by Dmitri Dobrotin who was teaching at Pyongyang in 1952–1954 and received the folding-screen as a gift from the grateful colleagues of Pyongyang Pedagogical Institute. The folding-screen is in good condition, it is painted on paper with China ink and mineral pigments. Each of the paintings has the artist's name and seals which made the originality of the works unquestionable.

But the attribution of the artwork raises questions in spite of the fact that each screen contains the seal and the name of the artist. The artistic manner, the technique of the folding-screen pictures differs from other works by the artist. Based on formalistic analysis this study is to show that the folding-screen is more likely to be a forgery. The manner of depicting stones by using a lot of shadings differs from the artist's style. Also, the fact that the folding-screen was presented to Russian professor itself raises questions. North-Korean museums cannot boast a large collection of Jeong Seon's paintings, only few are in the collections of North-Korean museums. This study shows that the attribution of the folding-screen is not unquestionable.

Keywords: Kyomjae Jeong Seon, “true-view” landscape paintings, attribution, Kunstkamera museum, folding-screen.

Хохлова Елена Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; e-mail: ekhokhlova@hse.ru

Khokhlova Elena Anatolievna, Ph.D. in History of Arts, Assistant Professor, School of Oriental Studies, Faculty of World Economy and International Affairs National research university “Higher school of economics”; e-mail: ekhokhlova@hse.ru